

Нина Стожкова

ВАКЦИНА ОТ СТРАХА

В частной клинике внезапно скончался от ковида крупный бизнесмен. Следом за ним ушли из жизни два доктора, работавшие в Красной зоне. Их диагноз «сердечная недостаточность» вызвал сомнения у подруги умершего олигарха — Анжелы. Капитан полиции Алексей Пищик и криминальный репортер Вездесущая Мышь взялись расследовать это простое, на первый взгляд, дело... Все имена вымышлены, все совпадения случайны.

Нина Стожкова
Вакцина от страха

Назойливый посетитель

В тот раскаленный, как сковородка, июльский день все мужчины в Москве мечтали об одном: скорее добраться домой, освежиться под душем и уютно устроиться с кружкой холодного пива перед телевизором. Вечером предстояла битва итальянцев с англичанами, финал чемпионата Европы, настоящий Большой Футбол — в общем, истинно мужские радости...

Дежурный офицер полиции Иван Калабашкин пребывал после обеда в отвратительном настроении. Матч скоро начнется, а он до сих пор, так сказать, вне игры. Может, в кои-то веки удастся смыться с работы пораньше? Щаззз, разбежался! Стоит тихонько исчезнуть, как тут же, по закону подлости, явится какая-нибудь распаренная дамочка и, помахивая заявлением, примется дергать дверь, скандалить на всю приемную и требовать начальство... Короче, если сегодня слинять по-тихому, завтра точно будет по-громкому — вызовут «на ковер» к руководству...

Калабашкин снял форменную фуражку и медицинскую маску, вытер вспотевшую лысину большим клетчатым платком и продолжал мечтать:

«Скорее бы конец смены! Сорок минут в душном, забитом пассажирами вагоне метро, конечно, не подарок. Зато потом — холодный свекольник с кубиками льда, как я люблю, куриная котлетка с картофельным пюре, зажаренном шкварками, с дольками помидоров. аккуратно разложенными по краю тарелки, кружка ледяного пивасика и расслабленный вечер у «плазмы». Красота! Когда передают Большой Футбол, даже Лида не лезет с глупыми вопросами и не пилит на тему «нет мужика в доме». Умница, понимает важность момента. Надо потерпеть совсем чуть-чуть, и все будет классно. Главное, не задремать на посту. Хорошо, хотя бы потерпевшие не толпятся с заявлениями и не скандалят на всю приемную, как они любят. Наверное, это бонус выпал мне из-за жары и футбола. Вся Москва отложила серьезные дела на потом, то есть на следующую неделю. По телику обещали, что после выходных станет чуть прохладнее».

Размышляя таким образом, Иван провалился в полудрему. Именно в этот миг дверь отворилась, и в комнатушку протиснулся представительный мужчина в кремовом льняном костюме. Вошедший держался уверенно — не так, как обычные граждане. Те вначале робко заглядывают в дверь и лишь потом протискиваются в нее с заявлением в руках.

«Непростой мужик, наверное, из наших, из юристов!» — «отсканировал» взглядом визитера полицейский.

— Адвокат Иннокентий Злобин, — подтвердил его догадку представительный мужчина и продолжил: — Примите, пожалуйста, заявление от моей доверительницы.

Офицер пробежал листок глазами и со стуком отложил его в сторону.

— Да вы что, господин адвокат? Вы это ... серьезно? Ладно бы зареванная девица с подобной бумагой прибежала, но вы... Уж вы-то должны понимать! Никаких перспектив у этого дела нет. Не советую разводить бессмысленную бюрократию: регистрировать заявление, чтобы я передал его в соответствующий отдел, и так далее. Короче, очередной «висяк» нам не нужен. и точка.

— По закону вы обязаны принять заявление, — холодно сказал адвокат.

— А почему эта ваша... доверительница, госпожа... ээээ ... Карпенко лично не принесла его?

Калабашкин попытался потянуть время. Осталось двадцать минут, а там — оле-оле-оле! Голы, очки, секунды. Рабочий день окончен, по трудовому законодательству он имеет право на отдых. Пускай этот самоуверенный тип в дорогом прикиде приходит завтра. С утра будет другой дежурный, и с него, с Ивана Калабашкина, взятки будут гладки.

Ох, не на того напал служивый!..

— Анжела Карпенко понимает, что от нее вы подобное заявление не примете, поэтому поручила мне представлять ее интересы. Вот генеральная доверенность от гражданки РФ Карпенко А.В. на мое имя. Да вы взгляните, не стесняйтесь.

Калабашкин с тоской кивнул. Понял, не дурак. Принять заявление придется по-любому, даже если смена закончится.

Калабашкин взял из рук адвоката листок, зарегистрировал и аккуратно положил в папку. Настроение было испорчено. Завтра наверняка состоится «разбор полетов» в кабинете начальства. Дескать, зачем принял от населения стопудовый «висяк»? То, что население в данном случае представлял адвокат, для начальства не аргумент. Радость от предвкушения Большого Футбола улетучилась, будто и не было ее никогда. Кто победит в финале чемпионата Европы — итальянцы или англичане — да какая, в сущности, разница! К завтрашним разборкам в кабинете начальства «матч века» не имел никакого отношения.

Капитан вступает в игру

«Убойный» отдел полиции наутро выглядел неважно. Все сотрудники мужского пола, разумеется, смотрели ночью решающий матч и теперь по очереди широко зевали. Кое-кто даже дремал, уперев яйцевидный лоб прирожденного аналитика в потертый канцелярский стол. Два следователя с хмурым видом отхлебывали кофе, чтобы лучше соображать к приходу начальства.

— Доброе утро, пинкертоны!

Полковник Жолобов нарисовался в дверях с довольным видом. Алексей Пищик вспомнил: когда наши позорно вылетели из своей группы, шеф принялся яростно болеть за Италию.

— Вива Италия! — крикнул капитан Пищик отчасти из подхалимажа, отчасти из-за того, что итальянцы и впрямь играли в этот раз круто.

— Да уж, вива! — охотно отозвался шеф. — Скажи, итальянцы молодцы! Задали жару обнаглевшим англосаксам, которые своим же на Уэмбли подсуживали. Эх, если бы наши так играли! Ну, ладно, мужики, оттянулись вчера, пора и работу работать. Куча заявлений в отделе скопилось. Вот, например, совсем свежее. От некой Анжелы Карпенко. Заявление длинное, читаю, господ сыщики, с сокращениями и без преамбулы:

«Мой гражданский муж Константин Калюжный скончался два дня назад в подмосковной клинике «Марфино». Как сказано в выписке, «от последствий новой коронавирусной инфекции». Через два дня после смерти моего супруга в ординаторской скоропостижно умерла его лечащий врач Надежда Петровна Крымова. У меня имеются все основания думать, что смерть Калюжного К.В. и его лечащего врача Крымовой Н.П. была вызвана не ковидом, а другими, не менее серьезными причинами. Две недели назад я положила Константина в это леченое учреждение, в палату для VIP пациентов. В клинике мне было сказано, что у моего мужа выявлено заболевание ковидом в легкой форме, однако в связи с тем, что ему уже 55 лет, неплохо было бы понаблюдать за пациентом пару недель. Ни о какой тяжелой форме заболевания и речи не шло. Смерть Константина Васильевича случилась внезапно, как гром среди ясного неба. У нас имеется общий ребенок, Калюжный Константин Константинович, 2018 года рождения. Я одновременно потеряла и отца ребенка, и кормильца, и любимого мужчину. Заверяю вас, что буду добиваться правды всеми доступными средствами. У меня есть своя версия гибели мужа. В последнее время Константину Васильевичу постоянно угрожали антипрививочники. Мой гражданский муж был последовательным борцом за вакцинацию. Он создал и финансировал мой фонд «Вакцинация», а также мой ютуб канал «Вакцинация? Да!». В медицинском заключении сказано: «Смерть Калюжного К.В. наступила в результате сердечно-сосудистой недостаточности». Примерно такой же диагноз написан в заключении о смерти Н.П. Крымовой. Я была близко знакома с Надеждой Петровной и не припомню, чтобы она когда-нибудь жаловалась на проблемы с сердцем. Прошу полицию тщательно разобраться с обстоятельствами смерти моего гражданского мужа Калюжного К.В. и его лечащего врача Крымовой Н.П.»

Полковник Жолобов закончил читать и обвел глазами подчиненных. В комнате воцарилась полная тишина. Опытные следы прятали глаза, словно школьники, которые боятся, что их вызовут к доске. Каждый понимал: смерть от ковида в пожилом возрасте дело,

к сожалению, обычное, расследовать тут нечего.

— Итак, кто из вас, господа офицеры, возьмется за столь «сложное» дело? — спросил полковник с легкой издевкой и протер платком лысину, круглую, как футбольный мяч. Внезапно он стал похож на тренера итальянцев Манчини, вырвавшего вчера буквально зубами победу у англичан.

— Я работаю по бытовому убийству, товарищ полковник, сроки поджимают, — пошел в отказ Колян Сидоров.

— Я тем более не могу, — заявил Шурик Астраханский. — у меня убийство подростками бомжа у винного магазина. Там еще остаются вопросы, найдены и допрошены далеко не все свидетели.

— Ладно, нападающие, дополнительное время закончилось! — приказал полковник. — Назначаю пенальти. По воротам, то есть, по госпиталю «Марфино» будет бить капитан Пищик.

— А почему я? — растерялся Алексей.

— Потому что ты сейчас никакое серьезное дело не ведешь. Здесь же, по всем прикидкам, ерунда. Возни максимум на неделю. Допросить главврача, затем эту самую Анжелу Карпенко, заявительницу, ну и кое-кого из медперсонала больницы. И все! Дело закрыто! Докладываем наверх, что подозрения гражданки Карпенко не подтвердились.

— А почему мы вообще должны носиться с подозрениями этой самой гражданки Карпенко как с писаной торбой? — лениво спросил Колян. — Не пошла бы она... в аут!

Начальство порой позволяло Коляну, матерому и фартовому следователю, подобные вольности в разговорах со старшими по званию. Никто в комнате не удивился его развязному тону, потому что у каждого в отделе давно была не раз отрепетированная и сыгранная роль.

— Эх, мужики, совсем фишку не рубите! Нюх, елы-палы, утратили! А нюх для следака — первейшее дело, — усмехнулся полковник. — Дело в том, что гражданский муж этой дамочки... Ну, то бишь, уже бывший гражданский муж... Короче, этот самый Константин Калюжный был не обычным унылым мужиком предпенсионного возраста, а самым настоящим олигархом. Причем не по версии журнала «Мурзилка», а по версии «Форбса». После полтинника этот пожилой перец завел, как у них принято, молодуху, но, разумеется, не развелся с законной женой. У богатеев с их яхтами и бабками в офшорах не то что на двоих, на целый гарем денег хватит. Не удивительно, что мужик в годах послушно исполнял все капризы молодой любовницы, разумеется, бывшей фотомодели, и позаботился о ее будущем и о будущем их общего ребенка. Короче, у этой Анжелы имеются и связи, и деньги, и адвокаты... Теперь понятно? К сожалению, послать ее подальше мы не можем. Короче, Алексей, сегодня же приступай к работе. Через неделю доложишь. Мы должны дать этой, прости господи, вдове обоснованный ответ: дескать, ваш пожилой друг умер от последствий ковида, а его врач — от сердечной недостаточности. Приносим свои соболезнования и так далее. Дескать, все подробно изложено в медицинском заключении. Ваши подозрения не подтвердились, дело закрыто ввиду отсутствия состава преступления. Ну и в конце число и подпись.

— Георгий Владимирович, пощадите, у меня отпуск через неделю! — возмутился Леха, — вдруг не уложусь в срок?

— Подумаешь, отпуск! Мухой пролетишь по всем свидетелям, по разику их расспросишь, накатаешь заключение — и валяй, гуляй, — проворчал полковник. — Кстати сказать, сейчас не самое лучшее время для курортов. Повсюду требуют эти самые ПЦР-тесты

и кьюар-коды. Видал, какие очереди в Шереметьево? По телику каждый день показывают. А духота в самолетах? А вирусы в накопителях? Пассажиры сходят с ума и даже аварийные двери, не дождавшись взлета, открывают. Недавно один гражданин такое отчебучил. Пианист оказался. Между прочим, преподаватель консерватории! Кто бы мог подумать... Как говорил Жванецкий: «Может, в консерватории что-то надо подправить?».

— А, может, лучше кондиционер в самолете починить? — зло парировал следователь Пищик. Капитан разозлился не на шутку. Какого лешего шеф испортил настроение с самого утра? Угораздило попасться начальству под горячую руку, и теперь давай, работай по новому делу перед отпуском... Интересно, за что такая невезуха?

— Да я всего на две недели хотел в санаторий смотаться, внезапно льготную путевку предложили. Может, приеду — и со свежими силами стартану? — сделал капитан последнюю попытку отмазаться.

— Капитан Пищик, не умничай! Приказываю немедленно приступить к работе.

Алексей с силой пнул корзину с бумагами, словно был не руководителем следственной группы на Петровке, а знаменитым итальянским форвардом, и принялся внимательно читать заявление Анжелы Карпенко.

Хозяйка богатой усадьбы

— Проходите, располагайтесь на диване, я сейчас спущусь! — звонкий девичий голос прозвучал откуда-то сверху. Алексей поднял голову и оробел. На деревянной галерее, опоясывавшей второй этаж, стояла очаровательная молодая дама и улыбалась ему. Раньше подобных красоток он видел только в кино и по телику — в рекламе дорогого парфюма. Высокая, тоненькая, с пышной копной светлых волос и яркими васильковыми глазами.

Алексей исподволь огляделся. Живут же люди! Обстановка — как в сериалах. Интерьеры шикарные, под стать хозяйке. Просторный двусветный холл с высоченным потолком был залит летним солнцем. Он снова перевел взгляд на красавицу. Солнечные лучи, преломляясь в окнах, просвечивали сквозь легкий халатик, открывая взору ее стройную фигурку и длиннющие ноги.

— Да вы присаживайтесь, я сейчас, — рассмеялась хозяйка, заметив его робость, и скрылась в глубине дома.

Возле панорамного окна расположились пальма и мандариновое деревце, рядом — кремовый диван со множеством подушек, напротив дивана — журнальный столик со стеклянной столешницей, на полу — живые цветы в высоких вазах, на стене — портрет хозяйки рядом с представительным мужчиной, видимо, умершим олигарха. Прежде Пищину не доводилось бывать в подобных домах. Начальство предпочитало заслать его куда-нибудь в отдаленный спальный район типа Южного Бутова или в «человеяники» Новой Москвы, заслоненные такими же высокими домами-монстрами от солнечного света. Там в маленьких квартирках стояла одинаковая мебель из «ИКЕИ», пахло картошкой-фри из «Макдональдса» и наполнителем из кошачьего лотка. В этом же доме пахло кофе, горячими булочками и дорогими духами.

— Я скоро! Алексей Викторович, не скучайте, сейчас вам принесут кофе.

Приятный женский голос из глубин дома звучал завораживающе. Алексей почувствовал себя Одиссеем в гостях у нимфы Калипсо. Он присел на краешек дивана и принялся рассматривать картины на стенах.

Вскоре откуда-то сверху спустилась немолодая дама с подносом, похожая на учительницу начальных классов: гладкая прическа, очки в темной оправе, платье с белым воротничком, доброжелательный, но цепкий взгляд. Домработница ласково улыбнулась гостю, бесшумно поставила поднос на столик и скрылась в недрах дома. На подносе оказались две кофейных чашечки костяного фарфора на тонких блюдцах и две чайных чашки, прозрачный чайник с заваркой красноватого оттенка, турка с кофе, вазочка с тростниковым сахаром и еще одна — с домашним печеньем.

Алексей сделал пару глотков кофе, откусил кусочек вкуснящего печенья с корицей и продолжал исподволь поглядывать по сторонам. Дааа, живут же люди! В сравнении с этим дворцом особняк Максима Горького на Большой Никитской, где Леха однажды побывал на экскурсии, выглядел жалкой избушкой! Архитектор напихал в дом, изначально построенный для купца, кучу «примочек» в стиле модерн, даже спроектировал «морскую» лестницу, но из-за революции хозяин дома и его семья недолго там жили. Когда Максим Горький вернулся из-за границы, Сталин царским жестом предложил писателю въехать в купеческий особняк. Классик немного посомневался, принимать ли «царскую милость», однако согласился. Друзья-писатели тут же начали люто завидовать защитнику бедных и

угнетенных, ставшему в одночасье хозяином роскошного особняка в центре столицы. Разве мог кто-нибудь из них предположить, что советский классик проживет в хоробах недолго, и что судьба уготовит Алексею Максимовичу, его сыну и его семье еще не одну трагедию в этом доме...

Леха подумал, что в роскошном доме олигарха Калюжного с недавних пор тоже поселилась тень смерти. Эту госпожу в черном капюшоне и с косой не подкупишь никакими миллионами. Явится однажды непрошено и объявит, как Ольга Бузова в ютубе: «Вот она я!».

Алексей вновь окинул взглядом портрет Калюжного и Анжелы. Художник нарисовал их сидящими в обнимку на том самом диване, где сейчас расположился капитан Пищик. Влюбленные позировали портретисту со счастливыми улыбками, не догадываясь, что вскоре смерть, эта ревнивая особа, положит глаз на Константина Васильевича и явится к нему, отодвинув всех его женщин.

Не успел Алексей додумать эту грустную мысль, как послышался стук каблучков. Хозяйка успела сменить прозрачный халатик на закрытое темное платье. заколоть роскошные волосы в узел и придать лицу печальное выражение, которое более пристало безутешной вдове. Капитан про себя отметил, что скромный облик молодой женщины лишь подчеркнул ее красоту.

— Вы Анжела Карпенко? — на всякий случай уточнил Пищик, хотя уверенные походка и взгляд девушки не оставляли сомнений: она и есть хозяйка этого просторного и шикарно обставленного дома.

— Да, это я написала заявление и попросила моего адвоката отвезти бумагу, куда надо, чтобы ее наверняка зарегистрировали.

Хозяйка дома уселась напротив Алексея на стул, провела рукой по роскошным волосам и внимательно взглянула на визитера.

— Капитан полиции Алексей Пищик. руководитель следственной группы. Мы договаривались о встрече по телефону. Полковник Георгий Жолобов поручил мне вести ваше дело. Разрешите задать несколько вопросов?

Леха очень старался, чтобы его голос звучал уверенно, однако рядом с такой красавицей было непросто выглядеть деловым и суровым.

— Заранее извиняюсь, Анжела Тарасовна, некоторые вопросы могут показаться вам бестактными, — пробормотал он.

— Пожалуйста, спрашивайте, не стесняйтесь, — улыбнулась девушка. — Отвечу на любой вопрос, ведь я сама обратилась в полицию с требованием расследовать обстоятельства смерти моего мужа.

— Вы ведь не законная жена Константина Калюжного, а его подруга? — Леха внезапно почувствовал, что краснеет.

— У нас был гражданский брак, — улыбнулась девушка и взглянула на следователя большими синими глазами, которые теперь показались капитану не васильковыми, а темно-фиалковыми, поскольку увлажнились слезами. Сердце бравого мента предательски торкнуло, но он собрал волю в кулак, насупился и продолжал официальным тоном:

— Калюжный предлагал вам оформить отношения?

— Предлагал, но я не давила. Если двое любят друг друга, формальности не слишком важны. Я была уверена, что рано или поздно мы с Костей придем к этому решению. Понимаете, он... он по-настоящему любил меня. Я это знала.

— А вы? — спросил Леха и слегка покраснел.

— Конечно, я любила Костю. Он был для меня всем! Муж открыл мне мир успешных людей, ввел туда, куда я раньше даже заглянуть боялась. С ним я почувствовала себя защищенной, уверенной в себе, по-настоящему счастливой. Ведь деньги — это тоже счастье, правда?

Анжела лукаво взглянула на следователя.

— Конечно. Когда они есть, — проворчал капитан.

— Я пошутила, — сказала Анжела. — деньги у меня есть, но что в них толку, когда нет Константина? Я ведь даже грамотно распорядиться ими не могу.

Анжела всхлипнула, и тон капитана вопреки его желанию смягчился:

— Успокойтесь, пожалуйста! Вашего мужа уже не вернуть, а вам надо жить дальше и растить сына. В общем, давайте начистоту. Калюжный был весьма обеспеченным человеком. У вас с Константином Васильевичем общий ребенок. Мне кажется, законный брак повысил бы ваш статус...

— У нас три года назад родился сынок, Костик-младший. По-моему, это скрепило наш союз крепче штампа в паспорте. Близкие друзья Константина и так знали, что я его жена и мать его ребенка. А формальности... У меня было все, что душе угодно, и даже больше. Знаете, что главное для женщины?

— Любовь? — брякнул Алексей первое, что пришло в голову.

— Терпение, — улыбнулась Анжела. — В отношениях мужчины и женщины все должно идти естественным путем, без насилия и ультиматумов. Мужчины очень не любят, когда на них давят. Вы ведь тоже не исключение?

Капитан Пищик в ответ только хмыкнул и продолжал:

— Почему вы утверждаете, что Константина Калюжного отравили?

Алексей решил вернуть разговор в привычную для следствия колею, чтобы не увязнуть в рассуждениях о тайнах женской и мужской психологии, чувствах и прочих зыбких материях, в которых был не слишком силен.

— Мне трудно говорить на эту тему. Я все написала в заявлении... Понимаю, что кое-что объяснить придется, но... Простите!

Глаза Анжелы опять наполнились слезами.

— И все-таки, гражданка Карпенко, мне хотелось бы услышать, на чем основаны ваши подозрения, — сказал Пищик, стараясь не замечать ее слез.

Анжела уселась поудобнее на стуле и начала говорить. Много в ее рассказе показалось следователю удивительным. Подобное он прежде видел только в кино: виллы, Лазурный берег, набережная Ниццы...

Оказалось, Анжела и Калюжный три недели назад прилетели в Москву с Лазурного берега Франции, где проживали в последнее время. Анжела призналась, что очень не хотела возвращаться на Родину:

— Морской климат, качественные продукты, и вообще — юг Франции, согласитесь, это не наше дождливое и прохладное даже летом Подмосковье, — всхлипнула она.

Анжела говорила медленно, с паузами, словно боялась упустить какую-нибудь важную подробность. По ее словам, Калюжный настоятельно просил сопровождать его в деловой поездке в Москву. Разумеется, они взяли с собой малыша. Остановились в этом доме, за которым в их отсутствие присматривали помощница Калюжного Зинаида (та самая женщина с внешностью учительницы, которая сварила кофе, заварила чай и, видимо, испекла печенье), и ее муж Анатолий.

— Зинаида Михайловна, принесите, пожалуйста, еще кофе, — крикнула Анжела вглубь дома. Она взглянула на пустую вазочку и добавила: — И печенье прихватите для нашего гостя.

— Минуточку, сварю кофе и все принесу, — отозвалась Зинаида, появившись в проеме двери.

— Извините, — смутился следователь, — очень уж печенье вкусное.

— Не стесняйтесь, — улыбнулась сквозь слезы Анжела. — У нас его все равно некому есть. Я на вечной диете, у Зинаиды сахарный диабет. Константин обожал это печенье, вот Зина и печет его по привычке — к радости маленького Костика. Мальчик съедает одну-две штуки, остальное остается, я иногда соседей угощаю.

Помощница принесла турку с кофе и аккуратно долила ароматный напиток в изящные чашечки. Она обвела цепким взглядом холл и сразу же заметила непорядок, достала из кармана передника салфетку, чуть смочила ее из графина, затем отошла в противоположный угол холла, где был разбит небольшой зимний садик, и принялась аккуратно протирать крупные ярко-зеленые листья растений. Алексею показалось, что домработница внимательно прислушивается к разговору, стараясь оставаться незаметной.

Между тем Анжела продолжала подробно отвечать на вопросы капитана. Она рассказала, что законная супруга Калюжного Елена Ивановна проживает с детьми и внуками в другом коттеджном поселке. Этот же дом принадлежал исключительно Константину, так что проблем с подмосковным жильем у них не возникло. Они собирались пробыть тут всего пару недель, даже не все вещи распаковали. Константин рассчитывал быстро решить все деловые вопросы в Москве, а потом благополучно отбыть с Анжелой и Костиком обратно — во Францию. Так бы, вероятно, и произошло, если бы не проклятый ковид. Через неделю после приезда в Москву Калюжный заболел, вскоре у него выявили новую коронавирусную инфекцию, а еще через две недели олигарх скончался в подмосковной клинике «Марфино».

— Не понимаю, почему вы упорно не верите медицинскому заключению о смерти вашего мужа? — не выдержал Алексей. — Вы что — инфекционист? Или вирусолог? Или извиняюсь, патологоанатом?

При слове «патологоанатом» Анжела разрыдалась.

Алексей взял с подноса салфетку и протянул хозяйке. Ее носик и глаза сделались красными, но от этого не перестали быть менее красивыми. Леха еле удержался, чтобы не обнять Анжелу со словами утешения. Однако взял себя в руки, откашлялся и снова заговорил официальным тоном:

— Ну-ну, Анжела Тарасовна, не надо плакать, слезами горю не поможешь. Все же у Константина Васильевича и возраст был солидный, и ковид — болезнь коварная. В наше время даже молодые от нее умирают. Ваш гражданский муж, судя по заключению врачей, ушел из жизни от последствий коронавируса и обширного поражения легких. Доктор Крымова, также судя по медицинским документам, скончалась от сердечного приступа. При такой сумасшедшей нагрузке в Красной зоне, какая была у нее в последнее время, это не удивительно.

— Замолчите! Не хочу дальше слышать подобную чушь!

Лицо Анжелы стало упрямым и злым. Она промокнула глаза салфеткой и сказала:

— Все было не так, как вы говорите. Уж я-то знаю! Мерзавцы! Сволочи! Убийцы!

В голосе Анжелы послышались упрямые, даже визгливые нотки. Она явно не привыкла слышать возражения, тем более от мужчин. В воздухе запахло истерикой.

«Так вот какие девушки покоряют сердца олигархов из списка Форбс! — подумал Алексей. — Красота — лишь часть их ресурса. Энергичные и волевые, они никогда не отступают от намеченной цели и идут к ней напролом, несмотря ни на что. Вот вам и «кроткая овечка»! Даже я едва не попался на крючок. Надо держать с ней ухо остро!».

Зинаида молча подошла к Анжеле, достала из того же необъятного кармана своего передника валокордин, налила воды из кувшина в стакан, стоявший на столике, и накапала, беззвучно шевеля губами, тридцать капель.

— Выпейте, — настойчиво попросила она хозяйку. — Сразу полегчает.

Анжела не стала спорить и сделала пару глотков.

— Ну, и как, по-вашему, Анжела Тарасовна, все произошло? Расскажите! — попросил Алексей и включил диктофон.

— Записывайте, мне скрывать нечего, — прокомментировала его действия Анжела. — Я считаю, что смерть моего мужа и его доктора — дело рук одной и той же опасной секты.

— Какой-такой секты? Уточните, пожалуйста.

Взгляд капитана внезапно стал заинтересованным. Ну хоть что-то новенькое в этой однозначной истории.

— Секты антипрививочников. Эта опасная секта действует в столице с начала пандемии. Ее члены занимаются шантажом, рассылают угрозы, и я уверена, что они не остановились перед двойным убийством.

Следователь подвинул диктофон поближе к хозяйке дома и включил его на запись.

Вдова в законе

Расставшись с Анжелой, капитан Пищик с досадой подумал, что начал расследование не с того конца. Все-таки по закону вдовой Калюжного является Калюжная Елена Петровна, а не Карпенко Анжела Тарасовна. В общем, переговорить с вдовой номер один придется в любом случае.

— Я в трауре и никого не принимаю, — отреагировал на его звонок низкий женский голос с приятными обертонами.

— Простите, но я как раз по этому вопросу. Расследую причины смерти вашего мужа. Анжела Тарасовна Карпенко написала заявление в полицию о возможном убийстве Калюжного Константина Васильевича и его лечащего врача Надежды Петровны Крымовой, — сообщил капитан самым официальным тоном, на какой был способен.

— Приезжайте через два часа, — отозвался женский голос, внезапно ставший деловым и даже более высоким.

Алексей едва успел к назначенному времени. Дом Елены Калюжной находился в другой части Подмосковья, и путь туда оказался не близким. Капитан Пищик предполагал, что коттедж у официальной жены олигарха покруче, чем у гражданской, однако он неожиданно оказался более скромным, хотя и уютным.

«Сразу видно, что в Елену, хоть она официально и числилась женой, олигарх инвестировал значительно меньше, чем в молодую любовницу», — подумал Алексей.

Дома жены и любовницы роднило лишь одно: картины в холле. На полотне примерно такого же формата, как в доме Константина Калюжного, был изображен все тот же покойный олигарх, но уже с законной супругой Еленой. Они так же, как Анжела и Константин, смотрели в упор на зрителя и счастливо улыбались.

— Какой классный портрет! — сказал капитан. Он не ошибся, картина действительно была написана с большим мастерством.

«Хоть бы эти олигархи разным художникам портреты своих дам заказывали, а то картины выглядят, как близнецы», — подумал капитан.

Елена Калюжная как будто подслушала его мысли.

— Итак, что у вас имеется? Заявление от любовницы Константина? — уточнила она деловым тоном.

— Она называет себя его гражданской женой, — поправил Алексей.

— Ой, я вас умоляю! У него этих «гражданских» было столько... Как говорится, седина в бороду... Ну, вы меня понимаете.

— Гражданка Карпенко утверждает, что вашего мужа Константина Калюжного отравили в клинике «Марфино», — Леха решил быстрее перевести разговор на деловые рельсы. Копаться в отношениях жены и любовницы ему очень не хотелось. Какой-то бабский «глянец», а не допрос получается. В подобных делах сам черт ногу сломит, а до правды так и не доберется.

— Если бы эта дамочка не таскала Константина по ресторанам, гостям и театрам, он бы не подхватил ковид и не умер в «Марфино». К чему теперь говорить о том, что уже не исправить. Этой цепкой сучке требовалось щеголять «в свете» брендовыми шмотками, болтать с подружками про шикарную жизнь на Лазурке и демонстрировать свой лживый статус «замужней дамы» подписчицам в Инсте. Здоровье и преклонный возраст моего

Костика ее волновали меньше всего.

Дама внезапно всхлипнула. Следователь внезапно растерялся и замолчал. Удружило начальство, нечего сказать! Он что, нанялся богатым бабенкам слезы вытирать? Алексей Пищик — опытный следак, а не духовник и даже не психотерапевт, черт побери!

Однако беседа со свидетельницей была не окончена, и Алексей, сочувственно покивав немолодой даме, продолжил допрос.

— Что вы можете сказать о докторе вашего мужа — Надежде Петровне Крымовой? Надеюсь, вам известно, что эта женщина-врач тоже скоропостижно умерла в клинике?

Хозяйка помолчала, а потом спросила:

— Вы в курсе, сколько врачей скончалось в «Марфино» за последние полгода? — ответила Калюжная вопросом на вопрос.

— К сожалению, нет.

— Тогда я вам скажу: их умерло достаточно, чтобы всерьез не обсуждать глупые подозрения Костиной любовницы. Я уверена: всем погибшим от ковида врачам памятник в центре Москвы надо поставить! Заслужили!

— Одним словом, вы, Елена Петровна, не верите в насильственную смерть вашего мужа? — уточнил Алексей.

— Молодой человек...

— Капитан полиции Пищик. — поправил следователь.

— Так вот, капитан, у меня накопилось множество важных дел после смерти моего мужа, и я не могу тратить время на заявление, которое написала в полицию эта молодая аферистка, тем более, обсуждать с вами ее фантастические домыслы. Между прочим, тело Константина Васильевича до сих пор не захоронено. Его труп лежит в морге больницы. В холодильнике, потому что его алчные родственники и эта самая Карпенко все никак не могут решить, как и где его хоронить.

— За вами как за законной женой — решающее слово. Какой вариант вы, Елена Петровна, предложили?

— Я хочу кремировать тело мужа, чтобы увезти прах Кости в Питер и похоронить там вместе с его родителями. Это было бы по-людски. Однако Карпенко утверждает, что Константин давно купил себе место на престижном Введенском кладбище, где похоронена его бабушка. Как вы догадываетесь, мне трудно говорить об этих вещах. Все последние дни я живу исключительно на лекарствах... Надеюсь, я ответила на все вопросы?

Капитан кивнул, простился с вдовой и отправился к машине. Сев за руль, он ругнулся и подумал, что отпуск через неделю ему точно не светит.

Новые еретики

— Эй, девушка, намордникними! Не слышно же ни фига, что ты гавкаешь! — повернулся к Марго краснорожий дядька в черной футболке с надписью: «Нет чипированию!».

Риту передернуло и от надписи, и от хамства незнакомца, однако она постаралась ответить максимально вежливо:

— Наденьте, пожалуйста, маску. Число заболевших ковидом в последнее время зашкаливает. Не хочу, чтобы вы дышали мне в лицо!

— Еще чего! Саманими намордник, тупая тварь! — отреагировал мужик и насмешливо уставился на Риту маленькими пороссячьими глазками.

Девушка растерялась. В переполненном вагоне метро трудно дать отпор хулигану. В особенности, когда толпа прижимает тебя вплотную к агрессивному толстяку. Вдобавок от этого типа нещадно разило потом, отчего Риту внезапно затошнило. Хам откровенно насмеялся над ней и не собирался поднимать маску с подбородка на нос.

— Я сейчас нажму кнопку связи с машинистом, и вас примет на станции наряд полиции, — пригрозила Рита. — Слышали на эскалаторе объявление: «В связи с увеличением числа заболеваний ковидом все пассажиры обязаны носить медицинские маски и перчатки. Нарушителям грозит штраф.»?

— Круто тебя зазомбировали, идиотка! — прошипел мужик, ничуть не испугавшись. — Скоро таким, как ты, жидкие чипы под кожу впрыснут. Нашла, чем пугать! Полицией! Вот дура очкастая! Уже весь мир против вакцин и карантина протестует. Ты одна готова чипироваться, как овца. Давай-давай, пробирайся к своей любимой кнопке. Обними дядю, а то дядя щазз заплачет. Чо, слабо?

Мужик перегородил свиноподобным телом проход, и без того забитый людьми, и для пушей убедительности перекрыл Рите путь волосатой ручищей. Он взирал на нее свысока, как на блоху, которую надо срочно прихлопнуть.

— Слушайте, полегче! Я выложу вашу фотографию в социальные сети! — пропищала Рита. От гнева и страха ее голос сделался писклявым, как у перепуганной первоклассницы в кабинете завуча, а ладони внезапно стали влажными. — Я напишу о том, что вы серьезно оскорбили людей вокруг. Вдруг у вас, мужчина, ковид? Вы ведь без маски! Вы плевать на людей хотели! — пропищала Рита хрипловатым от волнения фальцетом.

— Плевать? На людей? Не-а, на людей не буду, а вот на таких, как ты истеричек... А чо, это мысль!

Мужик мерзко захохотал и, пробираясь сквозь толпу, чтобы выйти из вагона на «Киевской», плюнул Рите прямо в лицо. Девушка побелела от бешенства и рванула за ним. Черт! Черт! Двери захлопнулись прямо перед ее носом, и поезд тронулся. В душе Риты, словно лава, кипели и лопались горячие пузыри бессилия и злобы.

— Вот урод! — сказала она вслух. — А вдруг этот псих и вправду носитель ковида? Хорошо, что я была в маске!

Марго с отвращением запихнула оплеванную маску в целлофановый пакет и убрала в рюкзак, а из другого мешочка достала новенькую, которую тут же нацепила, как положено, прикрыв не только рот, но и нос

Никто в вагоне не поддержал девушку. Пассажиры молчали, демонстративно

уоставившись в смартфоны и айфоны. Рита вспомнила нашумевшую историю о том, как в переполненном вагоне метро за девушку, к которой приставали хулиганы, вступился лишь один парень, и подонки в отместку изуродовали ему лицо. Остальные пассажиры мужского пола жались по углам, как перепуганные зайцы, освободив бандитам, недавно спустившимся с гор, место для расправы над москвичом. Потом, парня наградили медалью, в больничную палату к нему пришел сам мэр Москвы, но здоровье храбрецу, разумеется, никакие награды не вернут...

Рита огляделась. Большинство людей были без масок, лишь у немногих они болтались где-то в районе подбородка. Почти никто в столице не воспринимал угрозу пандемии всерьез и не носил «намордники», несмотря на то, что число заболевших ковидом росло с ужасающей быстротой и кривая графика, который ежедневно выкладывали в интернете, поднималась в последние дни почти вертикально. Что удивительно, даже штрафы мало кого пугали, народ назло столичному начальству не собирался подчиняться здравому смыслу.

«Какая мы все же странная нация! Восстаем против ношения масок, вместо того, чтобы выступать против пенсионной реформы. В то время, когда европейцы послушно выполняют жесткие требования городских властей, дисциплинированно соблюдают самоизоляцию и локдаун, россияне плюют с колокольни Ивана Великого на все запреты. Впрочем, ничего удивительного: наш народ испокон века привык не доверять начальству и жить по двойным стандартам. Вот и теперь... Публично официальным установкам возражают единицы, а большинство ковид-диссидентов просто молча поступает с точностью до наоборот», — подумала Рита, а вслух сказала:

— Назло маме отморожу уши.

Она окинула презрительным взглядом пассажиров, но никто не собирался вступать с ней в полемику. Девушка немножко помусолила остывавшую обиду, затем достала из рюкзака смартфон, кликнула по иконке популярной газеты и углубилась в новости столицы. Репортеру Мышкиной не терпелось узнать, о чем пишут конкуренты, чтобы завтра сработать на опережение и выложить последние новости первой.

Вездесущая Мышь

Маргарита Мышкина трудилась криминальным репортером портала «Всякая всячина». Информация об убийствах, ограблениях, автомобильных авариях и прочих серьезных инцидентах в городе была ее коньком и ее, так сказать, хлебом. Свою колонку она подписывала псевдонимом Вездесущая Мышь, и число подписчиков на Мышь постоянно росло. Пока светские обозревательницы пили шампанское на презентациях дорогих брендов и в пресс-центрах модных фестивалей, чтобы потом настроичить ехидные репортажи о дорогих, но безвкусных нарядах звезд и политиков, Марго мчалась на место убийства или аварии, дабы первой рассказать читателям о двух трупах, найденных в Бирюлево, или о трех задержанных рецидивистах в Ново-Косине. Ее рабочей одеждой были не вечерние платья и туфли на каблуках, а джинсы, кроссовки, футболки с прикольными надписями и куртки.

— Что за работа для девушки, — ворчала порой мать Риты, — писать об убийствах, драках и грабежах? Тебя, Ритка, так никто замуж не возьмет. Впрочем, твоя сестрица Женя тоже отнюдь не воплощение женственности. Одни бизнес-планы и отчеты в голове. И в кого вы такие? А тут еще порталы феминисток — пофигисток вам головы морочат. Как-то я туда заглянула, чисто из любопытства. Ох, беда! Сбивают эти страшилки симпатичных девчонок с истинного пути, обрекают на одиночество. Мужики любят домашних, уютных жен, у которых на кухне пахнет пирогами и борщами, в то время как они сами смотрят футбол, удобно устроившись на диване.

На слове «борщ» отец Риты обычно отрывался от телевизора и с укором смотрел на жену, поскольку та борщами не заморачивалась, а пропадала целыми днями в своей научной лаборатории на биофаке МГУ. В дом супруга покупала в основном полуфабрикаты, чтобы свести готовку к минимуму.

Рита в ответ на мамины слова лишь усмехалась. Еще не хватало пироги печь! Для чего? Кому? Фигуру испортить? Может, еще начать смотреть, как Женя, в компьютере похожие один на другой сериалы? Ну уж нет, не для этого весь двадцатый век женщины боролись за равноправие!

Вернувшись домой после скандала в метро, Рита заварила чай, сделала пару бутеров и плюхнулась за компьютер. Что ж, если мужчины в наши дни стали такими трусами, что боятся дать отпор хулиганам в вагоне, она будет отстаивать правду в одиночку, в своей колонке на портале «Всякая всячина». Как учили на родном журфаке МГУ, пресса не только выражает, но и формирует общественное мнение. Кто-то ведь обязан морально «мочить» мерзавцев — тех, что изувечили в вагоне метро парня, сделавшего им замечание, или того хама, что плюнул в нее сегодня. От подобных мыслей настроение у Риты безнадежно испортилось. Однажды такие же твари напали в парке на Полинку, Ритину школьную подружку, избили ее и по очереди изнасиловали. На следующее утро Полинка не появилась в школе, и Рита, теряясь в догадках, отправилась к ней домой. В первую секунду она не узнала подругу. Жесткие складки у рта, синяки под глазами, искусанные губы с запекшейся кровью, взгляд, как у забитого зверька, которого отобрали у живодеров. Рита попыталась обнять ее, но Полинка резко отшатнулась. Видимо, любое прикосновение причиняло ей боль и напоминало о вчерашнем. Рита не знала, что сказать, как утешить подружку, и вскоре ушла.

Тех уродов так и не нашли. Полинка потом год ходила к психологу, но так до конца и не избавилась от ночных кошмаров и от отвращения ко всем без исключения особям мужского

пола. Познакомившись с парнем, она сразу же начинала думать, что за его симпатичной наружностью и маской добряка-весельчака может таиться такое же звериное нутро, как у тех подонков, что напали на нее, когда она возвращалась через парк из театра домой. Прошло несколько лет, и подруга, казалось, стала потихоньку забывать тот вечер. Рита надеялась, что мозг Полинки, включив программу самосохранения сотрет из ее памяти подробности того страшного эпизода. Однако в минуту откровения подруга призналась Рите, что вообще не собирается выходить замуж. Никогда и ни за кого. Марго эти слова поразили: кто же может знать свое будущее? Жизнь такая длинная... Но вскоре Рита заметила: мужчины действительно перестали интересоваться Полинку, словно тот вечер выжег ее изнутри. Подруга пару раз обмолвилась о желании уйти в монастырь... Вот тогда-то Марго и решила стать криминальным репортером. Писать репортажи о выставках и концертах было, конечно, приятнее, но после несчастья с Полинкой она поняла: нечестно писать о театральных премьерах, если девушки в наше время не могут безопасно возвращаться домой из театра. Однажды она села за компьютер и написала первое эссе в свою криминальную колонку. Потом еще и еще. Неожиданно у газеты «Всякая всячина» прибавилось несколько тысяч подписчиков, и главред Матвей Шпажкин впервые взглянул на Риту с уважением. Назавтра он объявил ей о прибавке зарплаты.

Эпоха коронавируса внесла серьезные коррективы в работу Риты. Впрочем, кое-что даже изменилось к лучшему. Теперь Рите не требовалось появляться в офисе ежедневно, а ведь еще недавно приходилось тащиться в редакцию лишь для того, чтобы помелькать перед начальством. В то блаженное доковидное время Шпажкин желал ежедневно убеждаться, что недаром платит деньги репортеру Мышкиной, впрочем, как и остальным сотрудникам редакции. Для этого он устраивал на работе бесконечные совещания, нередко после восьми вечера.

«Вот ведь фрукт! Постоянно читает мою криминальную колонку, «Вездесущая Мышь», следит за лайками и перепостами под моими статьями и все равно требует, чтобы я ежедневно таскалась в офис и тратила два часа в день на дорогу. Дескать, «дисциплина есть дисциплина», «ты должна быть на рабочем месте» и прочие устаревшие начальственные пугалки, — возмущалась Марго. Эх, знала бы она, какие события вскоре ожидают не только главреда Шпажкина, но и всех жителей Земли!

Когда ковид долетел до России, главред приказал всем репортерам работать он-лайн и как можно реже появляться в конторе. Разумеется, шефу было фиолетово, заразится Марго в муниципальном транспорте ковидом или нет. Матвей Иванович всего лишь исполнял приказ московского мэра, согласно которому 60 процентов сотрудников любой столичной организации должны были работать удаленно. Марго, к ее радости, запихнули в эти самые проценты, несмотря на то, что она одной из первых побежала прививаться «Спутником».

В итоге рабочее место репортера Мышкиной переместилось в ее собственную кухню. С одной стороны, Марго было жаль редакционной суеты, интриг, веселого трепа и флирта с коллегами в буфете, а, главное, непрерывно меняющейся информационной повестки. С другой стороны, как ни странно, работа пошла быстрее. Маргарита уже не заталкивала себя утром в набитый вагон метро, а усаживалась с утра в пижаме с ноутбуком и с чашечкой кофе. Она читала электронную прессу и одновременно строчила с пулеметной скоростью тексты для криминальной колонки, радуясь, что не тратит попусту время на дорогу. Иногда Рита все же покидала квартиру, чтобы отправиться на место происшествия. В общем, теперь она не просиживала часами в конторе, а работала, так сказать, «на земле».

Больше всех переменам в жизни Марго радовался ее французский бульдог Ватсон. Пес теперь целыми днями мирно похрапывал у ног хозяйки и недовольно приоткрывал один глаз лишь тогда, когда Рита начинала метаться по комнате, собираясь на очередное задание. В эти минуты пес выказывал недовольство глухим рычанием и громко колотил обрубок хвоста об пол, вызывая раздражение соседей снизу.

«Эх, Ватсон, привыкай, мы теперь с тобой на удаленке», — трепала Марго любимца по холке и, не утерпев, угощала сухариком, нарушая все собачьи сбалансированные диеты.

В ковидное время репортеров не хватало, и начальство дополнительно поручило Мышкиной вести рубрику «Все о коронавирусе». Дескать, все равно девушка дома сидит, значит, должна пахать за двоих, отрабатывать на 150 процентов зарплату, к слову сказать, не очень большую. Вдобавок газетное начальство принялось, как водится, пугать сотрудников неминуемыми сокращениями.

— Вы должны ежедневно подтверждать свою необходимость газете! — горячился с экрана компьютера главред Шпажкин. Ежедневные редакционные планерки теперь проходили в формате Зум-конференций, однако спокойнее не стали. Казалось порой, что с экрана от шефа летят искры. — С теми, кто регулярно филонит, придется расстаться! — угрожал Шпажкин, шевеля седыми усами, и завершал зум-конференцию всегда одинаково. — Приказываю всем сотрудникам редакции оставаться на связи и днем, и ночью!

Вскоре Марго обнаружила, что трудится даже больше, чем раньше. Теперь шеф мог вызвать ее на виртуальный «ковер» хоть в десять, хоть в одиннадцать вечера.

«Предприятие непрерывного цикла, блин!» — возмущались сотрудники редакции.

Работы по навязанной начальством тематике репортеру Мышкиной свалилось выше крыши. Поток информации о новой коронавирусной инфекции шел по федеральным телеканалам день и ночь, одни сведения о «короне» противоречили другим, повестка менялась каждую неделю. Читатели портала засыпали Марго вопросами, и та едва успевала отвечать им в чате, а заодно банить самых агрессивных матерщинников и антиваксеров. Тем не менее, противники вакцинации не унимались:

«Прекратите рекламировать преступное чипирование!»

«Дайте четкий ответ, черт побери! Сколько держатся антитела после прививки?».

«Пусть хоть кто-то из ваших «придворных» вирусологов ответит, какая из трех вакцин более действенная».

«Кстати, где третья вакцина? Опять нас на...ли!»

«Какой м...ак разрешил проводить испытания вакцины на детях и подростках?».

«После прививки прошло полгода. Чем лучше ревакцинироваться!».

Самое частое умозаключение читателей было таким:

«Никому не верю! Все эти ваши ученые — круглые идиоты, а вы — их продажные подпевалы».

Разумеется, репортер Мышкина отвечала на вопросы подписчиков не от своего имени, а от имени знаменитых вирусологов. Кстати сказать, эту публику стало все труднее заполучать для интервью. С началом ковида СМИ буквально рвали ученых на части, и вирусологи постепенно сделались капризными, как оперные примадонны. Марго с трудом удавалось вылавливать на просторах всемирной паутины постоянно ускользающих от нее оракулов. Ей порой снилось, что она пытается ухватить ученых за полы белых халатов, которые развеваются на бегу, как паруса, но вирусологи ускользают и летят на очередное ютуб интервью для конкурентного издания, словно на свидание с юной красоткой.

Ежедневно общаясь со светилами науки, Маргарита усвоила главное: единственный надежный способ не заболеть ковидом (а если заболеть, то не умереть) это вакцинация. Она сама вакцинировалась одной из первых и по прошествии полугода уже подумывала о ревакцинации. Темные, маргинальные и агрессивные антиваксеры раздражали ее с каждым днем все больше, потому что число их угрожающе росло.

Погуляв с Ватсоном, Марго вновь заварила чай и включила телевизор. По Матч-ТВ повторяли финал Чемпионата Европы по футболу. Англия против Италии. Не то, чтобы Риту сильно интересовал этот матч, но все-таки... Переключать каналы было лень, и Марго устала сидеть на зеленом прямоугольнике футбольного поля на стадионе Уэмбли, по которому носились игроки обеих команд и полевой судья в розовой футболке.

«Вот они, настоящие эмоции, а не одинаковые сериальные страсти, выдуманные не слишком талантливыми сценаристами!» — решила она.

Спортивные передачи обычно поднимали Рите настроение. Внезапно она подумала, что искусство не дает таких сильных эмоций, как наблюдение за победой и поражением спортсменов. Все-таки в театре и в кино страсти опосредованные, пропущенные через себя актерами, а здесь — настоящие и беспримесные, на которые организм зрителя реагирует в ту же секунду.

Основное время матча закончилось, но счет на табло по-прежнему был ничейный 1:1. Команды начали бить по очереди пенальти. Молодые английские игроки к отчаянию стадиона, заполненного соотечественниками, мазали раз за разом. Эмоции зашкаливали, энергия и нервная дрожь футболистов передалась Марго через экран, и она, несмотря на поздний час, внезапно почувствовала прилив бодрости.

Пискнул мобильник. Подруга Катька из пресс-центра МВД, прислала сообщение по ватсапу:

«Привет, Марго! Хватай такси и дуй в Бирюлево, там ваксеры и антиваксеры мочат друг друга. Наши уже едут. Лови адресок».

Марго спустила ноги с дивана и выключила телек. Ватсон недовольно зарычал.

— Ладно, малыш, не ругайся! — Марго почесала Ватсона за ухом и пообещала: — Одна нога здесь — другая там! Пробки уже рассосались. Короче, я мигом. Не вздумай грызть тапки, как в прошлый раз. Приеду и тебя выведу. Пойми, журналист не может брать инфу только из интернета. Это будет не эксклюзив, а голимая туфта... Надо иногда и «в поле» выезжать. Для оживляжа, так сказать, повествования. Терпи, Ватсон, я ведь и тебе на корм зарабатываю!

Пес демонстративно повернулся к Марго обрубком хвоста. Он знал: когда хозяйка взяла след, скулить и прыгать вокруг нее бесполезно. Надо набраться терпения и ждать. Можно даже во сне.

Марго вызвала такси, затем стремительно, как солдат на учениях, переделась в джинсы, кроссовки и белую футболку и ринулась вниз по лестнице.

Хрен редьки не слаще

Когда репортер Мышкина примчалась на место, возле кафе уже стояло несколько «скорых» и полицейских машин. Полиция еще не успела огородить место происшествия, и Маргарита без помех протиснулась сквозь толпу на веранду. Там ей открылось поле битвы, в буквальном смысле политое кровью. Два фельдшера «скорой» укладывали пострадавших на носилки. Среди перевернутых стульев и столов махали кулаками два здоровенных мужика, еще трое пытались их растащить. В лужицах крови и пива там и сям лежали осколки битой посуды. С тоской в бархатных восточных глазах на них взирал необъятных размеров мужчина, видимо, хозяин заведения.

«Вот вам и Большой Футбол! — подумала Марго. — Хорошо, что наши почти сразу из своей группы вылетели, а то сейчас кровящи было бы еще больше. Нет, ну ни фигя себе! Из-за проигрыша англичан — и такое свирепое махалово. Где, скажите, Бирюлево, и где, простите, стадион Уэмбли? Знал бы принц Уильям, сидевший на трибуне почетных гостей с женой, герцогиней Кембриджской Кейт и с сынишкой Джоржем, что из-за их профуканных пенальти мужики в Бирюлеве друг другу будут морды бить! Нет, напрасно считается, что самые драчливые болельщики англичане! Нашим людям, как выпьют, тут же башку сносит».

— Скажите, это все из-за пенальти? — спросила Маргарита сухопарую женщину в цветастом летнем платье эпохи конницы Буденного.

— Чо? — не поняла она.

— Ну, из-за чего драка началась? — уточнила Маргарита.

— Эти уроды потребовали, чтобы мы надели маски, — охотно пояснила женщина. — Пусть лучше сами свои намордники снимут!

— Послушайте, правила есть правила! — возмутилась Марго. — Без прививки можно находиться только на открытых верандах, причем по-прежнему в масках.

— Себя чипируй всякой дрянью, если нейметя! — незнакомка с ненавистью взглянула Рите в глаза. — А мы как жили, так и будем жить. Заболеем — травками и молитвами вылечимся. А ты, сколько уколов ни сделаешь, все равно сдохнешь от своего чипирования!

Она скользнула глазами по Рите и внезапно заметила надпись на ее футболке: «Привита».

— Так ты из этих, что ли, из ваксеров? — дама ткнула пальцем в первую букву «и». Тычок пришелся по грудной кости Марго и оказался весьма болезненным. Понимая, что силы неравны, Рита изо всех сил сдержалась, чтобы не пихнуть хамку в ответ,

— Я из тех, кто верит в науку, — слегка заикаясь от волнения, парировала Мышкина. — Без вакцин человечество до сих пор не победило бы оспу, полиомиелит, лихорадку эбола и другие смертельно опасные болезни.

— Геша, закрой рот и иди сюда! — завопила дама, как резаная. — Тут одна сучка драная нас чипироваться агитирует.

— Глаша, об чем базар? — перед Марго словно из-под земли вырос мужик внушительных размеров. Рита подумала, что уже где-то видела подобный взгляд насмешливых поросячьих глазок. Наконец вспомнила: ну конечно, сегодня в метро! Здоровяк был очень похож на мужика, плюнувшего Рите одним махом в лицо и в душу. Агрессия придает людям сходство. Жаль, что британские ученые пока об этом не подумались! Рита размышляла: напиши она что-то подобное у себя в колонке, обязательно

поставила бы «смайлик». Эти неандертальцы не стоят того, чтобы писать о них всерьез.

— А ну вали отседава! — потребовал «Геша» у Риты. — Мы вас, тупых ваксеров, били, бьем и будем бить.

— Мне нравится, когда люди последовательно отстаивают свою позицию, — Рита решила подольститься к скандалистам и продолжила, достав редакционное удостоверение, — вы не могли бы сообщить ваши имена для прессы?

— Какие еще имена, какая нафиг пресса! — начал закипать здоровяк, подталкивая Риту животом к выходу. — Тебе чо, тварь, два раза повторять надо? Мотай отседава, журналюшка, пока тебя на одной из тех «скорых» не увезли. Ежели о нас в своих газетках начирикаешь, — огребешь по полной. Имей в виду, в третий раз предупреждать не буду!

Рита сделала вид, что уходит. Она зашла за угол, выключила диктофон, достала длиннофокусный объектив и шелкнула издалека Гешу и Глашу для своей колонки.

— Как бы узнать их имена и фамилии? — размышляла Мышкина. — Мы же не школьный сайт, чтобы картинки без подписи выкладывать.

Внезапно капитан полиции окликнул «сладкую парочку»:

— Глафира и Герман Кузьмины, подойдите, пожалуйста, к столу у окна. Там проводится допрос свидетелей происшествия.

«Ага! Значит, Глафира и Герман Кузьмины!» — обрадовалась Рита и быстро занесла полезную инфу в электронный блокнот. Теперь оставалось самое простое — побеседовать с полицейскими, приехавшими на задержание. Однако стражи порядка уже успели огородить место происшествия и никого туда не пропускали.

— Маргарита Мышкина, криминальный репортер портала «Всякая всячина», — представилась она капитану полиции, руководившему опросом свидетелей.

— Капитан полиции Пищик, — отрапортовал молодой человек и устало добавил: — Девушка, сейчас точно не до вас. — Только что произошла драка с тяжелыми телесными. Вероятно, кто-то из потерпевших не выживет. Короче, нам нужна ясная картина происшествия и фамилии подозреваемых. Не мешайте работать.

— Сейчас-сейчас, уйду. Вы только скажите, что послужило причиной массовой драки и сколько человек пострадало?

— Человек пять тяжело ранены, остальные отделались синяками и ушибами, — неохотно сказал полицейский. — Ну, а причина...

— Финальный матч? — подсказала Рита. — Болельщики Англии накостыляли болельщикам Италии в Бирюлево?

— До фонаря им ваш футбол! — взорвался Пищик. — Матч был только поводом прийти сюда и кулаки почесать. Знаете, из-за чего сейчас люди готовы друг друга поубивать?

— Да из-за чего угодно! — сказала Рита. — Из-за политики, жары, отношения к советскому прошлому, из-за Горбачева и Ельцина, Украины и Крыма...

— Чепуха! — усмехнулся капитан Пищик. — В наше время людей волнуют только две вещи: ковид и вакцинация. Короче, можете написать так: подрались ваксеры с антиваксерами. Вот и весь сказ.

Рита поняла, что из этого мента больше ничего не выжмешь. Она забила на всякий случай его номер в смартфон и присела у входа в бар на лавочку, чтобы вызвать такси. Возвращаться домой городским транспортом не хотелось. После трагедии с Полинкой Рита предпочитала без нужды не нарываться и не рисковать. С тех пор, если приходилось ездить ночью, Мышкина просила таксиста остановиться у подъезда и не уезжать, пока она не сядет

в лифт.

Не успела Марго вызвать такси, как к ней подскочила сухощавая дамочка в очках и заверещала:

— Я сразу поняла, что вы журналистка. Есть разговор. Тупые менты только что меня отфутболили, хотя я владею важной информацией.

— Слушаю вас, — устало сказала Рита. Было ясно, что от энергичной дамочки легко не отделаться.

— Напишите, что драку начали антипрививочники, — потребовала дама.

— А какие у вас доказательства? В подобных случаях бывает довольно трудно понять, кто первый начал. Вы что, записали драку на видео? С самой первой минуты?

Рита, старалась говорить спокойно, но собеседница стала закипать.

— При чем тут видео! Любому нормальному человеку ясно, что эти антиваксеры — конченные мерзавцы! Вы что, тоже против прививок? Такие, как вы, и распространяют вирус! Из-за вас мы никак не можем выйти на плато. Желая, девушка, чтобы вы попали в Красную зону и на себе испытали лежание под ИВЛ!

Рита устало ткнула в надпись на своей футболке.

— Хорошо же вы замаскировались! — взвизгнула дамочка. — «Привита!». Ха-ха-ха! Представляю, что вы у себя в интернете строчите!

Рита пригляделась к незнакомке. Она была одета довольно стильно. Укороченные брюки, легкий пиджачок с портретом Явлинского на лацкане в виде большого значка, бежевая футболка и такие же кроссовки.

— Сообщите, пожалуйста, фамилию и имя, я опубликую ваше мнение в моей колонке, — сдалась под ее напором Рита.

— Николь Ливнева, — надменно сказала дамочка и язвительно поинтересовалась: — Вы, небось, за Единую Россию голосуете?

— За кого хочу, за того и голосую, — возмутилась Рита. — Извините, мне пора.

Мышкина демонстративно отвернулась от напористой гражданки, вызвала такси и укатила домой. Она знала: Ватсон давно уже ждет под дверью, чтобы отправиться на ночную прогулку.

Служака и фея

Анжела сидела напротив капитана Пищика и была готова разрыдаться. Она чувствовала: следовательно не верит ни одному ее слову и поглядывает так снисходительно, словно они находятся где-нибудь в баре, а не в служебном кабинете. Он даже не включил диктофон, как в прошлый раз, значит, слушает в пол-уха.

Капитан вызвал Анжелу на Петровку повесткой, чтобы, так сказать, играть на своем поле. Алексей здорово на себя разозлился за поездку к вдове номер два. В роскошном особняке он чувствовал себя не в своей тарелке и задавал не те вопросы, которые приготовил заранее. Может быть, хотя бы здесь, за обшарпанным служебным столом, заваленном бумагами, он не впадет в ступор от огромных васильково-фиалковых глаз госпожи Карпенко...

— Вот что я вам скажу, Анжела Тарасовна, — заявил капитан, невольно скосив глаза на красивую грудь истицы, открытую глубоким вырезом сарафана, — Ваши доводы выглядят не слишком убедительными. Итак, вы утверждаете, что вашего гражданского мужа Константина Калюжного и его лечащего врача Надежду Крымову убили антипрививочники? Я правильно вас понял?

— Ну, конечно, они! Кто же еще? Уже сто раз вам об этом говорила, — возмутилась Анжела.

— А на чем, собственно, основано это ваше утверждение? — спросил капитан Пищик, с трудом отводя взгляд от соблазнительного декольте и тут же переводя его на загорелую ножку в открытой босоножке, закинутую на другую, такую же безупречную конечность.

«Да, у олигарха губа была не дура, — с внезапной завистью подумал капитан, — такую классную телку отхватил!».

— Мне не раз поступали угрозы от подобной публики, — вздохнула Анжела. Поймав взгляд капитана, она поспешно поправила упавшую бретельку и прикрыла загорелую коленку подолом сарафана.

— Вам? С какой стати? — изумился Пищик, с трудом отводя взгляд от красавицы и вдыхая терпкий аромат ее духов.

— Дело в том, что у меня есть... нет, был фонд «Антивирус». Вы, конечно, догадываетесь, что его финансировал Константин Васильевич. Мы придумали с Костей этот фонд в то время, когда в мире только-только появилась первая информация о новой коронавирусной инфекции. Калюжный сделал первый крупный взнос, а потом я начала агитировать наших богатых знакомых стать меценатами. Собранные деньги мы направляли в помощь отечественным клиникам и врачам. А теперь все кончено. Фонда не будет. Богатые люди давали деньги под имя Калюжного, я для них никто.

Анжела громко всхлипнула, и Леха поспешно протянул ей бумажный платок.

— Ничего не понимаю! Вы делали хорошее, нужное дело. А при чем тут антиваксеры? — искренне изумился он.

— Дело в том, что я еще создала ютуб канал «Вакцинация? Да!». Ну, чтобы наш фонд рекламировать и вообще — просвещать народ насчет нового вируса. Между прочим, у меня на канале первыми выступили известные вирусологи, которые сейчас заполонили федеральные телеканалы. Доктор Крымова тоже не раз у меня читала он-лайн лекции. Она, разумеется, активно поддерживала вакцинацию. Вскоре после ее выступления и мне, и ей

стали поступать недвусмысленные угрозы. Ну, а потом мы приехали в Москву, Костя вскоре заболел и умер, а следом за ним и Надежда Петровна нас покинула.

Слезы хлынули по лицу молодой женщины, и капитан Пищик, вздохнув, передал ей целую пачку бумажных платков.

— К сожалению, Анжела Тарасовна, это всего лишь ваши догадки, — пожал плечами капитан полиции. Никаких доказательств столь экстравагантной гипотезы я пока не вижу.

— Не видите? Так ищите! Это ваша работа! Заявление я забирать не собираюсь! — сказала Анжела. В голосе вдовы номер два послышались те же стальные нотки, которые Алексей впервые услышал в особняке Калюжного. — А теперь подпишите пропуск, меня ребенок дома ждет. — потребовала она.

Анжела встала, предъявив взору капитана полиции безупречную фигуру, затем окинула презрительным взглядом убогий кабинет, простилась с Алексеем сквозь зубы и сердито застучала каблучками за дверь.

Все против всех

Марго выгуляла Ватсона, быстро настрочила репортаж под заголовком «Битва в Бирюлево», прикрепила несколько самых удачных фотографий, сделанных на месте, и загрузила материал на портал «Всякая всячина». Подписчики «Вездесущей Мыши» должны первыми узнать о криминальной истории, недавно произошедшей на окраине Москвы.

Было уже за полночь, но спать не хотелось. Марго охватила эйфория от хорошо сделанной работы. Впору было крикнуть: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Эх, как понимала она в эту минуту Александра Сергеевича! Умел гений радоваться творческим удачам, черт возьми!

Марго заварила на кухне чай с мятой, вернулась в комнату с кружкой и решила перед сном побродить по ночным просторам интернета, чтобы немножко расслабиться. Вскоре после бесцельной прогулки по сайтам и беглого чтения френдленты Рита не выдержала и вернулась на свой портал. Не терпелось посмотреть, есть ли лайки и перепосты у репортажа «Битва в Бирюлево». Лайков было уже довольно много, больше трех сотен, а вот перепостов всего два. Зато появились первые отклики, мягко говоря, не слишком одобрительные.

«Молись, сука! Гореть тебе в аду за то, что пропагандируешь жидкие чипы!».

Ну, ясно, это антипрививочники. Похоже, эти ребята готовы на все. Убьют и не покаются.

«Непонятна позиция автора по поводу вакцинации. Похоже, она сама уклоняется от прививки. Желаю этой «Леди Компромисс» полежать в Красной зоне под аппаратом ИВЛ и на своей шкуре почувствовать, что такое ковид».

Ага, это ваксеры подросли! Тоже «миленькие» и «толерантные».

Марго сделала глоток чая. Настроение безнадежно испортилось. Она с тоской подумала:

«За что они так? Откуда у людей столько злобы? Почему у нас всегда все воюют против всех? Интернет, где можно оскорблять оппонентов, ничем не рискуя, давно превратился в помойку».

Рита вспомнила рассказы деда о том, как в конце тридцатых годов прошлого столетия советские граждане требовали расстрелять «врагов народа», «как бешеных собак». Еще дед рассказывал, что в сороковые на западной Украине местные жители с энтузиазмом сдавали евреев фашистам, а в начале пятидесятых трудовые коллективы дружно призывали наказать «врачей-вредителей». Короче, в трудную годину всегда всплывали темные силы, до тех пор, казалось, глубоко спрятанные в народе. Впрочем, такое случалось не только у нас. В оккупированных фашистами Франции и Голландии тоже так было. Вот и теперь... Необходимость всеобщей вакцинации неожиданно разбудила цунами ненависти. Все принялись ненавидеть всех. Запретными темами стали не только Крым и Украина, ковид и вакцинация тоже теперь считались токсичной повесткой. Схватки в социальных сетях обычно заканчивались... нет, не примирением. Взаимным пожеланием смерти! Во всяком случае, проломить оппоненту голову из-за противоположных взглядов на вакцинацию, особенно распив в компании с ним бутылку, было как нечего делать.

Всеобщую ненависть подогревало телевидение. Рита иногда думала, что «ящик» похож на адский котел, в котором корчатся грешники, буднично рассказывающие всему свету о своих смертных грехах. Телешоу всех мастей поднимали со дна души обывателей, словно из

слоев придонного ила, накопившиеся там муть и грязь. Рита предпочитала смотреть новости и интервью в интернете, однако порой включала телевизор, чтобы не отрываться от официальной «генеральной линии». Она с изумлением наблюдала, как федеральные каналы пробивают дно все глубже. В телике последовательно культивировались зависть, ненависть, жестокость, тотальное отсутствие морали и человечности. Нередко на экранах телевизора появлялись детоубийцы, педофилы, аферисты, насильники... Их с особым пристрастием интервьюировала звезда ТВ Меланья Турчак. Федеральные каналы словно соревновались друг с другом в том, кто больше мерзости вытащит на экран. Ежедневно объявлялись внебрачные наследники умерших знаменитостей и требовали проведения генетической экспертизы. Дескать, их мать переспала с гастролировавшей звездой восьмидесятых, и вот дитятко выросло, возмужало и наконец в нем проснулась обида за босоное детство в захолустье. Впрочем, руководители каналов и ведущие тоже были хороши. В интернете нередко всплывали истории про деньги в офшорах и про бизнес-авантюры телевизионного начальства, а заодно и про алчных любовниц и любовников популярных телеведущих. В последнее время на арену ток-шоу вылезли сторонники и противники прививок, а также вирусологи, излагавшие порой прямо противоположные теории.

«Надо бы поближе познакомиться с ваксерами и с антиваксерами, — подумала Рита, выключая «ящик». — У этой проклятой пандемии конца и края не видно. Похоже, и те, и другие много еще дров наломают. Не удивлюсь, если кто-то из них решится на убийство оппонента» ...

Пустые хлопоты

Капитан Пищик не горел желанием ехать в Красную зону. Не потому, что боялся заразиться, в эту опасность он как раз не верил. Пару месяцев назад Алексей укололся вторым компонентом вакцины, выполняя, как и все столичные служивые, настоятельные рекомендации столичного мэра, а потом, по цепочке, и своего начальства. Протрясло его после прививки знатно, градусник сутки замирал на отметке 38 градусов. Зато антител в крови появилось выше крыши. В общем, вероятность подхватить зловредный вирус у капитана была крайне мала. И все-таки Леха очень не хотел ехать в «Марфино», потому что не любил бесцельно тратить время. Мало ли, какие фантазии появились у избалованной дамочки, вдовы олигарха? Врачи «Марфино» поставили однозначный диагноз. Побывав в особняке Анжелы, капитан пришел к выводу, что та, требуя расследования, заполняет пустоту, образовавшуюся в ее жизни после смерти гражданского мужа, который был центром ее прежнего мирка. Судьба отняла у молодой и красивой содержанки главную удачу ее жизни — олигарха Константина Калюжного, и теперь девушка жаждала мести. Неважно кому — лишь бы не задохнуться от обиды на жизнь, выплеснуть наружу накопившиеся за последние дни гнев и отчаяние. Впрочем, у Анжелы имелся и весьма реальный, бытовой повод для беспокойства. Она понимала, что содержать просторный особняк и вести прежний образ жизни без денежных вливаний Калюжного будет теперь очень непросто. Молодая женщина отказывалась верить в то, что налаженная и полностью обеспеченная до недавнего времени жизнь внезапно совершила резкий поворот, и в то, что это произошло без участия врагов и завистников. Видимо, Калюжный приучил юную подругу считать, что она — хозяйка своей судьбы, что все проблемы решают деньги и что роковые обстоятельства и смерть не властны над сверхлюдьми из списка Форбс.

Алексей вспомнил историю еще одной яркой столичной дамочки, на всех углах вещавшей о своем бедственном положении. Семь лет подряд Ружена Брынза добивалась законного брака с одним весьма богатым дяденькой, наконец затащила его под венец, а тот возьми, да и уйди добровольно из жизни всего через пять месяцев. Очень скоро вдовушка узнала, что муж не оставил ей ни рубля, ни цента и все переписал на бывшую жену и троих детей от первого брака. И тогда Ружена пошла с козырей. Она родила ребенка от суррогатной мамы — якобы при помощи замороженных биоматериалов усопшего мужа. Вот это был ход! С применением биотехнологий двадцать первого века! Козырная карта, единственная возможность откусить часть наследства у первой жены с ее тремя взрослыми отпрысками. Однако вскоре оказалось, что это был лишь первый акт трагикомедии. Вскоре первая жена «подлого самоубийцы» вселилась в загородный дом с судебными приставами и постановлением суда. Вдовушке, которую приставы выгнали из особняка с ребенком и с няней, осталось строчить гневные посты в Фейсбуке и публично рыдать на ютуб канале Меланьи Турчак. Дескать, покойный муж пустил ее по миру. Возможно, душа «негодяя» внимательно наблюдала с небес за смертельной схваткой бывшей и нынешней жен, и радовалась, что вырвалась из этого серпентария в иные миры, хоть и совершив грех самоубийства.

В случае с Еленой Калюжной дело обстояло иначе. Законная жена и дети, в том числе и Костик Анжелы, имели все права на наследство по крови, а сама Анжела — лишь по завещанию, и то, если супруг успел его составить. Официальная жена олигарха Елена, судя

по сообщениям в СМИ, героически боролась за жизнь мужа, щедро спонсировала клинику деньгами и по несколько раз в день интересовалась самочувствием супруга.

Алексей вздохнул и подумал: как ни крути, ни откладывая, по-любому придется тащиться за город в это самое «Марфино». Анжела дамочка прилипчивая, легко от нее не отделаешься. «Вот и работайте!», — сказала. Нахалка! Заявить такое ему, руководителю следственной группы — капитану Пищику! Сказано это было не сгоряча, в пылу спора, а с нажимом, даже с угрозой. В итоге Алексей пришел к однозначному выводу: несмотря на эффектную внешность, Анжела — молодая дрянь, охотница за мужскими кошельками, а Елена Калюжная — несчастная вдова, настрадавшаяся от походов мужа «налево», однако достойно несущая свое горе, симпатичная интеллигентная дама, по возрасту ему в матери годится.

Пищик вспомнил собственную мать, которую отец бросил в трудное время, когда Алексей находился в подростковом возрасте. Она с достоинством несла бремя «брошенки», однако, не имея таких капиталов, как Елена Калюжная, вкалывала на работе день и ночь, чтобы прокормить семью.

«Завтра стартую в «Марфино» в восемь утра», — наконец решил Алексей и отправился спать в скверном расположении духа.

Тайны Красной зоны

Главврач Кирилл Витальевич Куценко был поразительно похож на командующего фронтом в первый год Великой Отечественной. Разве что вместо кителя с ромбами и галифе на нем были белый халат и синие медицинские брюки. Гладко выбритый череп, красные от недосыпа глаза, мудрый взгляд отца-командира — все говорило о тяжелой обстановке на фронте борьбы с неведомым пока врагом. Командующий медицинским «фронтом» понимал: многим суждено погибнуть на войне с новым вирусом, всех раненых спасти невозможно. Задача стоит трудная: число заболевших не должно ежедневно увеличиваться, напротив, его необходимо сокращать всеми силами, чтобы коек в реанимации хватило на всех. Вот о чем говорил суровый взгляд главврача. От командующего фронтом Куценко отличали, пожалуй, лишь добела отмытые руки, шелушившиеся от бесконечной обработки дезинфицирующими средствами, а также смартфон, который врач не выпускал из этих выскобленных рук, постоянно отдавая короткие и четкие приказы своим «полкам и дивизиям» — то есть отделениям и лабораториям клиники.

— Капитан полиции Пищик! — представился Алексей и сунул главврачу под нос служебные корочки.

Куценко зыркнул на них с легким презрением — так бывалый военный глядит на тыловую крысу, случайно затесавшуюся в штаб передовой.

— Что привело вас к нам, товарищ капитан? Предупреждаю, у меня всего несколько минут, — главврач с трудом оторвался от телефона и саркастически уставился на Пищика, беспардонно отвлекавшего его от битвы с невидимым врагом.

— Я по поводу смерти Константина Калюжного.

Капитан решил сразу перейти к делу, дабы не раздражать медицинского администратора, загруженного делами и проблемами по самую бритую макушку. Тот вопросу не удивился, однако сверкнул усталыми глазами, резко крутанулся в кресле и взревел:

— Как вы все надоели с этим Калюжным! Строите эти свои теории, высосанные из пальца, затем являетесь сюда, чтобы я подтвердил очередную чушь, а в итоге отрываете от работы, которой у меня выше крыши. Могли бы и не называть цель вашего приезда. У прессы ко мне всегда один и тот же вопрос: «Почему умер Калюжный?», а теперь и вы туда же. Извините, капитан, вопрос не по делу. Как будто олигархи у нас бессмертные! По мнению обывателей, мы не врачи, а боги на Олимпе! Причем, если верить прессе, довольно-таки алчные такие... божки. Сидим по кабинетам, ожидаем гонорары от родственников пациентов в конвертах и решаем, кто достоин жить, а кто нет. Типа богатеньких спасаем, а бедные сами мрут, как мухи. Нееет, ошибаетесь, милейшие! В жизни и смерти мы, врачи, не властны, особенно в эпоху пандемии. Здесь вступают в игру другие, высшие, силы. Рок, Судьба, Господь — как хотите, так и называйте. Иногда к нам такой доходяга поступает, что думаем: не жилец, однако через две недели выписываем его полностью здоровым, а бывает, привозят человека без всяких хронических заболеваний, однако — опа! — он сгорает, как свечка... Могу сказать одно: с Калюжным проводились все медицинские мероприятия согласно протоколу. Все документы имеются. Мы их, как говорится, не для себя, а для прокурора пишем. У Калюжного была куча хронических болезней, которые обострились из-за тяжелой формы коронавирусной инфекции. В итоге он провел неделю на ИВЛ — и все,

летальный исход. Так с ковидниками бывает, к сожалению, нередко. Кстати сказать, — Куценко пристально взглянул в глаза капитану и продолжал: — вдова Калюжного Елена Ивановна ни разу не высказала сомнений в правильности поставленного диагноза и в нашей стратегии лечения. Более того... Она попросила сохранить этот деликатный момент в тайне, но вам я скажу. Елена Ивановна несколько раз жертвовала на нужды нашей клиники крупные суммы. Можно сказать, она один из главных наших донаторов... Я ответил на все ваши вопросы? Тогда всего хорошего. Мне надо идти.

Капитан Пищик кивнул.

Главврач набрал номер в смартфоне, который по-прежнему не выпускал из рук:

— Ирина Львовна, голубушка, уделите минут десять товарищу из полиции, он сейчас подойдет. Да, опять по поводу Калюжного, да, все понимаю... Да, вы страшно загружены и устали от одних и тех же вопросов. Но что делать, голубушка... Все в эти дни как с цепи сорвались! Прошу вас ради меня, примите молодого служивого человека. Поймите, если мы ему откажем, капитан на полдня тут засядет и весь лечебный процесс нам сорвет. Между прочим, через полчаса конференция. Поговорите с товарищем Пищиком в темпе вальса, на раз-два-три, и, пожалуйста, не опаздывайте в актовЫй зал.

Когда Леха подошел к кабинету заведующей отделением реанимации, там уже сидела тощая девица в мини-юбке и в белой футболке с принтом «Привита». Ее лицо показалось Лехе знакомым. Он еще раз взглянул на нее, но вспомнил лишь тогда, когда услышал звонкий голосок барышни — как у школьницы из какого-нибудь старого советского фильма. Ну да, это она примчалась пару дней назад на драку в Бирюлеве и донимала его дурацкими вопросами!

— Читателей нашего портала «Всякая всячина» интересует, какой процент привитых и какой процент не привитых граждан к вам попадает, — голосок девицы был хорошо слышен через приоткрытую дверь. — Еще наши читатели спрашивают, охотно ли к вам в клинику ложатся VIPы. Этот вопрос стали нам часто задавать после смерти Калюжного. Наш портал пропагандирует вакцинацию, поэтому задам вам еще один, последний вопрос. Скажите пожалуйста, Константин Калюжный делал прививку от ковида перед тем, как попал сюда?

— Сведения о количестве VIP-пациентов вы можете узнать в канцелярии, у меня сейчас нет времени их искать. Что касается Калюжного, то это, извините, врачебная тайна. Могу сказать одно: из привитых к нам в клинику попадают единицы, а смертельные случаи среди таких пациентов я и вовсе не припомню. Так и напишите в этом, как его, вашем портале. Я не устаю трубить на всех доступных интернет-платформах и во всех СМИ: прививайтесь! Как можно скорее вакцинируйтесь! Ну, а теперь, девушка, до свидания, следующий! — громко объявила докторша, словно Алексей сидел в коридоре районной поликлиники, а не у нее в кабинете.

— Я вас дождусь! — шепнула девушка капитану.

— Ладно! — буркнул он не слишком любезно.

«Дождусь! С какой стати? У меня нет времени на пустую болтовню. Вчера достала своими глупыми версиями Анжела Карпенко, а сегодня прицепилась эта, как ее... инстаграмщица». Надо дело закрывать перед отпуском, а тут еще желтая пресса под ногами путается».

В кабинете зав. отделения Алексей постарался придать лицу самое приветливое выражение, на какое был способен, и сообщил:

— Ирина Львовна, вы не поверите, но меня тоже интересует Калюжный. — взглянув на

усталое лицо докторши, он изобразил самую обаятельную улыбку, на какую был способен.

— Знаете, товарищ следователь, мне не до смеха, — вздохнула докторша. — Дошло до того, что все врачебные протоколы обследований Калюжного и все его назначения, а также заключение патологоанатома я держу под рукой. На всякий случай. Хотите ознакомиться? Журналистам я их не даю, а вам как человеку из полиции покажу

— Спасибо, — сказал Леха. Он полистал бумаги, вложенные в скоросшиватель и спросил, глядя докторше прямо в глаза: — Как вы думаете, кто-то посторонний мог в тот день проникнуть в реанимацию?

— Исключено. У нас жесткая пропускная система, служба безопасности проверяет у всех документы, вход в Красную зону и в реанимацию находятся под особым контролем.

— Спасибо, я так и думал.

Капитан простился с хозяйкой кабинета и вышел в коридор.

— Наконец-то! Боялась, я вас не дождусь! — зашептала девица, о которой он уже успел забыть.

— Руководитель следственной группы МВД по Москве капитан Пищик к вашим услугам, — сообщил Алексей незнакомке свое звание и должность.

— Криминальный репортер Мышкина, — в тон ему отреагировала девица.

«Вот только тебя здесь и не хватало», — подумал Алексей с раздражением.

Маргарита предложила задать ему вопросы где-нибудь в городе, «а то здесь слишком много ушей». Алексей от такой перспективы в восторг не пришел, сослался на занятость и рванул было к выходу, но Рита цепко схватила его за рукав.

— Вы обязаны меня выслушать. — зашептала она, — у меня есть мысли относительно смерти Калюжного.

— Девушка, уймите вашу журналистскую фантазию! Ваши домыслы никого не интересуют. Все факты по поводу смерти господина Калюжного изложены в заключении консилиума, которое я только что прочитал. Там ясно сказано: смерть Калюжного К.В. наступила в результате сердечной и легочной недостаточности. Мы с вами не врачи и не можем компетентно судить о диагнозе. Ясно одно: олигарх на свою беду прилетел на родину из Европы, подхватил ковид и умер от его последствий. Что ж, бывает...

— Да выслушайте же вы меня! — возмутилась Марго. — Или вы только на допросах людей слушаете?

Подобный наезд Алексею не понравился, но было ясно, что от настырной девахи легко не отделаться.

— Ладно, садитесь в мою машину, — буркнул он. — Подброшу до ближайшего метро. — Алексей указал на свой старенький, видавший виды «рено». Пусть «пионерка» болтает по дороге, что хочет, все равно ему тащиться по пробкам около часа. С этой чумовой чувырлой все же будет веселей.

Едва машина тронулась с места, Рита затараторила:

— И все-таки я уверена, что без антипрививочников здесь не обошлось! Полагаю, они причастны к смерти Калюжного.

— Почему вы так считаете? — усмехнулся Алексей, не отрывая взгляд от дороги.

«Они что, сговорились все валить на антиваксеров? — подумал он. — Вот и Анжела их подозревает».

Между тем, попутчица продолжала:

— Да потому, что в интернете полно проклятий в адрес умершего олигарха. Вы могли в

Бирюлеве убедиться, какие эти антиваксеры агрессивные. Я с ними не раз сталкивалась. один такой в метро напал на меня, представляете? Между прочим, моя профессия — мониторить и чек-апить, то бишь, проверять подноготную героев моих колонок. От кого бы, вы думали, исходили угрозы Анжеле Карпенко? Конечно, от них, от диких, темных и агрессивных отрицателей прививок!

— Да что вы? Антиваксеры? Признаться, аргументация в пользу этой версии у вас весьма слабая, — Алексей сделал вид, что удивился. Пускай барышня свою версию изложит. — С какой стати вы возлагаете столь тяжкую вину на бедных, ничего не подозревающих антипрививочников?

— А с такой, что Калюжный финансировал фонд «Антивирус», которым руководила его гражданская жена Анжела Карпенко, а также ее ютуб канал, как его...

— «Вакцинация? Да!», — не выдержав, подсказал Алексей.

— Вы знали? — поразила Марго.

— Нет, я только из пистолета в тире стреляю! — усмехнулся Алексей. — А интернетом вообще пользоваться не умею. Мы же, менты, все круглые дебилы. Так, по-вашему?

— Я этого не говорила, не фантазируйте. Давайте лучше про антиваксеров. Почему вы отвергаете мою версию?

— Потому что голословные предположения без каких-либо доказательств — это еще не версия.

— Разве вчера в Бирюлеве вы не убедились, какие мерзкие эти антиваксеры? Первыми полезли в драку они, а не их оппоненты, они же нещадно избивали сторонников вакцинации. Ну, вспомните: там еще были Глафира и ее муж, как его...

— Герман, — подсказал Алексей.

— Вот-вот! Геша и Глаша.

— По- моему, ваксеры вчера были не менее агрессивны, чем их противники, — Алексей круто развернул машину, и Марго, невольно ойкнув, прижалась к нему плечом и левой рукой. Пищик вдохнул легкий аромат мыла, дезодоранта и юной свежести, исходивший от попутчицы, а тут еще и прядь волос девушки пощекотала капитанское ухо.... Капитан смутился, покраснел и запнулся. Впрочем, он не собирался потакать наглой, хоть и смазливой девице и продолжал:

— Во всяком случае, вчера ваксеры дрались не менее ожесточенно и наносили противникам не меньше ударов, чем антиваксеры. И те, и другие попали в больницу с повреждениями разной степени тяжести. Знаете, Маргарита, скажу вам как профессионал: любой фанатизм доводит в конце концов до преступления.

Капитан сказал это снисходительно, намекая на разницу между ними в возрасте и в статусе.

— Вот-вот, фанатизм! — ничуть не смутилась Марго — Ненавижу его во всех видах и проявлениях. Мне очень хотелось бы разобраться, откуда берутся все эти дремучие фанатики.

Марго достала заколку, подняла худые смуглые руки, ловко скрепила сзади непослушные волосы, так и льнувшие к плечу водителя, и продолжала:

— По моей инсайдерской инфе антиваксеры тусуются по воскресеньям в одном из новодельных храмов на окраине Москвы. Кажется, в том же Бирюлеве. Говорят, тамошний батюшка — ярый антипрививочник, потому и прихожан своих активно отговаривает от вакцинации. Проповедует «отказ чипироваться». Я вообще-то собираюсь сгонять в тот храм

в ближайшее воскресенье. Знаете, хочу написать о них в моей колонке, посвященной ковиду. Вас интересуют подобные персонажи, товарищ капитан? Или вы верите в невиновность априори всех воцерковленных фанатиков?

— Если будет что-то интересное, сообщайте, — отреагировал следователь, старательно придав своему баритону профессиональную суровость.

Алексей вдруг подумал, что заполучить в лице этой заполошной девицы информатора в секте фанатиков-антипрививочников и впрямь было бы недурно. В подобных закрытых сообществах нередко доходит до преступлений против личности.

— Должен вас предупредить, Маргарита, — продолжил капитан все тем же, официальным тоном. — Если уж вы собрались внедряться в секту, то должны всерьез примерить на себя убеждения ее членов. Пропитаться, так сказать, их идеологией, аргументами и фактами. Кротость и смирение — вот отныне ваше оружие. Юбка в пол, темный платок и, главное, никакого задора, жизнелюбия и тому подобного, что из вас так и прет. Словом, никаких этих... ваших журналистских штучек. Не поощряются споры с батюшкой, опора на логику, ссылки на научно-популярные издания и так далее. Главное, придется на какое-то время отказаться от идеи написать о них в этой вашей... колонке. В противном случае вас очень быстро разоблачат, с треском выгонят из секты, а в довершение всего, не дай, как говорится, бог, еще и поколотят — как провокаторшу и лгунью. Надеюсь, вчера вы смогли убедиться: дерутся они отменно. В общем, не хочу в дальнейшем нести ответственность за ваши неосмотрительные действия.

— Капитан Пищик, вы случайно не педунивер заканчивали? Факультет началки? — ехидно спросила Марго. — Разговариваете со мной как с второклашкой. Между прочим, я криминальный репортер и веду свою колонку в интернете уже несколько лет. Прикиньте: у нашего портала 150 тысяч подписчиков, причем, во многом, благодаря моей колонке! Не раз и не два я получала угрозы от антиваксеров. Между прочим, в последнее время они стали объединяться в социальных сетях. На тех, кто пропагандирует прививки, эти психи набрасываются, как стая шакалов. Короче говоря, начальству надоело постоянно меня отмазывать, и шеф велел подписываться псевдонимом. Теперь я — Вездесущая Мышь. Согласитесь, мыши проникают повсюду, вот и я стараюсь докопаться до сути. Всегда пишу правду, даже самую неприглядную, иначе никто не станет кликать и лайкать мои посты. Не раз меня пробовали уговорить, подкупить, запугать — все без толку. Раз уж я выбрала эту дорожку, надо идти по ней вперед, не останавливаясь. Если честно, под псевдонимом писать проще. Редакция пока его никому не раскрыла, так что я в относительной безопасности. Признаюсь, я люблю риск. Адреналин здорово заводит, придает скучной жизни хоть какой-то смысл.

«Хм, а мы с ней похожи!» — подумал капитан. За разговором они незаметно подкатили к метро. Марго выскочила из машины, но тут же, спохватилась, замахала руками и запрыгала на месте. Алексей, уже отъехавший на несколько метров, подал назад и открыл окно. Марго сунула в него растрепанную голову, быстро забила номер его мобильного в свой айфон, дождалась, когда у капитана Пищика высветился ее номер и только тогда кинула телефон в рюкзак.

— На всякий случай, — сказала она. Капитан усмехнулся и забил ее в контакты под ником ЧЧ — «Чумовая Чувырла».

Агент под прикрытием

Марго не терпелось поскорее внедриться в секту антиваксеров. Во-первых, во время битвы в Бирюлево она случайно услышала, что среди участников побоища есть и прихожане бирюлевского храма. Захотелось изучить закрытое сообщество изнутри, чтобы потом написать сенсационную статью. Хватит уже строчить репортажи, пора становиться серьезным журналистом-расследователем! Во-вторых, после стычки в вагоне метро с очередным хамом-антипрививочником ей стало казаться, что полиция недооценивает опасность, которая исходит от подобных субъектов.

Накануне воскресной службы Марго запаниковала. Когда собираешься стать агентом под прикрытием, важна каждая мелочь, а тут внезапно оказалось, что у нее нет ни длинной юбки, ни кофты- такой, чтобы была непрозрачная, без глубокого выреза и прикрывала пупок. Даже легкого шарфика, чтобы накинуть в храме на голову, и того нет!

К счастью, все нашлось в церковной лавке недалеко от дома. Маргарита притащила в квартиру увесистый пакет, взглянула на себя в зеркало и обмерла. На нее смотрела незнакомая девушка, ничем не напоминавшая прежнюю безбашенную Вездесущую Мышь. Взгляд, ставший непривычно кротким, лицо без косметики в обрамлении скромного платочка, юбка в пол, прикрывшая даже тощие щиколотки, темная кофточка с длинным рукавом... В общем, костюм тайного агента на пять с плюсом! В таком наряде начинаешь даже двигаться и говорить по-другому. Недаром актеры проводят генеральную репетицию в костюмах.

И все-таки... Не весь же день ходить по городу в подобном наряде! Как ни крути, двадцать первый век на дворе!

Марго закинула в рюкзак черную футболку со странным принтом «Тупо мышь» и рваные джинсовые шорты, чтобы сразу после службы переодеться в туалете МакДака. Она постояла над раскрытым рюкзаком, затем притащила из кухни яблоко и кинула его туда же — на случай, если придется целый день болтаться в городе. Ну что ж, для первого раза неплохо. Ни дать, ни взять — молодая прихожанка тихонько стоит в уголке храма и смиренно внимает антипрививочной проповеди отца Фотия. Примерно так же выглядела Мелания Турчак, когда заявила в екатеринбургский храм к фанатичному отцу Сергию, проводившему незаконные сеансы экзорцизма и одобрявшему порку строптивых подростков, которых ему сдавали опалевшие от их выходок родители. Рита вспомнила, что даже опытная Мелания не избежала провала. В первые же минуты ее пребывания на территории монастыря бойкую журналистку разоблачили прихожанки-активистки и попытались тычками и пинками изгнать из храма. У оператора, работавшего с лихой репортершей, разбили камеру, а его самого избили в воспитательных целях. Однако не родился еще человек, который помешал бы Мелании Турчак довести журналистское расследование до конца. Вскоре после отъезда Турчак в монастырь нагрянула Росгвардия, отца Сергия арестовали, а монастырь передали другому настоятелю...

Наступило воскресенье. Марго вскочила с кровати в шесть, сразу же, как зазвонил будильник. Она не привыкла вставать в такую рань, однако охотничий инстинкт вмиг прогнал сон и заставил повернуть привычные утренние дела в два раза быстрее, чем обычно. В восемь Мышкина уже была на окраине столицы, у входа в храм «В честь иконы Божией матери «Прибавление ума»». На двери храма ее заинтересовало объявление:

«Духовная семинария объявляет набор на новую образовательную программу подготовки церковных специалистов в сфере приходского просвещения единого профиля».

Марго развеселилась:

«Ничего себе! Значит, теперь профессия священника так называется: «церковный специалист в сфере приходского просвещения»?! Жаль, не добавили «согласно тарифной сетке», или «согласно перечню профессий» или еще что-нибудь в этом роде».

Среди необходимых документов для подачи в семинарию первым пунктом шла рекомендация приходского священника.

«Вот это да! Мама рассказывала, что при советской власти для поступления в некоторые вузы требовалась рекомендация райкома ВЛКСМ, — подумала Ирина. — Похоже, глобально у нас ничего не меняется — в особенности там, где дело касается идеологии».

Она тихонько проскользнула в храм и встала подальше от алтаря, поближе к входу, а затем с любопытством огляделась. Все вокруг показалось неофитке необычным. Прежде Маргарита была в церкви всего пару раз, когда сопровождала туда бабушку на Пасху и на Рождество. Репортер Мышкина не знала правил литургии и старательно повторяла слова молитвы следом за крупной дамой с белым шелковым шарфиком на голове, стоявшей впереди нее. Марго крестилась одновременно с ней, пела с хором молитвы, словом, старалась ничем не выделяться из толпы молившихся. Через полчаса она исподволь обвела взглядом прихожан. Все вокруг были без масок. Рите пришлось поспешно захихнуть и свою маску в рюкзак, чтобы не выделяться в толпе ковид-диссидентов. Маргарита чувствовала себя неловко, постоянно ловила на себе любопытные взгляды людей, признавших в ней новенькую, и скромно опускала очи долу.

«Буду воображать, что я актриса и снимаюсь в кино, — решила она, — впрочем, работа под прикрытием — покруче любой роли, требует полного перевоплощения».

Часа через два прихожане зашевелились, сомкнули ряды и приблизились к месту, где стоял невысокий сухопарый священник.

— Отец Фотий! — пронеслось в толпе. — Тише, тише!

Марго догадалась: приближается то, ради чего она притащилась сюда с другого конца Москвы — воскресная проповедь отца Фотия.

Настоятель храма не обманул ее ожидания.

— Братья и сестры! — торжественно обратился к пастве отец Фотий. — Приближается конец света. Люди забыли про порядочность, доброту, взаимопомощь. Агрессия и стяжательство правят миром. Все помешались на деньгах. Дети не читают книг, молодежь не хочет учиться. Подростки не могут надолго сосредоточиться на серьезной теме, у всех клиповое мышление. Воровство мало кто уже считает грехом. Люди свыклись с коррупцией и с самоуправством полиции. Стоит ли удивляться, что Господь послал человечеству испытание — чуму двадцать первого века? Молитесь, братья и сестры о спасении души и не поддавайтесь дешевым соблазнам. Власть ежедневно призывает нас поставить себе жидкие чипы. Римляне так же призывали первых христиан отступить от их веры и молиться языческим идолам. Однако ученики Христа были стойкими и мужественными. Вас я тоже призываю не сдаваться. Тот из вас, кто сделает прививку, — продаст душу дьяволу.

— А если я не хочу болеть и умирать! — пискнула девчушка в первом ряду. — По телевизору говорили, что прививка убережет нас от смерти!

Священник нахмурился:

— Твоя гордыня от дьявола, дитя мое. Болезнь и смерть в руках Господа. Надо верить и молиться. Только так ты вырастешь, дочь моя, здоровой и стойкой.

— Что же нам делать, отец Фотий? — спросила корпулентная дама рядом с Марго. — Власти по-любому заставят прививаться. Работать-то всем надо, а без прививки на работу не пустят.

— Бороться! — потребовал настоятель храма и продолжал проповедовать поставленным голосом, от которого у Марго мурашки побежали по телу. — Разве первым христианам было легко? Скажи, когда их бросали в яму к диким зверям, они не боялись?

— Боялись, — тихо сказала крупная дама, разом утратив всю свою бойкость.

— Вот именно! — прорычал отец Фотий. — Боялись, конечно, но шли на смерть. С верой и молитвой. А святые, принявшие муки ради Христа? Им что, не больно было? Еще как больно! Их мучили, требовали отречься от христианской веры, пытали, сжигали, убивали. Вам же, дорогие мои, не грозят ни смерть, ни увечье, ни тюрьма. Увольнение с работы можно пережить. Вы не умрете голодной смертью, я обещаю. Мы в храме уже две недели уборщицу ищем, возьмем вас с удовольствием. Сопровитесь! Не позволяйте вас чипировать! Бойкотируйте всеми силами дьявольское искушение — прививку от новой чумы. Разоблачайте вакцинацию везде, где это возможно. И храни вас Господь!

Хор пропел «Отче наш», литургия подошла к концу. Наконец толпа задвигалась, тишину нарушили первые веселые голоса.

— Я с вечера пирожков напекла, с яблоками, — сказала крупная дама соседке, высокой и худой женщине в кружевном бежевом шарфике на голове. — Пора уже в трапезную, а то домашних дел невпроворот, завтра ведь на работу.

— Пойдем, я с дачи яблок привезла, белый налив, — похвасталась «дылда». — Всех угощаю.

Она окинула взглядом корпулентную, однако модно одетую приятельницу: "Ой, сколько же у тебя их, этих юбок!" — в голосе женщины проскользнула легкая зависть.

— Сама шью, — отрезала дама. — Оформилась как самозанятая и малый бизнес раскрутила. Церковные лавки охотно берут. Хочешь, тебе тоже сострочу? Недорого.

Марго исподволь огляделась. Пожалуй, она одна была одета, как истовая богомолка. Большинство женщин принарядились, их длинные юбки выглядели скорее модно, чем аскетично, а легкие шарфики некоторым даже шли. Похоже, для прихожанок еженедельный поход в храм был не долгом, а праздником, чем-то вроде воскресного клуба. Во всяком случае, просветом в скучных и заполненных рутинными делами буднях.

Рита пригляделась к прихожанкам и поняла, что легкое кокетство и желание выглядеть красиво даже в церкви никто не отменял.

Служба закончилась, и прихожане потянулись из храма.

— Ты новенькая? — спросила «дылда» Риту. — Пошли с нами в трапезную. Чайку поьем, а заодно поближе познакомимся. Отец Фотий нам сегодня много чего интересного рассказать обещал.

Вездесущую Мышь не требовалось долго уговаривать. Опустив очи долу, она поспешила за церковным активом.

Знакомство в трапезной

Когда все расселись по местам и выгрузили на длинный стол припасы, отец Фотий выхватил Риту взглядом и тоже спросил:

— Ты новенькая?

Рита кивнула, и священник улыбнулся:

То-то я тебя раньше не видел.

— Новенькая, — призналась Рита. — Наслышана о ваших проповедях, отец Фотий, вот и решила прийти в храм.

Настоятель был явно польщен. В эту минуту он стал похож на любимого Ритиною препода, собиравшего на лекции по истории русской литературы толпу восхищенных студентов. Батюшка впервые улыбнулся, и лицо его покрылось добродушными морщинками. Рита подумала, что против воли попадает под мощное обаяние этого человека. Отец Фотий безусловно обладал магнетизмом, без которого не смог бы подчинять многих людей своей воле.

— Как зовут-то тебя, дочь моя? — спросил он уже по-другому, с отеческой улыбкой.

— Мария, — соврала Рита, вспомнив, что она здесь под прикрытием.

— Хорошее имя, православное, — ободрил священник. — А ты крещеная?

— Конечно!

Рита достала из-за пазухи маленький крестик, который ей в младенчестве повесила на шею бабушка, окрестив ее в храме Покрова Богородицы.

После предъявления крестика напряжение в трапезной спало, все заговорили разом, а две молоденькие прихожанки начали разливать чай по большим кружкам из алюминиевых чайников. Рита достала из рюкзака румяное яблоко и положила на стол.

— Вот, все что есть! Я в трапезной в первый раз. Простите, не подготовилась к чаепитию, — пробормотала она.

— Да ты бери пирожки, не стесняйся, тут на всех хватит, — ободрила ее полная дама. Оказалось, ее зовут Клавдией. Рита уже успела проголодаться и взглянула на столы. Чего только там не было: румяные пироги, белые до прозрачности яблоки, сдобное печенье, даже шоколадные конфеты. Паства отца Фотия приступила к чаепитию и стала оживленно обмениваться новостями. Минут через десять настоятель храма постучал ложечкой по стакану и громко призвал присутствовавших к порядку:

— Доложите по нашей повестке! Ну, кто первый начнет?

Соседка Клавдии по столу, все та же «дылда» Валентина, вскочила с места и затараторила:

— Отец Фотий, беда! Телеящик по-прежнему пудрит мозги людям. Теперь уже про какую-то ревакцинацию заговорили. Мало им двух чипов, третий хотят православным людям поставить. Еще болтают, что даже детишек начнут чипировать, как в Америке этой проклятой!

— Ну-ну, — горестно усмехнулся отец Фотий, — и что, люди охотно чипируются? Как агнцы сами идут на заклание?

— Так ведь обложили нас повсюду, отец Фотий! — подал голос крупный парень с окладистой бородой. Рита догадалась, что это его громоподобный бас звучал сегодня во время службы. — Даже на работе требуют коды о том, что нас чипировали. Без них, сказали,

не будут зарплату платить.

— Ох, а вы и рады угодить начальству, сами первыми побежали! — усмехнулся отец Фотий.

Паства смущенно захихикала. Все смиренно ждали новую проповедь.

— Тяжкие времена для нашей веры настали, — посуровел отец Фотий. — Воины церкви давно повывелись. Никто не хочет отдать живот за веру православную.

— А что мы можем-то? — вздохнула Клавдия. — Разве что вот пирожков напечь. Без работы детей не прокормишь. А на работе прививаться заставляют, Емельян правду говорит.

— А ты не думала, что от чипов этих у тебя рога и хвост вырастут? — повысил голос отец Фотий. — Дьявол-то, он ведь не дремлет! Так и ждет, на чем подловить православного человека. Особенно если тот споткнется.

— Выходит, дьявол действует, как мент? — подал голос подросток из дальнего угла. — Тот тоже так и ждет, чтобы наркотики подбросить.

— Ну, это ты, сын мой, загнул! — добродушно хохотнул отец Фотий. — Хотя ход мысли верный: дьявол никогда не дремлет и свои пакости руками людей творит! А ежели ты, отрок, Фома неверующий, то учти: вакцина не спасет тебя от новой чумы. Один мой родственник привился от ковида, а в итоге тяжело заболел. Хорошо, что не умер. Коль скоро, братья и сестры, у нас пошел откровенный разговор, скажу: сыночек мой младший после прививки от кори чуть не умер из-за отека квинке, а дочка, когда ей сделали прививку от туберкулеза, заболела и хворала потом долго. Словом, друзья мои, главная защита для нас — вера в Господа.

Все, присутствовавшие в трапезной, потупились, как двоечники у доски.

— Надо выступить против этих проклятых вакцин всем миром! — потребовал пастырь. — Те, кто бездушно чипирует православный люд, должны услышать глас народа! Пора бороться со злом двадцать первого века современными методами. Предлагаю всей паствой выйти на митинг.

— Ой, а вдруг не разрешат? — забеспокоилась Валентина. — Слыхали, небось, что за несанкционированные митинги в наше время бывает? Вон сколько молодежи в прошлый раз в автозаки похватали! Я, например, не могу в СИЗО долго отсиживаться: у меня внуки, кошки...

— Не сравнивай себя, дочь моя, с молодыми бузотерами. Те не ведают, что творят. Не забывай, с нами Спаситель! — повысил голос батюшка. — Бог нас защитит и направит, он не попустит зла. Итак, кто готов пострадать за веру православную, за дело богоугодное? Емельян, составляй список участников митинга!

Отец Фотий дал поручение обладателю гулкого баса и продолжал:

— Пойдем всем миром от «Тверской» к памятнику Пушкину, а там встанем в одиночные пикеты.

— Боязно что-то! — прошептала Валентина. — Мы люди маленькие, у всех семьи, дети... Ох, думаю, московскому начальству это не понравится.

— А кто дрожит, как осиновый лист, пускай идет... — батюшка уже хотел высказаться по-русски без эвфемизмов, но осекся, махнул рукой и обвел паству взглядом веселых голубых глаз, которые, казалось, видели всех насквозь.

Рита вспомнила видео, в котором знаменитая тренерша Марина Линер-Карманова отчитывает гимнастку-«художницу», выполнившую упражнения не на высший бал и чуть не упустившую «золото».

— Ты дрожала, значит ты — говно, — говорила успешная и богатая тренерша, жена олигарха, испуганной девочке голосом тюремной надзирательницы. Другая тренерша, моложе начальницы лет на тридцать, пыталась заступиться за юную спортсменку:

— Она не дрожала, Марина Михайловна, она старалась.

— Нет, дрожала! А коли дрожала, пусть идет на хер! — вынесла вердикт знаменитая «воспитательница звезд», ничуть не стесняясь вольных и невольных свидетелей публичной порки.

Заплаканная маленькая гимнастка потом долго стояла у Маргариты перед глазами...

Отец Фотий тоже сюсюкать со своими духовными чадами не собирался и мотивировал паству поставленным голосом на бой с невидимым врагом.

— Шутки кончились! — отец Фотий сказал это уже не громко, скорее устало, и сотрапезники испуганно притихли. Было слышно, как с жужжанием бьется в окно большая муха. — Кто из вас умеет рисовать? — перешел пастырь к деловой части.

— Я в «художку» ходил! — поднялся с места все тот же активист Емельян, обладатель певческого баса. На правом предплечье под рукавом футболки у него красовалась крупная татуировка в виде распятия.

— Отлично, сын мой, значит, будешь писать плакаты и рисовать шприцы с чипами. Варвара, на тебе православное оснащение митинга: кресты, хоругви и так далее.

Старушка в соломенной шляпке с лицом вузовского преподавателя поднялась с места и поспешно кивнула.

— Емельян, ты в армии служил?

— Демобилизовался в звании прапорщика! — отрапортовал Емельян.

— Прекрасно! Будешь руководить подготовкой! — приказал священник, внезапно почувствовавший себя главнокомандующим. — Крестный ход и пикет намечаем на 15 июня. Всех, кто готов выступить против чипирования, я буду ждать в центре зала на «Тверской». Пожалуйста, не опаздывать! Успех нашей операции в ее стремительности... Новенькая, а ты что можешь предложить?

Рита вздрогнула от неожиданности. Пронзительные голубые глаза пастыря смотрели ей прямо в душу.

— Я умею тексты слоганов писать и фотографировать, — тихо сказала Рита. — Фотографии — это исторические документы. Когда наш митинг, точнее, одиночные пикеты, разгонят, останутся хотя бы кадры на память.

— Отлично, — обрадовался священник. — Ты... как тебя, Мария? Так вот, Мария, обязательно приходи. Это будет твое первое боевое крещение. Ты компьютером владеешь? Это для нас важно.

— Немножко владею, — приуменьшила свои достоинства Рита и добавила: — Куда ж сейчас без гаджетов, отец Фотий? Особенно в пандемию...

— Забудь это слово! — закричал на Риту священник. — Нет никакой пандемии! Нету — и все! Обычная эпидемия обычного гриппа. Пандемия, это когда болеет 5 процентов населения, а у нас и одного-то не наберется.

— А как же цифры заболевших и умерших? — удивилась Маргарита. — Они ведь растут с каждым днем.

— Запомни, все официальные сообщения — фейки и туфта, — неожиданно перешел на современный жаргон отец Фотий. — Ты графики видела? — пастырь тщательно огладил аккуратно подстриженную бородку. — Я ведь до того, как сан принял, математику в школе

преподавал. Так вот, на графиках изображают «горбы» избыточной смертности этого года. А знаешь, почему она избыточная? Да потому что туда приписали все другие смерти — и от рака, и от инфаркта, а чаще — от старости. Даже смерти тех, кто попал под машину, возвращаясь из ковидного госпиталя, туда же включили. Господь милостив, он услышал молитвы стариков и забрал их к себе, а СМИ орут: «Пандемия!». Совсем одурели! Короче, не верь, раба божия Мария, ни прессе, ни сомнительным цифрам в газетах. Все подтасовано ради того, чтобы поголовно чипировать православный люд. Эти слуги дьявола хотят всех православных пометить, что-то типа тавра на нас ставить. Как на скот! Я еще когда вас предупреждал: все эти ИНН и прочая оцифровка персональных данных до добра не доведут.

Рита хотело было возразить отцу Фотию, поскольку тоже читала статьи о пандемии и изучала графики, но решила промолчать, чтобы не выдать себя.

Трапеза завершилась на удивление быстро. Прихожане, откладываявшие, как и большинство москвичей, домашние дела на выходные, поспешили по домам, чтобы приступить к исполнению воскресных планов. Как говорится, Богу Богово, а кесарю — кесарево.

— А ты того, Мария, шустрая! Внимание отца Фотия вот так сразу, как тебе, никому еще привлечь не удавалось, — в голосе длинной Валентины прозвучала легкая зависть.

— Хорошо тут у вас, душевно... И что, каждое воскресенье в храме проходит подобное чаепитие? — поинтересовалась в ответ Рита.

— Ну, конечно! — Клавдия добродушно улыбнулась. — Воскресенье — время для Бога. Дома и на работе одни проблемы. а здесь душа покой обретает.

— Какой же тут покой, — удивилась Марго, — если вы не о душе и не о благодати говорите, а все про какие-то чипы и вышки 5 G перетираете?

— Так это же и есть самое важное! Ты, сестра, смотри, бдительности не теряй, а то глазом не успеешь моргнуть, как тебя ваксеры потащат с собой чипироваться, — настоятельно сказала Валентина.

— Хорошо, буду бдительна! — не стала спорить Марго. Она простилась с новыми товарками и покинула храм. Затем отыскала ближайший МакДак и там, в туалете, наконец переделалась. Теперь из зеркала на нее смотрела не смиренная прихожанка, а современная бойкая девица в футболке с принтом «Тупо мышь» и в неровно обрезанных шортах с бахромой по нижнему краю. Вместо белого платочка Рита водрузила на голову красную бейсболку и, еще раз окинув себя взглядом, осталась весьма довольна. Теперь Маргарита Мышкина ничем не отличалась от молодых москвичек, разгуливающих по городу в летнюю жару.

Марго подумала, что для воскресного утра впечатлений с избытком. Надо, пожалуй, перекусить здесь же в МакДаке и прикинуть дальнейший план глубокого внедрения в логово «антиваксеров».

Ужасная новость

Марго заказала себе креветок в панировке и малое капучино. Новые впечатления переполняли Вездесущую Мышь. Рита глубоко вздохнула и вызвала номер, недавно забитый в телефон.

— Капитан Пищик слушает, — раздался знакомый баритон.

— Здравствуйте, это Маргарита Мышкина. Ну да, журналистка с портала «Всякая всячина».

— Аааа, привет чу... чудесный репортер Вездесущая Мышь!

Леха чуть не брякнул «Чумовая Чувырла», как было записано у него в смартфоне, но вовремя спохватился и продолжил официальным тоном:

— Есть новости, агент Мышкина?

— Кое-что нарыла, — загадочно сообщила Маргарита, — сообщу при встрече. Правда, об успехе моих разысканий пока говорить рано.

— А у меня есть новость, — сказал капитан, и Марго заметила, как помрачнел его голос, — плохая. Точнее, очень плохая.

— Что случилось? — спросила Рита поспешно. Инстинкт репортера мгновенно взял верх над желанием пококетничать с молодым и, похоже, неженатым капитаном полиции.

— Ирина Львовна Войцеховская скончалась минувшей ночью.

— Какая Ирина Львовна? — переспросила Марго.

— Та самая! Заведующая отделением реанимации в «Марфино». Мы с вами по очереди сидели в ее кабинете, пока она не убежала на конференцию.

— Этого не может быть! Мы же только что... видели... ее! — воскликнула Маргарита так громко, что люди за соседними столиками повернули головы в ее сторону.

— Запомните, Рита, в жизни возможно все, — сказал капитан усталым голосом. — Ирина Львовна работала в Красной зоне. Постоянный стресс, бешеный ритм работы, врачей и медсестер постоянно не хватало. Я узнал у ее коллег, что сердце у заведующей было слабое. Ну, вот и все...

— Второй случай гибели врачей в «Марфино» за последнее время. Странно...

Лина поковыряла вилкой креветки и поняла, что есть уже не хочется.

— Если бы гражданская жена Калюжного не написала мне сообщение о скоропостижной смерти Войцеховской, я бы и не узнал об этом рядовом инциденте, — вздохнул капитан. — Во время пандемии — как на войне. Новым смертям не слишком удивляешься, они не являются сенсацией.

— И все-таки я погуглю, не писала ли Ирина Львовна научно-популярные статьи о необходимости вакцинации, — задумчиво сказала Лина. — Возможно, она попала в зону интереса антиваксеров. А в той зоне так «фонит», что ни одному Чернобылю и не снилось. Вот вы не верите в виновность православных антипрививочников, а я только что убедилась: это настоящие фанатики.

Закончив разговор, Рита углубилась в телефон и не заметила, как у столика нарисовался новый знакомый, активист бирюлевского храма Емельян. Он заметил свободное место напротив девушки и с удовольствием плюхнулся на него, еле впихнув свое могучее тело в хлипкий пластмассовый стул. Рита уловила носом резкий запах мужского пота и брезгливо поежилась.

— Совсем стыд потеряла, сестра! — пробасил мужчина, рассматривая голые ноги Риты в джинсовых шортах. Он уставился на принт «Тупо мышь», напечатанный на ее футболке, и пробасил

— Мышь? Тупая? Вот именно: «Кот из дома — мыши в пляс!».

В голосе нового знакомого Рите послышалась скрытая угроза. Тем временем тот продолжал:

— Будешь так бесстыдно одеваться, лучше не приходи в храм через неделю. Нам проститутки без надобности.

— Мы же сейчас не в храме, а в МакДаке! — удивилась Рита, делая вид, что пропустила оскорбление мимо ушей. — Я в жару всегда так по городу хожу. Мне кажется, что для истинной веры не важны внешние атрибуты.

— Знаешь, ты все же так не делай. Мы не любим двуличных, — Емельян привычным жестом огладил внушительную бороду и принялся за ролл с лососем. — Кто в Бога верует, ляжки на показ не выставляет, — прогундел он с набитым ртом.

— А что, японские роллы православным есть можно? — съехидничала Рита.

— Так это же постная еда! — в свою очередь изумился Емельян. — Рыба и рис по воскресеньям даже в пост дозволяются. А вот у тебя, сестра, вид сейчас зело скоромный!

— Вы слышали, доктор Ирина Львовна из клиники «Марфино» умерла, — попыталась Рита перевести разговор на другую тему.

— Господь карает незамедлительно, — заявил Емельян с набитым ртом. Он не переспросил, кто это, значит, был в курсе. — Эта дамочка столько зла принесла своими якобы просветительскими статейками. Как-то видел ее по телеку. Глаза бесстыжие, вот как у тебя сейчас. Наглая, нахрапистая. Ни капли смирения, как будто она не баба, а солдат в белом халате. Прикинь, она всех чипироваться призывала! Я заглянул в интернет, у этой врачихи 20 тысяч подписчиков! Нехило она дуракам мозги промывала!

— Емельян, а как же христианское милосердие? — удивилась Рита. — Бог есть любовь! Ирины Львовны нет в живых, так зачем же говорить о ней гадости?

— Христос проповедовал любовь к ближнему, но не к врагам православия! — парировал бородач. — Христово воинство обязано отстаивать основы веры. За свои богопротивные делишки и она, и ей подобные «Чипы энд Дэйлы» попадут прямиком в ад.

Он степенно огладил бороду, в которой застряли несколько зернышек риса и ошметок водорослей.

Маргарита еле сдержалась, чтобы вот прямо в эту секунду не заехать самодовольному фарисею по его наглой роже. К счастью, вовремя остановилась, сообразив, что силы не равны. Еще бы! Этому хряку ударить женщину — все равно, что бороду огладить. К тому же, если она будет слишком возмущаться, Емельян ее разоблачит, и тогда прощай миссия агента под прикрытием! Не хотелось бы так быстро спалиться, не завершив расследование и не оправдав доверия начальника следственной группы Пищика. Между прочим, молодого и симпатичного парня. Ладно, статья о секте в Бирюлево пока подождет. Рита боялась даже себе признаться, что вызвалась стать агентом под прикрытием ради нового знакомого. Однако сейчас перед ней сидел другой мужчина, далеко не такой симпатичный. Скорее, наоборот. Внутри у Марго все кипело. Подумать только! Женщина-врач, еще не старая, которая спасла столько жизней, умерла, а этот неопрятный сатир желает ей всего самого плохого. Мерзавец! Допив кофе, она кое-как вылезла из-за столика, который этот тип придавил своей грузной тушей, заставила себя буркнуть «пока!» и махнула на прощание

рукой. Уходя, Марго почувствовала на своих голых ногах похотливый взгляд Емельяна.

Ватсон, как всегда, узнал приближение хозяйки уже тогда, когда она только открыла дверь подъезда. Выпилившись из лифта на своем шестнадцатом, Маргарита слышала радостное погавкивание, поскуливание, а вскоре и царапанье двери. Она распахнула несчастную, изрядно ободранную дверь и сразу же отскочила в сторону, чтобы не получить чувствительный удар собачьей башкой в колени. Ватсон прыгал вокруг хозяйки с радостным лаем, задев-таки пару раз когтями ее ничем не прикрытые ноги.

— Ну что, лентяй, дрых, как всегда? — потрепала его Рита по крупной башке и, не удержавшись, чмокнула в плоский мокрый нос. — Завидую твоей собачьей жизни. Вот ведь что получается: кормлю элитным кормом, вывожу на прогулку, а ты мне совершенно не помогаешь. Ничего не нагуллил и не перепостил в мое отсутствие. Просто безобразие!

Пес в ответ радостно заскулил.

— Ладно, Ватсон, не описайся от радости! Принеси-ка лучше поводок.

Пес выполнил любимую команду с необычайным рвением и вскоре отправился с хозяйкой «эсэмэсить Черемушки».

Когда они вернулись, Рита, к неудовольствию пса, не легла на диван, слегка подобрав ноги, чтобы он с комфортом притулился к ней, а уселась за компьютер. Гугл тут же выдал нужную информацию:

«Ирина Львовна Войцеховская (1970–2021), кандидат медицинских наук, автор научно-популярных статей о новой коронавирусной инфекции и отечественных анти-ковидных вакцинах, постоянный автор научно-популярного ютуб канала «Вакцинация? Да!». Войцеховская являлась активным пропагандистом прививочной кампании, разъясняла населению необходимость прививок отечественной вакциной «Спутник» и развенчивала мифы и слухи о вакцинации. С марта 2020 по июнь 2021 года возглавляла отделение реанимации клиники «Марфино».

«Возглавляла... — подумала Рита с горечью. — Спасала других, а сама не убереглась. Все-таки заведовать отделением реанимации — очень нервное занятие. Недаром говорят, что хирурги и реаниматологи долго не живут. Не мешало бы еще раз съездить в «Марфино», поговорить с врачами и медсестрами. Стоп! Второй раз меня туда не пустят. Будут тянуть резину, потребуют письмо от Минздрава, Депздрава или еще какую-нибудь формальную бумажку, на получение которой уйдет неделя. Капитан, кажется, говорил, что не намерен затягивать следствие».

— Знаешь, Ватсон, — обратилась она к псу, — придется звонить этому надутому менту, капитану Пицику. Может, он соблаговолит взять меня с собой? Все же криминальный репортер — это одно, а служивый человек, капитан полиции — совсем другое дело. Мне не позволят без него просто так гулять по отделениям...».

При слове «гулять» пес запрыгал и, взвизгнув, лизнул ее в нос. Марго шикнула на него и показала кулак.

— Капитан Пищик слушает! раздался в трубке знакомый баритон, и Рита неожиданно повеселела. Ватсон, лежавший у ее ног, мигом уловил игривое настроение хозяйки, завилял обрубок хвоста, положил ей лапы на колени и громко гавкнул.

— Заткнись, кобелина! — прошипела Рита.

— Это вы мне? — удивился Алексей.

— Ой, извините, — это я моей собаке! Она, то есть он, заревновал, что я не с ним разговариваю, и решил напомнить о себе.

Рита от смущения и сдавленного смеха сползла со стула и едва не отключила телефон, однако взяла себя в руки, сделала глубокий вдох и продолжила:

— Алексей, у меня появились новые соображения по поводу скоропостижной смерти Войцеховской. Думаю, нам стоит еще раз съездить в «Марфино».

— Вас что, назначили моим начальником? Уже поручения мне даете? — в голосе капитана прозвучали ехидные нотки.

— Простите, — спохватилась Рита. — Наоборот, Алексей, с надеждой взываю с помощи. Без вас мне в больницу не проникнуть, я им еще в тот раз примелькалась.

— А вы уверены, что вам надо туда проникать? — язвительно поинтересовался Алексей.

— Более чем. Вы знаете, я порасспросила коллег-журналистов об этой больнице. «Марфино», хотя и частная клиника, имеет не слишком хорошую репутацию. Говорят, родственники пациентов нередко жалуются наверх, пишут о врачебных ошибках, но в Депздраве все спускают на тормозах. Это наводит на нехорошие мысли... Папа сказал, что одного нашего богатого родственника, дядю Гришу, там «зарезали» на операции. У меня есть идеи о журналистском расследовании. Для начала, думаю, имеет смысл прояснить кое-какие детали об очередной смерти в Красной зоне — теперь зав. отделением Войцеховской. Знаете, я хочу написать о ней что-то вроде некролога. Мне кажется, Ирина Львовна была очень достойным человеком. Думаю, начальство не на шутку обеспокоено очередным летальным случаем во вверенной им больнице и будет разговорчивей, чем в прошлый раз.

Не самое приятное место

Когда Рита шагнула вслед за Алексеем за проходную, она внезапно всей кожей ощутила растерянность и страх, овладевший персоналом «Марфино». Рита когда-то читала, что в сообществах животных подобный коллективный ужас поселяется во время стихийных бедствий или, например, когда всю стаю, одну особь за другой, начинают истреблять охотники. От обреченной стаи исходит запах страха, который безошибочно угадывают животные из других колоний. В глазах врачей и медсестер, хоть они были закрыты профессиональными масками и огромными очками, даже в их движениях и голосах угадывался такой же неприкрытый ужас обреченных.

«Крымова, Войцеховская... Не успеваем некрологи вывешивать. Кто следующий?», — читалось в глазах докторов и сестер, покрасневших от постоянных переработок и вечной бессонницы.

Главврач Кирилл Витальевич Куценко глянул на вошедших с неприкрытым раздражением:

— А, это опять вы, капитан полиции? Прихватили с собой прессу для поддержки? Ну-ну, продолжайте в том же духе, коли преступники в столице перевелись и вам больше нечем заняться. Похоже, наши доблестные органы опять ищут крайнего? А я и есть крайний, потому что отвечаю за все во вверенной мне клинике и от ответственности, заметьте, не отказываюсь. Да, Ирина Львовна умерла. Между прочим, врачи, работающие в Красной зоне, частенько погибают. А как вы хотели? На войне — как на войне.

— Но ведь Ирина Львовна умерла не от ковида... — тихо сказала Рита.

— Вы считаете, что у наших докторов сердце железное? — парировал глав. врач и продолжил вполголоса, словно тело умершей докторши находилось все еще в клинике. — У Ирины Львовны оно было настоящее, живое. Вот и не выдержало, остановилось. Врачи и сестры ежедневно видят, как умирают пациенты и их коллеги. Думаете, к этому можно привыкнуть? Ирина Львовна чаще других бывала в Красной зоне. Не удивительно, что ее отзывчивое сердце не выдержало чрезмерных нагрузок...

— Могу я взглянуть на заключение патологоанатома? — поинтересовался капитан Пищик.

— Разумеется.

Доктор достал из толстой кожаной папки, на которой красовалось название «Марфино», бумажный лист, заполненный с обеих сторон мелким шрифтом. Леха обратил внимание на гелевую ручку, оформленную в таком же фирменном стиле, что и папка. Перевел глаза на стену — там висел фирменный календарь «Марфино» с фотографией главной операционной.

«Нехило они тут живут, — подумал капитан. — Мы у себя в отделе картонными скоросшивателями пользуемся, а записи делаем на оборотках ненужных бумаг».

— Можно сфотографировать этот документ? — спросил капитан.

— Ну конечно, это ваше право, — устало согласился главврач.

— Я хотела бы написать колонку о Войцеховской, — вклинилась Рита, — что-то вроде некролога. Мне кажется, Ирина Львовна заслуживает того, чтобы о ней узнало как можно больше людей.

— Что ж, спрашивайте, только быстро, — устало согласился Куценко. — Отвечу

исключительно ради памяти об Ирине Львовне.

— Я знаю, что она была не только врачом, но и известным ученым, занималась просветительством, читала лекции. Ирина Львовна не раз выступала с разъяснениями о пользе вакцинации на портале «Вакцинация? Да!». Вы знали об этом?

— Разумеется, знал. У нас, медиков, принято читать статьи коллег.

— Вы не в курсе, кто-нибудь угрожал Войцеховской? Ну, я имею в виду антипрививочников... — Леха профессионально подхватил кинутый Ритой мяч и ловко превратил журналистский вопрос в пункт протокола допроса.

— Никогда ни о чем подобном не слышал, — искренне изумился Куценко. — Угрожали? А смысл? У нас же по-прежнему твердят, что прививка — дело добровольное. Хочешь прививайся, а не хочешь — помирай, только тогда уже без претензий — и к врачам, и к медицине, и к Господу.

— На некоторых людей здравый смысл не действует — сказала Рита. — У них в голове своя Вселенная, в которой солнце вращается вокруг Земли, а Земля стоит на трех китах.

— Ну, таких мы вряд ли переубедим, — сказал Куценко. — Пусть так себе и думают, лишь бы в протоколы лечения не влезали.

— Кстати о протоколах, — не унималась Рита. — Скажите, какой вакциной вы прививаете своих докторов и младший медперсонал?

— Как какой? Конечно, «Спутником», — удивился главврач вопросу, — он же единственный прошел все стадии испытаний.

Куценко заторопился: "Извините, господа, у меня на вас больше ни минутки нет. Сейчас начнется он-лайн конференция с министром здравоохранения. Разумеется, на тему ковида. Сами понимаете, к такому высокому начальству опаздывать нельзя."

Пищик и Марго простились с Куценко, быстро подписали у секретарши пропуск и уже направлялись к выходу. Внезапно Марго упростила капитана немного задержаться.

— В третий раз меня сюда точно не пустят. Надо поговорить с кем-нибудь, кто работал в тот день в Красной зоне.

В Рите проснулась Вездесущая Мышь, готовая проникнуть куда угодно ради журналистского расследования. Капитан Пищик вопросительно взглянул на Риту, и та, интуитивно уловив его недоумение, пояснила:

— Медики сейчас находятся под впечатлением от смерти коллеги. Может, на волне стресса они перестанут бояться начальства и расскажут нам что-то новенькое. Мне кажется, Красная зона этой клиники хранит немало тайн.

В коридоре из-за поворота показалась фигура в медицинском костюме. Издалека было трудно определить, мужчина это или женщина. Наконец фигура приблизилась и оказалась молодой зеленоглазой девушкой с рыжими волосами, стянутыми в тугий пучок. Девушка была симпатичной, только выглядела очень уставшей. На лице у медработницы выделялись глубокие красные полосы от недавно снятых респиратора и очков.

— Простите, но как вы вообще сюда попали? — спросила она строго. — Это же особо охраняемая территория инфекционной больницы! Я обязана доложить о вас охране.

— Капитан полиции Пищик, — представился Алексей. — Веду расследование по делу с нескольких смертях в вашем отделении. А это Маргарита Мышкина, журналистка. Собирается писать статью о недавно умершей Ирине Львовне Войцеховской. И я, и она дважды вакцинированы «Спутником», антител у нас полно, так что за свою жизнь мы не опасаемся. Пропуска нам подписал сам главврач Куценко. В общем, мы здесь находимся

вполне легально. Где тут у вас можно спокойно поговорить?

— Интерн Муромцева, — представилась девушка, — Галина Михайловна. Я готова уделить вам минут пятнадцать, не больше. Пройдите, пожалуйста, вот сюда, в комнату отдыха. Сегодня смена тяжелая, думаю, там никого нет. Не до чаепитий, когда люди умирают.

Рита и капитан Пищик уселись за низкий столик, молодая докторша устроилась напротив них. Ее рыжая челка все еще была влажной после санитарной обработки, розовое от горячей воды лицо украшали веселые веснушки.

Алексей слегка смутился, но начал беседу официальным тоном:

— У вас в отделении недавно скончался Константин Калюжный. Судя по выписке из истории болезни, он умер от последствий ковида. Гражданская жена Калюжного Анжела Карпенко уверена, что олигарху помогли уйти из жизни антиваксеры. Разумеется, при помощи врачей

Галина взглянула на Алексея с изумлением.

— У нас в Красной зоне люди умирают от заболеваний, сопутствующих ковиду, или же от осложнений, вызванных новой коронавирусной инфекцией. Мы боремся за каждого пациента и к концу смены с ног валимся от усталости. Счастливы, если удается спасти чью-то жизнь. А вы говорите — «помогли уйти»!

— Ну, а врачи? Надежда Петровна Крымова и Ирина Львовна Войцеховская? — поддал голос Рита, — У них же, насколько нам известно, ковид не подтвердился?

— К сожалению, смерть медицинского персонала у нас в клинике, да и не только у нас, в последнее время — не редкость. — Доктора тоже заражаются ковидом, погибают от осложнений, а бывает, что и сердце у них от переутомления не выдерживает. Мы же люди, а не роботы, напичканные медицинскими знаниями!

Глаза Галины увлажнились, а голос дрогнул. Рита испугалась, что симпатичная докторша сейчас заплачет, и ободряюще улыбнулась. Пищик же, напротив, отвернулся, поскольку с трудом выносил женские слезы.

— Может быть, вы все-таки заметили в отделении что-нибудь необычное? — не унималась Рита. Докторша-интерн в ответ лишь всхлипнула и отрицательно покачала головой.

Пищик довольно чувствительно двинул Риту локтем, затем встал и потянул ее за руку вверх. Марго неохотно поднялась со стула, однако успела задать заготовленный вопрос до того, как капитан бесцеремонно вытолкнул ее из комнаты:

— Скажите, к вам в Красную зону случайно не зачастил какой-нибудь доктор из другого отделения? Ну тот, который прежде здесь редко бывал?

— Надо подумать, — всхлипнула Галина. — Сейчас я плохо соображаю — очень устала. И вообще... Смерть Войцеховской на всех ужасно подействовала. Ирина Львовна была хорошим человеком и толковой начальницей. Оставьте ваш телефон, капитан Пищик, если я что-нибудь вспомню, обязательно вам позвоню.

— Ну, тогда вспомните, пожалуйста, несколько историй об Ирине Львовне для моей колонки, — попросила Рита. — Хочу написать о ней что-то вроде расширенного некролога. Мне кажется, доктор Войцеховская того заслуживает.

Галина Михайловна промокнула глаза марлевой салфеткой и улыбнулась:

— Это другое дело. Про Ирину Львовну расскажу с удовольствием.

Через десять минут Рита прервала восторженные воспоминания врача:

— Уж очень все гладко получается, читатели мне не поверят. Правильно поставленные диагнозы, верно продуманное лечение, десятки спасенных жизней... Скажите пожалуйста, случилось ли вашей начальнице принимать непростые решения, которые грозили ей, например, увольнением?

— Случались, но они... как бы лучше сказать... не для печати. Например, Ирина Львовна категорически выступала против того, чтобы персонал прививали вакциной «СуперВак корона», а начальство клиники, напротив, ее активно лоббировало.

— А почему главврач так настаивал на «Суперваке»? — удивился Алексей.

— Могу только догадываться. СМИ писали, что в его разработке принял участие один из профильных министров. Ну, а главврач — фигура зависимая. к тому же, под «СуперВак» выделялись приличные деньги.

— Ничего не понимаю! — удивилась Рита. — У вас же частная клиника! Почему ваш главврач так боится вышестоящих органов?

— Очень просто, — тихо сказала Галина, — частная клиника в нашей стране гораздо более уязвима, чем государственная. У нас могут отобрать лицензию, наложить на нас штраф, закрыть после санитарной или финансовой проверки. Вот главврач и лавирует-лавирует, чтобы хоть как-то вылавировать...

Она невольно улыбнулась, с трудом выговорив последнюю фразу, похожую на скороговорку.

— Приведите, пожалуйста, еще пример непокорности бывшей зав. отделением Войцеховской? — торопливо сказала Рита, чтобы девушка не передумала и не перестала говорить.

— Однажды Ирина Львовна отказалась голосовать за слабую кандидатскую диссертацию одного доктора из нашей клиники.

— Вы можете назвать его фамилию? Обещаю, что не буду упоминать этот случай в статье.

— Аркадий Кащеев, заведующий патологоанатомическим отделением, — сказала Галина после некоторого колебания.

— Это уже интересно! — в глазах Риты появился лихорадочный блеск, как у гончей собаки, взявшей след. — И как же он потом подписывал протоколы о причинах смерти пациентов Войцеховской?

— Да так же, как всегда, — пожала плечами Галина. — Одно дело личная неприязнь, и совсем другое — работа. В клинике мы стараемся не смешивать эти две категории и вообще, когда вопрос встает о жизни и смерти пациента, забываем обо всех внутренних разборках.

— Но вы же сами сказали, что врачи — люди, а не бездушные роботы! — напомнила Рита.

— Простите, пятнадцать минут истекли, — Галина тряхнула головой, словно заставив себя вернуться из воспоминаний в реальность, затем резко поднялась с места. Пищину с Ритой тоже пришлось встать.

— Подскажите, пожалуйста, где находится морг клиники, — небрежно попросила Рита, как будто являлась туда каждый день.

— Выйдете во двор, затем повернете налево, и метров через двести увидите указатель. это одноэтажный желтый домик на отшибе.

— Ну что ж, капитан Пищик, пошли в гости к Кащееву, — сказала Рита, стараясь не показывать внутреннюю дрожь. — Оказывается, у Кащея смерть хранится не в яйце, которое

в ларце, а, как и положено, в морге

Алексей внимательно, с каким-то новым интересом взглянул ей в глаза и послушно последовал за журналисткой.

Жизнелюб в царстве Аида

Капитан Пищик нажал обшарпанную кнопку звонка. На пороге появился человек неопределенного возраста в медицинском костюме. Вид у гонца из царства Аида был довольно помятый. Щетина на щеках, синяки под глазами и нос, изменивший цвет на малиново-сизый — видимо, от постоянного «снятия стресса». Синий хлопковый костюмчик тоже не выглядел свежим и отглаженным, как у докторов клиники.

— Родственников принимаем после трех, — буркнул санитар и попытался закрыть дверь, но Леха придержал ее ботинком. Он сунул в щель удостоверение руководителя следственной группы МВД по городу Москве и покрутил им перед носом стражника, стерегущего вход в царство Аида.

— А, ну тогда это к шефу, — тон санитаря стал более вежливым, однако лицо его приветливей не стало, — пойдете, провожу.

Санитар провел их через мрачный коридор в маленькую каморку, где сидел грузный человек в чистом, тщательно отглаженном медицинском костюме салатного цвета и что-то набивал одним пальцем в компьютере.

— Заведующий патологоанатомическим отделением Кашеев Аркадий Николаевич, — представился хозяин кабинета и поинтересовался, — чем обязан визиту полиции?

Патологоанатом вежливо привстал со стула и с любопытством уставился на визитеров.

— Вы, наверное, по поводу Калюжного? — наконец догадался он. — Боже, мне его даже жаль, хотя в этом месте, казалось бы, все человеческие чувства должны притупляться. Почему жаль? С грустью наблюдаю, что этому богачу даже после смерти покоя нет. Деньги-то с собой на тот свет не заберешь, как говорится, «у гроба нет карманов». А суеты и разговоров вокруг его смерти намного больше, чем вокруг кончины обычных людей. Ох, нелегко, наверное, ему сейчас на том свете...

Хозяин кабинета внимательно обвел посетителей умным и острым взглядом, как бы спрашивая: «Ну, что еще? Вы же не посмотреть на меня пришли?».

«Он каждый день видит смерть, неудивительно, что проницательности анатому не занимать», — подумала Рита.

— Нам бы хотелось поговорить с вами по поводу диагноза умершего олигарха, и не только о нем, — подал голос Пищик. — Следствие не меньше интересуется смерть двух женщин-докторов, скоропостижно скончавшихся в отделении Войцеховской. Вы, конечно, знаете, что и Надежда Петровна, и Ирина Львовна тоже умерли?

— Ну, как не знать? — горько усмехнулся патологоанатом, — Коллеги тоже через наши руки проходят, как ни ужасно это звучит.

— Вы уверены в их диагнозе, который подписали? — тихо спросила Рита.

— Заключение о смерти не только я подписываю, — уклончиво пояснил Кашеев, — есть еще и врачи отделений, и начальство. В медицинском заключении все сказано. А что заставило полицию заинтересоваться этим, увы, довольно банальным для эпохи пандемии, случаем?

— Гражданская жена Калюжного написала заявление в полицию. Она требует изучить причины внезапной смерти ее мужа и его лечащего врача Надежды Петровны Крымовой. Однако вскоре скончалась и заведующая отделением Ирина Львовна Войцеховская. Три смерти в одном отделении! Теперь вы понимаете, почему мы здесь? — спросил капитан

Пищик.

Кашеев взглянул на него умными, слегка покрасневшими глазами на одутловатом лице и молча пожал плечами.

— Правда ли, что Ирина Львовна выступила на ученом совете против вашей диссертации? — спросила Рита.

Патологоанатом взглянул на Риту с ехидным прищуром:

— Так вот что вы мне шьете! Ну-ну... Признаюсь, не ожидал от доблестной полиции такой «проницательности». То есть, по-вашему, если Войцеховская покритиковала мой диссер, в то время действительно еще довольно сырой, то я в ответ укукошил ее при помощи одному мне известного препарата? Не смешите, господа, старого анатома! Мы же не трубы тут перекладываем! Репутация в медицинском сообществе, между прочим, дорогого стоит. Недавно Куценко даже своему родному племяннику диссер зарубил. Сказал, чтобы тот его не позорил и как следует поработал над основной частью. Мол, ноги Куценко не будет на защите, если его родственник предложит ученому совету подобную шнягу. Короче, такие разборки у нас — обычное дело, из-за этого никто даже не подерется по пьянке, не то чтобы травить друг друга ядами...

— А как насчет вакцинации сотрудников клиники «СуперВак короной»? — спросил Пищик.

— Ну это вообще не моя тема, — усмехнулся Кашеев. — Я в отпуске «Спутником» привился, остальное — дело администрации.

— Мы в курсе, что Ирина Львовна выступала на конференции против применения в клинике этой сомнительной вакцины! — сказала Рита.

— Говорю же, я отвечаю только за то, что творится в моем отделении. А у нас тут, как поется в старой песенке, «все спокойненько»! Мои пациенты, к счастью, люди тихие! — усмехнулся Кашеев и не без труда выпростал из-под стола свой внушительный живот. — Извините, господа, пора идти. Очередная конференция вот-вот начнется. Мы тут, как писал поэт, вечные «прозаседавшиеся». Совсем начальство обалдело: каждый день проводит то совещания, то конференции, и требует от нас на этих говорильнях присутствовать.

Хозяин кабинета, не убирая вежливую улыбку с лица, широким жестом указал посетителям на дверь.

— Ну, и нафига ж мы сюда ездили, время тратили? — спросил Алексей, когда они снова оказались с Марго в его машине.

— Появилось много вновь открывшихся обстоятельств, — важно сказала Рита, — и вы, капитан, не можете это не понимать.

— Нахваталась юридической терминологии и уже считает себя сыщицей, — проворчал Пищик. Рита обиженно замолчала. Когда они подъехали к «Калужской», капитан с облегчением высадил строптивную пассажирку и отправился к себе, на Петровку.

«Комсомольское собрание» в церкви

Субботним вечером Рита спохватилась: «Ой, завтра же служба в бирюлевском храме!». Значит, придется опять отменять тренировку в фитнес-клубе, о которой Марго мечтала целую неделю. В последнее время жизнь репортера Мышкиной здорово изменилась. Марго очень любила писать криминальные репортажи и не представляла, что какое-то иное дело может отвлечь ее от работы. Однако теперь она тратила все время на работу агента под прикрытием. Хотелось верить, что это не напрасно и что именно среди приверженцев отца Фотия скрывается тот, кого они с Пищиком упорно разыскивают. Впрочем, и сам священник, и его паства, как ни странно, с каждым днем казались Марго все более симпатичными. Люди как люди, со своими недостатками и слабостями. Готовы с риском отстаивать свои убеждения, в отличие от их светских сограждан, да и милосердия им не занимать.

Размышляя таким образом, Марго приготовила «форменную одежду» для храма — длинную юбку, закрытую блузку с длинными рукавами и белый платочек на голову, положила в рюкзак большую пачку печенья и упаковку чая для общей трапезы

— Ходить потом целый день в этом прикиде? Не дождутся! — проворчала она и сунула в рюкзак белую футболку с принтом «Жизнь это квест!», а также короткую джинсовую юбку — для дальнейшей прогулки по городу.

Все шло как обычно. Вначале — служба в храме, затем пламенная проповедь отца Фотия против вакцинации, ну а потом — чаепитие для избранных духовных чад в трапезной. В этот раз мероприятие проходило живо и чем-то напоминало комсомольское собрание — одно из тех, о которых Рите рассказывала мама. Маму Маргариты когда-то пытались исключить в школе из комсомола — за «неподобающий внешний вид» и дерзкие речи. За нее неожиданно вступился учитель истории Лев Львович, которого дети прозвали Тигр Тигрыч. Историк напомнил комсомольцам о «чистках» двадцатых и страшных репрессиях тридцатых и призвал борзых однокашников бунтарки опомниться. Дескать, укоротила комсомолка школьную форму, чуток перестаралась. И что теперь? Изгнать из коллектива? Сжечь, как ведьму? А потом написать в стенгазете, что комсомолка, названная в честь Маркса и Ленина Марленой, сгорела на костре средневековой инквизиции? Укороченная тряпка — она всего лишь тряпка. Главное, комсомолка мозги не укоротила и, между прочим, учится по-прежнему хорошо, в отличие от тех, кто ее судит...

Рита мысленно вернулась из семидесятых, о которых не раз слышала от мамы, в сегодняшнюю трапезную. Собрание активистов-прихожан открыл отец Фотий:

— Братья и сестры, хочу с вами посоветоваться. Я вчера получил приглашение на международную пресс-конференцию в Италию: «Пандемия как шестой технологический уклад». Как видите, христиане Европы, как и мы, не хотят чипироваться непонятными вакцинами. Их волнует то же, что и нас: в современном мире все оцифровывается, личность человека умалывается, дети растут неучами, нахватавшимися скороспелых знаний. Неизвестно, что с их куцыми мозгами, впрочем, и с мозгами их родителей, сделает вакцина. Короче говоря, прочитал я название пресс-конференции и обрадовался. Оказывается, у нас есть единомышленники в Европе! Так как мне поступить, дети мои? Ехать или не ехать? Что скажете? — спросил священник и обвел паству строгим взглядом.

— Конечно, поезжайте, отец Фотий! — зашумели участники чаепития. — Кто, как не

вы, даст отпор Большой Фарме! Надо, чтобы христиане Европы узнали: не все в России-матушке готовы, как бараны, чипироваться! Есть и у нас смелые и независимые люди!

— Спасибо за доверие, — сказал отец Фотий. В его глазах стояли слезы. — Растрогали вы меня, дети мои! Попытаюсь забытый английский к отъезду подтянуть, ведь на нем конференции обычно проводятся. Есть лишь одна закавыка: средств на поездку в Европу у меня нет. Матушка не работает, пятеро деток у нас, даже внук уже есть. Посему загранпаспорт давно лежит без толку. Вот если бы паства скинулась на билет и проживание... Тогда другое дело!

— Тоже мне проблема! Конечно, скинемся! — пробасил Емельян. — Прямо сейчас шапку по кругу пустим. А ежели у кого наличных нет, пускай на телефон деньги перечисляет. Ваш номерок у меня имеется. Вы записывайте, батюшка, кто вам деньги перевел. Ну а мы хорошо подумаем, оставлять ли тех, кто отказался, среди нас или пускай катятся с Богом куда подальше, например, к ваксерам шестого уровня!

— Спасибо за поддержку, Емельян! — повеселел отец Фотий и продолжил вести собрание: — Какие, милые, еще новости?

— Московское начальство совсем одурело! — вскочил с места уже знакомый Рите прыщавый подросток. — Я вчера прочитал в интернете, что скоро в московское метро будут пускать по изображению лица. Это что же, дорогие френды, получается? Я специально капюшоном морду везде, где есть камеры, прикрываю, а они ее сумеют не только открыть, но и в электронный каталог занесут! Кстати, видеокamеры в Москве уже повсюду. Прикиньте, за нами круглые сутки следят! Жуть, а не жизнь! Мой отец уже в магазинах айфоном, а не картой расплачивается. Ну, старый, уже, сорок лет ему, не разбирается в новых технологиях! Я ему: «Что ты делаешь, папа, тебя же по телефону вычислить могут!». — А он: «Мы давно, Митяй, под колпаком. Кому надо, те и так все про нас знают».

— Горько это слышать, сын мой, — отец Фотий тяжело вздохнул. — Сопровивляйся! Главное, не давай себя чипировать!

— Легко сказать: «не давай!» — заныл подросток. — А если в школу на занятия не пустят?

— Ну, ты же владеешь интернетом? Вот и занимайся на дистанте, как раньше, или переходи на домашнее обучение, на экстернат, в конце концов, — неожиданно продемонстрировал отец Фотий знание современных реалий.

— Какой он все-таки волшебный, наш батюшка! Все знает, обо всем слышал, все читал, — прошептала Клавдия. Толстушка опять заняла место рядом с Ритой и выложила на тарелку румяные домашние булочки. щедро посыпанные корицей. — Я вот не очень во всех этих электронных делах разбираюсь. Моим телефоном сын заведует. А наш батюшка — такой продвинутый, такой современный! У него даже аккаунт в социальных сетях есть, представляешь?

— Его Господь вразумляет, — наставительно сказала Валентина. — А отец Фотий нас, неразумных чад своих, окормляет.! Сейчас еще нас чем-нибудь удивит, вот увидите!

Отец Фотий, словно услышав ее слова, оглядел паству и спросил присутствовавших строго:

— Пошто, дети мои, молчите о великом деле, что мы задумали? Отчитайтесь о подготовке митинга. Емельян, говори слово!

— Да нечего пока сказать, — тихо пробурчал Емельян.

«Ага, зассал! — злорадно подумала Рита. — это ему не на меня в «МакДаке» наезжать!»

С батюшкой он смиренный, аки агнец.

— Что же ты, сын мой, от ответа увиливаешь? — повысил голос отец Фотий. — Я же тебе послушание дал. И где результат? Где баннеры, плакаты, схема расстановки людей на митинге? Где они, я тебя спрашиваю?

— Так еще же много времени впереди! — попробовал отпереться Емельян.

Батюшка поднялся с места и грозно зарокотал:

— Чтобы к следующему воскресенью все было готово! Вот новенькая напротив тебя сидит. Мария, кажется, тебя зовут?

— Да, Мария! — прошептала Рита, внезапно оробев.

— Вот пусть она тебе поможет. Мария пером владеет, она справится. Что скажешь, матушка?

— Попробую, — прошептала Рита. Операция «внедрение под прикрытием» с каждой минутой нравилась ей все меньше. Выходить на митинг против вакцинации не входило в ее планы.

— Ты это, Маша, свой номерок-то мне оставь! — потребовал Емельян, когда прихожане гуськом выходили из трапезной. — Слыхала, отец Фотий просил!

Емельян попытался пожать Рите руку, но она быстро выдернула пальцы из его потной ладони. секунду подумала... и продиктовала заветные семь цифр. А что она могла поделать? Не дашь номер мобильного — вызовешь подозрения. Ей же, агенту под прикрытием, приказано вызывать к себе у прихожан полное доверие. Даже у таких малоприятных типов.

Рита, перезвонив Емельяну, проверила связь и даже заставила себя улыбнуться, хотя в душе свербило предчувствие, что ничего хорошего из этого знакомства не получится.

Битва вакцин

Вернувшись домой, Рита выгуляла Ваксона и, к неудовольствию пса, засела за компьютер. Материалов о вакцинах в последнее время накопилось столько, что на их изучение ушла бы не одна неделя. Приходилось выбирать самое важное, но это было непросто. Вирусологи выступали в СМИ с самыми разными, нередко противоположными заявлениями. У публики появились свои любимчики, которых вскоре стали узнавать в лицо, словно кинозвезд. Самым колоритным был профессор Южин, мрачноватый и от этого еще более артистичный. Седая грива длинных волос делала его похожим на постаревшую поп-звезду. Он вполне мог бы сыграть Короля Лира в постановке модного режиссера Богоборцева. Рита подумала, что студентки и аспирантки биофака МГУ, вероятно, сходят по Южину с ума. Он убедительно разоблачал на шумевшие в последнее время в популярной прессе глупости: дескать, вакцина против ковида проникает в геном и делает невозможным появление на свет здорового потомства. Или еще один «перл» антиваксеров: вакцина снижает иммунитет до нуля, и если человек заболевает — то уж без всякой надежды поправиться. Другие вирусологи тоже зажигали не по-детски. В научных изданиях появились статьи о том, что беременных необходимо вакцинировать, причем уже на ранних сроках. Это заставило антиваксеров объявить авторам этой идеи настоящую войну на многочисленных интернет-платформах. Телевидение тоже не осталось в стороне. В стиле старой доброй классики на федеральных каналах выступал пожилой степенный Ройбург, один из создателей «Спутника», чуть реже — директора разнообразных академических институтов. Маститые вирусологи, прежде известные лишь в узких академических кругах, внезапно почувствовали себя телезвездами и научились держаться перед камерами не хуже популярных телеведущих и сериальных звездочек.

Информация о новых вакцинах поступала не только из отечественных источников. Сразу несколько наших светил науки вещали по ютубу из Штатов. У каждого были в Америке свои лаборатории и кафедры. Веселый Майкл Крутогоров, бодрая и всегда взлохмаченная Ланчи Куранова, профессор Алексей Чурбаков, сын знаменитого Чурбакова, основателя института, с советского времени изготавливающего вакцины против страшных инфекций. Все они поддерживали вакцинацию и называли ее противников невеждами и популистами.

Рита постаралась не увязнуть в дискуссиях и терминах и сосредоточиться на одном вопросе: в чем разница между новыми вакцинами и какая из них наиболее эффективна. К «Спутнику», вроде, ни у кого вопросов не было, а вот про «СуперВак корону» в ученом сообществе ходили самые разные слухи, главным образом, негативные. Майкл Крутогоров в интервью известному журналисту заявил, что «Спутник» — векторная аденовирусная вакцина, близкая по составу к «Модерне», а «СуперВак» — пептидная, и действенность пептидов на ковид-19 пока не доказано никем и нигде в мире. Разумеется, самыми нетерпимыми к «СуперВаку» были журналисты. Одна оппозиционная ютуб блогерша, вещавшая из Германии, назвала «СуперВак корону» «фуфломицином» и пригвоздила к позорному столбу одну из его создательниц — влиятельную чиновницу Ламанову. Блогерша выступала смело, срывала со всех коррупционеров маски, поскольку чувствовала себя «за бугром» в полной безопасности.

«Похоже, Войцеховская неспроста топила за «Спутник», — подумала Рита. — Ирина

Львовна активно выступала против «СуперВака», ведь плацебо для врачей и медсестер в Красной зоне смерти подобно. Неудивительно, что они схлестнулись с Куценко в непримиримом споре. На главврача, видимо, давили сверху. Ясное дело, он лоббировал «СуперВак»... Нет, все же сомнительно, чтобы борьба идей и финансов стала причиной смерти Ирины Львовны. Хорошо бы выяснить, какие соображения на счет битвы вакцин у пострадавшей стороны — Анжелы Карпенко?»

Рита взяла мобильную трубку, и Ватсон тихонько заворчал. Пес давно понял, что разговор хозяйки по телефону не сулит ничего хорошего. Ведь как обычно бывает? Поговорив с этой трубкой минут тридцать, она обещает ему прогулку (всегда после возвращения!), а сама носится по квартире, стремительно одеваясь и собираясь на выезд, потом срывается с места и запирает дверь. Это означает, что хозяйка исчезла на несколько часов. Сиди и жди теперь обещанной прогулки до ночи!

— Капитан Пищик слушает! — отозвался усталый голос на том конце провода.

— Ой, Алексей, я тут такое откопала! — закричала Рита в смартфон, и пес радостно залаял, услышав знакомое слово «откопала».

— Я вообще-то с понедельника в отпуске...

Пищик явно не обрадовался ее звонку.

— Простите, что побеспокоила. Дело-то пустяковое! Давайте махнем с вами опять к Анжеле. Очень надо задать ей пару вопросиков.

— Хорошо, а я-то тут при чем? Езжайте и задавайте.

— Ой, да она со мной и разговаривать не станет. Вы-то хорошо с ней знакомы, бывали у нее в доме. Короче говоря, вам она не откажет.

— Всегда думал, что для крутого репортера втереться в доверие к любому человеку не проблема, — съехидничал Леха. — Как говорит молодняк, «знаю я ваши подкаты с подставами».

— Для наведения мостов нужно время, а у нас с вами его почти нет. Ну пожалуйста, позвоните Анжеле! — заканючила Рита. — Это очень важно.

— Ладно, попробую договориться. — сдался Леха, — только и вы, Маргарита, постарайтесь, пожалуйста, обойтись без этих ваших... экспромтов и «сверхценных идей»!

— Вся наша жизнь — сплошной экспромт, капитан Пищик! — сказала Рита. — Тренер по фитнесу постоянно твердит, что «надо выходить из зоны комфорта».

— Вот пусть он и выходит! Я всей душой сейчас стремлюсь как раз «в зону комфорта»! То есть — в отпуск.

Рита звонко хихикнула, и Лехе показалось, что до его пыльного кабинета вопреки законам физики долетел аромат свежести и яблочного мыла.

У «гражданской вдовы»

— Ни фиги себе домишко! — присвистнула Рита, когда они подъехали к внушительному коттеджу Калюжного, построенному в стиле французского замка. — Умеют же некоторые устраиваться!

— А кто вам мешает? — ворчливо отозвался Пищик. — Найдите себе богатого папика и наслаждайтесь жизнью на всю катушку. Примеров тому сейчас тьма — и в театре, и на эстраде, и в большом бизнесе.

— Еще чего! — возмутилась репортер Мышкина. — Только золотой клетки мне не хватало! Любой человек, сумевший выстроить большой бизнес, он ведь и жену воспринимает как часть своих активов. Жена олигарха должна быть всегда молодой, красивой и, главное, навеки благодарной своему благодетелю, который ее «с улицы взял».

— Но ведь сотни тысяч девчонок в нашей стране мечтают как раз о такой жизни: не работать, путешествовать по миру бизнес-классом, жить в дорогих отелях и покупать брендовые тряпки! — продолжал Алексей. — Сколько подобных охотниц наводнило Инстаграм! Фотографируются каждый день в новых нарядах и позах, а все для чего? Все как одна надеются рано или поздно заарканить какого-нибудь, пусть даже завалящего миллионера.

— Извините, но я предпочитаю реальную жизнь виртуальному хвостовству! — разозлилась Рита. — Мне эти их «ужимки и прыжки» совершенно неинтересны. Между прочим, криминальной журналистикой я занялась именно потому, что там все настоящее. Никого не обманешь красивыми картинками, когда пишешь про реальное преступление и, тем более, про убийство.

— Могли бы выбрать более подходящую для девушки тему: кино или театр, например, — проворчал Леха. Он сказал это специально, чтобы раззадорить Марго, и попал в точку.

— Ой, вот и моя мама то же самое говорит, вы как будто ее подслушали! Ну уж нет! Писать про самовыражение режиссера Богоборцева? Про то, как он эпатирует публику голыми телами? Переписывает классиков на свой манер? Перемещает всех героев из девятнадцатого века в круг московской элиты? Далась ему эта элита, черт побери! Видимо, только она и может сегодня осилить безумные цены на театральные билеты. «Элита» раздувает ажиотаж, создает аншлаги, чтобы посмотреть, как надменный «творец» ее же и топчет... В общем, элита у Богоборцева выступает в роли жертвы. Спасибо! Ни писать о чем-то подобном, ни смотреть на эти пошлые выкрутасы не хочется.

— Уговорили, не пишите. Кстати сказать, мы приехали!

Капитан Пищик набрал номер хозяйки усадьбы, наконец ворота медленно отворились, и Лехина машина въехала на обширную территорию, еще недавно принадлежавшую олигарху Калюжному.

Над садом вдовы номер два неплохо поработал ландшафтный архитектор. Деревья и кусты были посажены живописными группками, цветники радовали глаз, с альпийской горки стекал ручеек, а над прудиком вращался, орошая брызгами ярко-зеленую подстриженную травку, небольшой симпатичный фонтан.

Хозяйка поджидала Пищика, как и в прошлый раз, в просторном холле, залитом солнечным светом. Анжела поднялась с дивана навстречу вошедшим и с недоумением

взглянула на Риту. «Это что еще за птица?» — вопрошал ее напряженный взгляд.

— Криминальный репортер Маргарита Мышкина, — представил спутницу Леха. — Проводит журналистское расследование о причинах смерти вашего покойного супруга.

— Надеюсь, я с ней познакомлюсь до публикации? — спросила Анжела. — Не с Маргаритой, разумеется, а с ее статьей.

Хозяйка дома ослепительно улыбнулась, и Леха, оцепенев, как удав, под ее взглядом, поспешно кивнул.

Рита в свою очередь взглянула на Анжелу с удивлением:

— Я же не с вами интервью готовлю, а собираю материал для моей статьи. Между прочим, как автор я отвечаю за каждое написанное слово и не обязана ни у кого визировать мою работу. Диктофонная запись — документ, подтверждающий правдивость ваших слов.

— Если в вашей, так называемой, «колонке» окажется хоть капля неправды, мои адвокаты вчинят вам огромные иски, — сообщила хозяйка спокойно, даже весело.

— Если вы не расскажете мне всю правду, я вообще не стану браться за эту работу, — в тон ей ответила Рита. — К сожалению, в истории с вашим мужем слишком много темных пятен.

— По-моему, все предельно ясно! — возмутилась Анжела. — моего мужа его врача убили антипрививочники, так называемые антиваксеры.

— Это лишь слова, — встрял Пищик, — до сих пор я не услышал от вас ни одного серьезного доказательства.

— Доказательства ищите сами, я не следователь. Мое дело — обратить ваше внимание на странные совпадения. В ночь, когда умер мой муж, его доктору Надежде Петровне Крымовой неожиданно перенесли дежурство.

— Кто дежурил в ту ночь вместо нее, вы помните? — подал голос Леха.

— Конечно! Интерн Муромцева Галина Михайловна. Я знаю, что Крымова была кем-то вроде ее куратора, хорошо относилась к девушке и иногда просила заведующую отделением поставить Галину на дежурство в ее смену. Возможно, в тот роковой час Надежда Петровна или Галя отошли в туалет или отлучились выпить крепкого чаю, чтобы на дежурстве не уснуть. В конце концов — все мы люди. Как раз в это время, я уверена, кто-то прокрался в палату и сделал моему мужу смертельный укол.

— Допустим, вы правы, — продолжал Алексей. — Ну, а саму Надежду Петровну Крымову кто, по-вашему, угробил?

— Имя преступника, к сожалению, мне неизвестно, — вздохнула Анжела, — но уверена: это был кто-то из антиваксеров.

В голосе Карпенко не проскользнуло ни малейшего сомнения. После многозначительной паузы она продолжала:

— Доктор Крымова постоянно получала угрозы от этих маргиналов. Она пыталась открыть им глаза на необходимость вакцинации. В общем, билась, как воин света, за правду с псами тьмы. Пусть это звучит и тривиально, наша Надежда дарила больным надежду. Однако у мракобесов своя правда, и они пошли до конца. Доктора Крымову могли убрать и как горячего пропагандиста вакцинации, и как случайного свидетеля убийства. Ну, а когда на совести этих подонков-антиваксеров были уже две смерти, что им стоило разделаться с Ириной Львовной Войцеховской, немолодой и не слишком здоровой женщиной? Возможно, она тоже что-то узнала или услышала, что не предназначалось ее ушам. В общем, у вас, капитан, появилась удивительная возможность раскрыть групповое убийство по

предварительному сговору, а у нашей журналистки — правдиво написать об этом.

Анжела язвительно взглянула на Маргариту, затем кокетливо на капитана Пищика и улыбнулась, продемонстрировав красивые белые зубы и ямочки на щеках.

— Что вы знаете о «битве вакцин», которая в последние месяцы происходила в «Марфино»? — поинтересовалась Рита. Ей стало скучно слушать самоуверенную дамочку, и она решила сменить тему. Тем более, что гипотеза гражданской вдовы олигарха выглядела не слишком убедительно. Почему они с Пищиком должны ей безоговорочно верить? Все слова, слова...

— Главврач Куценко лоббировал «СуперВак корону» для вакцинации медперсонала, а Войцеховская повсюду отстаивала «Спутник». Не думаю, что за это ее могли убить. Антиваксеры скорее могли лишить Ирину Львовну жизни за лекции о необходимости всеобщей вакцинации и за статьи о смертельной опасности ковида.

— Знаете, вообще-то я приехал, чтобы вас предупредить, Анжела.

Капитан Пищик выдержал красноречивую паузу и продолжал:

— Ухожу с понедельника в отпуск. Между прочим, я тоже человек и по конституции имею право на отдых. Завтра напишу начальству рапорт о проделанной работе и попрошу закрыть это дело. Преступник не найден, улики не собраны, доказательств нет, только ваши домыслы. Я сожалею, но, увы, ваши подозрения не подтвердились, все трое умерли от последствий ковида. В общем, давайте расстанемся по-хорошему.

— Даже не надейтесь свинтить! — большие глаза вдовы олигарха сузились и стали похожи на щели банкомата, принимающие и выдающие купюры. — Я говорила сегодня с вашим шефом, полковником Жолобовым, и он пообещал, что вы доведете дело до конца. Если потребуется, я и до тех, кто над Жолобовым, доберусь. Уж вы поверьте, при моих связях и средствах это нетрудно. Бандиты убили моего мужа и близких к нему врачей. Теперь моя очередь. Я четвертая в этом списке, вы хоть это понимаете? Секта антиваксеров прислала мне черную метку. Интуиция меня никогда не обманывала. Если одного заявления нашей доблестной полиции мало, вот второе.

Анжела протянула капитану Пищику мелко исписанный листок, который тот рассеянно сунул в папку, и продолжала с раздражением:

— Я вижу, что следствие топчется на месте. Тем временем мне постоянно поступают угрозы от антиваксеров. На днях мой портал «Вакцинация? Да!» подвергся атакам неизвестных хакеров. Минувшей ночью кто-то пытался перелезть через забор на мой участок. Хорошо, что охранник вовремя заметил и спугнул мерзавца. Короче, работайте, капитан!

— До свидания! Услышимся! — зло оборвал Леха Анжелу и, дернув Риту за руку, потащил ее к машине. Рита оглянулась и увидела, что хозяйка дома внимательно смотрит им вслед из-за тюлевой занавески.

На Бога надейся, а сам не плошай

На следующий день Рита проспала и едва успела в храм к концу литургии. Она решила съездить в Бирюлево не в воскресенье, а в будний день — послушать, что проповедует отец Фотий обычным прихожанам, а не только своей доверенной пастве.

В этот раз батюшка был не столь категоричен.

— Подумайте о своей душе и не спешите чипироваться, — наставлял он горстку старушек, внимавших ему с особым почтением. — Все в руках Господа, рано или поздно мы все умрем для жизни вечной.

Среди старушек выделялись крупные мужчина и женщина лет сорока.

«Ба, вот и старые знакомые!».

Рита узнала в паре Гешу и Глашу и немножко струхнула, опасаясь встречи с ними глаза в глаза. К счастью, парочка истово молилась и не заметила ее появления.

Проповедь настоятеля закончилась, прихожане стали расходиться. Внезапно тишину прорезал высокий, слегка надтреснутый голос. Владелец его не был виден из-за частокола седых и лысеющих мужских голов, а также женских макушек в платках и шарфиках.

— Могу я задать вопрос, отец Фотий? — спросил голос.

Головы под платками и шарфиками зашелестели злым шепотом, задвигались, пытаясь увидеть, кто дерзнул испортить впечатление от проповеди. Что за наглец посмел заговорить сразу после священника и этим как бы уравнивал себя с духовным отцом? Театральная публика так же шикает на слишком активных зрителей, которые лезут к знаменитым артистам со своими сэлфи сразу после окончания спектакля, смазывая впечатление от их игры.

Геша и Глаша переглянулись и, видимо, решив разобраться с нахалом, стали продвигаться, энергично работая локтями, по направлению к обладателю подозрительно интеллигентного тенорка.

Голос принадлежал немолодому сухопарому мужчине с выбритыми седыми висками и пегим хвостиком на затылке. Возмутитель спокойствия опирался на шегольскую тросточку и, несмотря на солидный возраст, вид имел элегантно богемный. На прихожанине были модные, в меру зауженные и слегка укороченные светлые брюки, черная футболка с белыми японскими иероглифами и открытые сандалии, из которых выглядывали длинные и тощие, как у древнегреческих скульптур, пальцы с аккуратно подстриженными ногтями. Благородно потертая кожаная сумка на плече довершала солидный облик.

— Отец Фотий, я вчера слушал в ютубе лекцию одного ученого-вирусолога, — начал прихожанин издалека, — так вот, он очень убедительно призывал всех своих подписчиков срочно вакцинироваться.

Мужчина поправил сумку и довольно дерзко уставился на священника. Толпа старушек недовольно зароптала, а Геша и Глаша со значением переглянулись.

— Напомните, батюшка, кто вы по профессии? — доброжелательно поинтересовался отец Фотий. — Я не в первый раз вижу вас в храме, но, признаться, запомнил, чем вы занимаетесь.

— Кинокритик Александр Македонский, — с достоинством представился прихожанин.

Геша громко загоготал, а Глаша тоненько хихикнула и ткнула мужа в бок кулаком.

— Все ясно! — сказал отец Фотий с победными интонациями в голосе. Глаша еще раз чувствительно пихнула Гешу. Дескать, «щаз позырим, цирк только начинается».

— Вы, дорогой мой, постоянно смотрите в компьютере на всякие непотребства, вот и результат налицо, — насмешливо продолжал священник. — Дьявол вами руководит, сын мой! Подталкивает проклятый своими мохнатыми руками, ногами и даже копытами к чипированию. Дьяволу выгодно, чтобы не Господь вас наставлял, а сам Рогатый через эти чипы и вышки 5 G вами командовал. Дьявол действует руками тех, кто в погоне за популярностью опускает главные вопросы нашего времени — сохранения человеческой души, милосердия и любви.

— Но ведь вирусолог Южин всю жизнь микробиологией занимается. Ему виднее, — попытался возразить критик Македонский.

— Ой, не могу, вирусолог-чиполог! — выкрикнул Геша. — Еще смеет батюшке возражать! Навалять бы ему!..

— Профессор белых мышей! — поддакнула Глаша. — Да вам всем лишь бы бабки за вакцину срубить, а потом подчинить себе всех православных людей и подавать им команды со своих проклятых вышек.

Старушки цыкнули на них и подвинулись ближе к спорившим. Они почуяли, что начинается самое интересное.

— Мытари и фарисеи тоже были неглупыми, однако истина была не с ними, а с Христом, и христианство существует уже две тысячи лет, несмотря на некоторых недостойных пастырей, — сказал отец Фотий, улыбаясь задиристу оппоненту так же снисходительно, как терпеливый отец улыбается неразумному дитятку.

— Господь вразумил ученого Южина заняться наукой, он давно уже изобретает и изучает вакцины ради спасения человечества, — не сдавался ершистый спорщик. — Кстати сказать, я привык доверять профессионалам. А то бывает, как у нас в кино: понаберут на проект бог знает кого и снимают потом бог знает что, смотреть тошно, — неожиданно закончил мужчина короткий спич.

Глаша не выдержала и звонко захохотала:

— Ой, держите меня пятеро! Критик-нытик! Ха-ха-ха!

— То, что ты критик — это хорошо, — подал голос отец Фотий. — Значит, критически ко всему относишься, не ведешься на яркую рекламу. Господь дает людям свободу действий, только отвечать потом за свои поступки нам самим придется. Вот и живи, сын мой, своим умом, анализируй все, что тебе грешники, соблазненные дьяволом, подбрасывают. Между прочим, братья и сестры, я и сам, пока сан не принял, математиком был, — пошел с козырей отец Фотий. Паства восторженно зашептала, а священник продолжал, — я когда-то изучал математическую статистику и ее же преподавал. Признаться, до сих пор люблю рассматривать графики. Например, сколько человек и в каких странах за год заболело ковидом, сколько из них умерло, сколько за это же время болело ОРВИ, и так далее... Любопытно сравнивать все эти таблицы, графики, цифры и делать правильные выводы.

— И какой же вывод, отец Фотий, сделали вы из этих графиков? — вежливо поинтересовался критик.

— Вот наглец! — рывкнул Геша. — С отцом Фотием как разговаривает! Я бы всех этих критиков-фигитиков...

Глаша с одобрением посмотрела на Гошу и даже не пихнула его на сей раз в бок, а нежно потрепала по жирному загривку.

Священник тем временем поймал кураж и приготовился дать серьезный отпор выскочке. Он обвел паству гневным взором, заставившим всех замолчать, и отчеканил в

полной тишине профессионально поставленным учительским голосом:

— Теория вероятности и математическая статистика не позволяют сделать однозначные выводы о течении коронавирусной инфекции в силу неправильного применения этих законов.

Вид у отца Фотия сделался победный. Дескать, парируйте, если сможете. Священник сверкнул глазами в сторону восторженно внимавшей паствы и триумфально завершил проповедь:

— Молитесь, аморфные создания, о спасении грешной души! Господь милостив! Спаситель прощает неразумных чад своих, если они вовремя покаются.

Презрительные взгляды прихожан устремились на «шибко умного» выскочку. Многие, зарядившись гневом отца Фотия, отшатнулись от критика Македонского, образовав вокруг него в плотной толпе пустое пространство. Рита подумала, что в средние века подобными изгоями становились ученые, бросавшие вызов представлениям того времени. К счастью, в наше время инакомыслящих хотя бы не сжигают на кострах.

— Смирения в тебе нету, батюшка, вот гордыня-то и одолела. — подскочила к Македонскому бойкая старушка в черной кофточке с люрексом. — Молиться надо, а не в компьютер целыми днями пялиться. Шел бы вон лучше к Пантелеймону-целителю приложился.

— Вы что, про социальную дистанцию и санитайзеры вообще здесь не слышали? — удивился критик. — Икону-то вашу все подряд целуют, вот вирусами и обмениваются. Представляю, сколько на этом святом лике сейчас инфекции! Догадываюсь, что и причащаетесь вы здесь по воскресеньям из одной ложки!

— Господь милостив, — недовольно проворчала старушка. — Не попустит несправедливости, чтобы православные люди заболели.

Женщина перекрестилась, отвернувшись от критика, и ловко ввинтилась в очередь жаждущих приложиться к образу Пантелеймона-целителя.

— Давай вали отсель! Не место тебе в храме, коли заразы боишься! — прошипел Македонскому Геша и начал подталкивать критика к двери своим массивным животом.

Македонский в ответ размашисто перекрестился на алтарь и с достоинством, без излишней суеты, покинул храм. Рита подумала, что в киношном сообществе споры вокруг новых фильмов и сериалов ведутся похлеще, чем нынешняя дискуссия критика с батюшкой. Кинотворцы нередко готовы убить друг друга из элементарной зависти, так что критику к жарким спорам не привыкать. Неудивительно, что Македонский в этом диспуте «Луначарского с Введенским» (член революционного правительства и церковный идеолог вели бурную дискуссию о существовании Бога в двадцатых годах прошлого века) чувствовал себя, как рыба в воде, и даже в конце диалога приосанился и взбодрился. Еще недавно бледные щеки его запылали от гнева, а невыразительные прежде глаза приобрели живой блеск.

Рите не терпелось задать отцу Фотию, тоже распаленному дискуссией, заготовленный вопрос, однако публичное «побиение» еретика и практически изгнание его из храма вразумило репортера Мышкину. Чтобы не разворошить старушечий «муравейник», Рита отозвала после проповеди отца Фотия в сторонку и тихонько попросила пастыря уделить ей минутку внимания.

— Спрашивай, дочь моя, — милостиво разрешил священнослужитель. окрыленный успехом у прихожан.

— Скажите, отец Фотий, а вы хотя бы раз смотрели ютуб канал «Вакцинация? Да!», — спросила Рита. — Его вдова одного олигарха создала и содержит на свои деньги.

— Боже упаси! — перекрестился отец Фотий. — Никогда не смотрел подобную чушь и тебе, Мария, не советую. Дьявол давно в интернет проник и соблазняет малых сих компьютерными играми, блудом, наркотиками, а теперь еще и чипированием. Ты мне лучше о другом поведай: вы с Емельяном к митингу готовитесь? Или же лень, мать всех пороков, и вас одолела?

— Ой, совсем про митинг забыла! — спохватилась Рита. — Завтра же скину Емельяну парочку кричалок. Пускай спокойно рисует плакаты для одиночных пикетов и общий баннер. Не беспокойтесь, отец Фотий, к назначенной дате управимся.

Марго помялась, но все же решилась спросить:

— Отец Фотий, а вы в курсе, что в последнее время происходит на митингах? В Москве, к примеру?

— Не хожу я по митингам, Мария. Если бы не повальное чипирование православных, о котором не могу молчать, никогда о подобном сборище и не помыслил бы. Дел полно. В храме служба каждый день. Церковное начальство иногда на беседы вызывает, из семьи выдергивает. Да и дома забот хватает: детишек-то пятеро. Старшие уже студенты и аспиранты, а вот с младшими, оболтусами-старшеклассниками, математикой занимаюсь. Приходится с матушкой в «Пятерочку» за продуктами ездить, ремонтом нашего старенького дома руководить... Да мало ли дел по хозяйству в большой семье!

— Наверное, прихожан в храме полно? В том числе зажиточных... — осторожно поинтересовалась Рита.

— Если бы! Бирюлево район большой, но народ ленивый, заходит в храм по большей части на Пасху да на Рождество. Да и вообще... Здесь, на окраине столицы, живут люди небогатые, на храм жертвуют мало. Чтобы своих детишек накормить, одеть и обуть, дочь моя, раз в неделю я снимаю ряску и сажусь за компьютер.

— Ютуб смотрите, отец Фотий? — Рита взглянула на батюшку с интересом. В агенте Мышкиной внезапно проснулся репортер Вездесущая Мышь.

— Я же сказал тебе, Мария: на глупости времени не имею. Самозанятый я. Репетитор Иванов Иван Моисеевич. Троечников по математике подтягиваю. Из-за пандемии этой проклятой приходится с детьми он-лайн заниматься. Признаться, толку от этого дистанта мало. Боюсь, не все мои охломоны смогут даже базовый ЕГЭ по математике сдать.

Рита не удержалась и спросила:

— Как же вы, батюшка, человек науки, решились стать священником?

— Господь вразумил, — просто сказал отец Фотий. Он взглянул на Риту голубыми пронизательными глазками, вокруг которых появились мелкие морщинки, и спросил:

— Ты, Мария, как я погляжу, все логику в православной вере ищешь? Брось, пустое это дело! Вера — она как любовь. Или она есть, или ее нет. Верующему не нужны доказательства существования Бога. Сама жизнь ежедневно убеждает нас: «Да вот он Господь, тут, рядом!».

Выходя из храма, Рита увидела объявление:

«15 июня с Божьей помощью — все на митинг! Не допустим чипирования православных людей! Сбор в метро на станции «Тверская». Ответственный за проведение митинга — настоятель храма отец Фотий».

Идеи на тему «Долой чипирование!» второй час не шли Рите в голову. Ну вот не шли, и все тут! Такое с Марго случалось редко. Обычно она жонглировала слоганами и четверостишиями, как лихая циркачка, но, видимо, это был не ее день. Ни одной захудалой мыслишки не прилетало, хоть ты тресни! Вездесущая Мышь всерьез разозлилась на себя и решила наконец заняться той работой, за которую платят. Рита подготовила криминальную колонку, потом отредактировала очередное интервью с Южиным про вакцинацию, затем погуляла с Ватсоном... Все это время Марго пыталась придумать для митинговых баннеров и плакатов что-то яркое и броское. Не тут-то было! Мозг отказывался сочинять глупости про рогатые и хвостатые чипы, похожие на маленьких чертиков, да и все ее существо протестовало против оболванивания недалеких людей. Родители с детства учили ее относиться к науке с уважением, не удивительно, что отрицать вакцинацию в угоду работы под прикрытием было непросто. Однако взятая на себя роль тайного агента капитана Пищика обязывает. Нельзя просто так махнуть рукой и уйти со сцены...

Как ни странно, готовность новых знакомых отстаивать свои убеждения нравилась Марго все больше. Она подумала, что уже успела привязаться и к симпатичному отцу Фотию, и к его активистам. Значит, надо взять себя в руки и выполнять поручение, то есть, послушание, полученное от бабушки.

В общем, Рита не первый час мучилась перед экраном компьютера и все больше злилась на себя за бездарность.

Муки творчества прервал мобильник. Марго поколебалась, отвечать ли на звонок с незнакомого номера, но через пару секунд нажала зеленую кнопку.

— Машуля! — забасил из трубки незнакомый голос. — Ты чо там делаешь?

— Полегче! Какая я вам Машуля! — возмутилась Рита, и уже хотела отключиться, однако густой бас, показавшийся знакомым, примирительно проворчал:

— Ладно-ладно, не серчай, Машенька. Не узнала?

— Признаться, нет, — Рита на всякий случай напустила побольше строгости и мысленно старалась угадать, почему знакомый голос называет ее Машей.

— Это же я, Емельян!

— Привет-привет! — отозвалась Рита без энтузиазма и наконец вспомнила, что в храме представилась Марией.

— Отец Фотий звонил, просил тебя поторопиться. Сказал, что должен утвердить наши баннеры перед митингом.

— Оказывается, даже в храме теперь цензура? — съязвила Рита.

— Ты чо, совсем дурочка! — возмутился Емельян. — Отец Фотий заявку на проведение митинга в мэрию подал, значит, лично за все отвечает. Он не хочет нас подставлять, потому все и проверяет сам.

— Кстати, отец Фотий уже получил разрешение на митинг? — осторожно поинтересовалась Рита.

— Пока еще нет. Уверен, что получит. Да тебе-то какая разница?

— Большая. Ты что, не в курсе? В последнее время на неразрешенных митингах менты всех подряд хватают, дубинками лупцуют и в автозаки тащат. Отцу Фотию это надо? Мне, кстати, тоже нет.

— Слушай, не говори чушь. Отец Фотий умеет разговаривать с чиновниками. Они хоть и подворовывают, но о душе заботятся. Да и Господь неправедных гонений на православных не допустит. Короче, давно пора баннер и плакаты готовить. В общем, Маш, надо встретиться.

— Это еще зачем? — опешила Рита. — В наше время все можно уладить он-лайн. Сочиню тексты для баннеров и сразу же тебе вышлю. А ты давай действуй самостоятельно, придумывай оформление

— Нет, матушка, так не пойдет! — хохотнул Емельян. — Отец Фотий велел нам с тобой работать вместе. Если угодно, дал нам такое послушание. Приезжай вечерком ко мне домой, там все и обсудим. В тихой и спокойной обстановке.

— Ну уж нет! — возмутилась Рита. — не имею ни времени, ни желания по квартирам малознакомых мужиков разъезжать. Давай-ка, друг, встретимся где-нибудь на нейтральной территории, например, в парке «Музеон». Так сказать, ближе к музам и к живописи.

— Очень уж ты капризная, матушка! — Емельян аж запыхтел от гнева и даже пару раз хрюкнул в трубку, как Ватсон возле пустой миски. — На кривой козе не подъедешь!

— Не хочешь — как хочешь, на другой вариант я не согласна, — холодно отрезала Рита.

— Ну, ладно, бог с тобой! Назавтра, вроде бы, дождь не обещали. Назначай время.

Рита не сразу узнала в брутальном молодом человеке, поджидавшем ее на скамейке, прихожанина бирюлевского храма. Черная футболка с двуглавым орлом, маскировочные брюки, высокие черные ботинки-берцы на ногах...

— Ну, здравствуй, матушка! — Емельян широко раскинул руки и попытался трижды поцеловать Риту.

— Отвали, — Рита для ясности сразу же отбросила ненужные церемонии, — в пандемию ни с кем не целуюсь. Заразиться боюсь.

— Так ты из поповен, что ли? — изумился Емельян, пропустив «гнилую отмазку» мимо ушей. — Может, часом, и девственность хранишь? Чего тогда в столь непотребном виде по городу шастаешь? Кто-то ведь может и воспользоваться.

Емельян облизал пересохшие губы и перевел взгляд с Ритиных стройных ножек на длинную шею и обширную «зону декольте», как выражаются нынче в рекламе косметических средств. Рита специально надела на встречу с Емельяном самое легкомысленное платье. Она терпеть не могла, когда мужчины учат, как и во что одеваться, и всегда поступала наоборот.

— Сама разберусь, как одеваться. Мое тело — мое дело, — заявила Марго с жесткой интонацией феминистки. — Ну, давай показывай, Емеля, что ты там намалевал.

Взглянув на эскизы, Рита присвистнула. Рисунки Емельяна были откровенно слабыми. Дети в начальной школе лучше рисуют. Кривоватые чипы вылезали из шприцев в виде чертиков с рожками и с оскаленными зубами, а башни 5 G танцевали, словно пьяные, протягивая к людям ядовито-зеленые лучи

— Зачем ты врал, что художку закончил? — пристыдила Рита парня.

— Ну, не доучился пару лет, и чо с того? Надоело, — пошел Емельян в наступление. — Обрыдли, если честно, все эти этюды, пленэры, ботаны с их папочками под мышкой и прочая лабуда. При чем тут художка? Кто из наших лучше меня баннер нарисует? Ты что ли?

— Я — пас, рисование — это не мое. — призналась Рита.

— Так, может, ты и сочинять не умеешь? Прихвастнула отцу Фотию, что пером владеешь, а ложь, между прочим, большой грех. Давай посмотрим, что ты там накалякала.

Догадываюсь, что ты и с компьютером не дружишь. Небось, только голыми ляжками горазда сверкать? Удивляюсь, как отец Фотий твою сущность не разглядел!

Рита хмыкнула, заглянула в телефон и принялась читать вслух:

— Если ты чипирован — дьяволом зомбирован!

— Неплохо, — одобрил Емельян. — А еще?

— Плевать на ковиды и гриппы, долой сатанинские чипы!

— Да ты ваааще талант! — присвистнул парень. — Это все?

Рита отрицательно помотала головой и продолжала:

— Нам вакцина не нужна, ее придумал сатана!

Если веруешь в ковид, Господь тебя не защитит.

Враги человечества вышки 5 Джи. Скажи?!

— Ну, круто! — обрадовался Емельян. — Поздравляю!

Парень крепко обхватил Риту огромными лапищами и впился в ее сомкнутые губы. Рите стало трудно дышать, в нос шибанул крепкий запах мужского пота и несвежей бороды. Она изо всех сил заколотила кулаками по жирной спине наглого «коллеги».

— Отвали! — завопила она. — Хорош меня харрасить, Емеля! Мы так не договаривались, урод бородатый! Абьюзер! — выкрикнула она модное слово, которое поставило Емелю в тупик.

— Это что еще, Машуля, за иностранное ругательство? Домогатель, говоришь? Разве для «чпок-чпок» надо договариваться?! — хохотнул парень, однако послушно убрал потную ладонь с Ритиной спины.

— Вот возьму и пожалуюсь в воскресенье на тебя отцу Фотию! — пригрозила Марго.

— Ну, Машка, напугала ежа голой жопой! — развеселился парень. — Валяй, расскажи духовнику про меня на исповеди, вот он посмеется. Думаешь, батюшка нас с тобой в пару просто так поставил, чтобы мы к митингу готовились? Щазз, разбежалась! Отец Фотий ничего в простоте не делает, — в голосе Емельяна промелькнуло уважение. — Наш духовник, между прочим, математик, он все ходы наперед рассчитывает! Как шахматист. Отец Фотий говорит, что браки должны совершаться между православной молодежью, а не между верующими и атеистами.

— Насчет меня он погорячился, — сказала Рита и вдруг брякнула: — У меня, между прочим, парень есть. Он тебе мозги-то прочистит, если узнает!

— Небось хлюпик какой-нибудь? — Емельян презрительно сплюнул.

— Мастер спорта по самбо, — приврала Рита.

Емельян, услышав это, в первую секунду приуныл, помолчал, но затем предложил:

— Ладно, приводи своего борца на митинг. Он может нам пригодиться. Там стопудово без махалова не обойдется. Посмотрим, ссыкло твой хахаль или нет.

Ритины выдумки про парня-самбиста слегка охладили пыл бородатого Ромео, по крайней мере он отодвинулся подальше. Агент Мария приступила к разведке боем. Грех было не воспользоваться случаем и не разузнать, известно ли пещерному моралисту хоть что-то о последних событиях в Марфино.

— Слушай, а ты в курсе, что недавно от ковида умер олигарх Калюжный?

— Это что еще за хрыч? — насторожился Емельян. — Не твой ли престарелый папик?

— Не хами, Емеля! Калюжный — основатель фонда «Антивирус».

— А... Ну тогда пускай земля ему будет стекловатой. Нефиг смущать православный люд чипированием.

— Может, о смертях в Марфино ты что-нибудь слышал? Вскоре после Калюжного там умерли еще две докторши.

— Не в курсах! — сказал Емельян, и Рита поняла, что парень не врет.

«Он, конечно, малоприятный тип, но явно не убийца», — размышляла Марго на обратном пути. Она изо всех сил старалась выветрить из памяти развязный тон и запах пота приставучего кавалера, но получалось не слишком успешно. После встречи с Емельяном в душе остался неприятный осадок, как после плохого кофе или спитого чая.

«Что, если доктор Куценко прав, и я ищу черную кошку в черной комнате, а ее там нет? — продолжала размышлять она. — Может, и сам Калюжный, и две докторши из Марфино действительно умерли по естественным причинам, без какой-либо помощи извне? Сотни тысяч людей ушли из жизни во время пандемии, число потерь уже к миллиону приблизилось, однако никто не ищет криминальный след».

Нет, все не так просто! Марго энергично покрутила головой из стороны в сторону. Три смерти подряд в одном отделении больницы, постоянные угрозы антиваксеров Анжеле — такое даже отец Фотий с его математической статистикой вряд ли посчитал бы случайностью.

Леха и Лермонтов

Леха пил чай с молоком и медом и злился на себя: опять умудрился подхватить ангину в самую жару. Обычная история: посидел в машине под кондиционером, хлебнул пивка из холодильника — и вот результат. Одно утешало: он точно знал, что это не ковид, потому что всевозможные ароматы — от кофе до апельсинов и малинового варенья — нос различал прекрасно. Впрочем, его нос безошибочно улавливал еще один, уже еле различимый запах. Стоило Лехе сесть в машину, как он тут же узнавал легкий шлейф пребывания там той самой ЧЧ — Чумовой Чувырлы. Каким образом легкий яблочный аромат то ли шампуня, то ли мыла новой знакомой, то ли ее юной кожи держался в салоне автомобиля так долго, для капитана Пищика оставалось загадкой.

— Навязалась на мою голову! — проворчал Леха, допив чай. Однако в ту же минуту он с изумлением понял, что не отказался бы прямо сейчас увидеть Вездесущую Мышь. Чем дольше он думал о Рите, тем больше она ему нравилась. Самостоятельная, дерзкая, смелая и при этом какая-то по-детски трогательная, а, главное, не похожая ни на манерных инстаграмщиц с их надутыми силиконом губами, ни на грубоватых дам из полиции, припечатывающих все для ясности ядерным матерком. Хрупкая фигурка Марго, ее темные глаза, так эффектно контрастирующие со светлыми волосами, запали в душу капитану еще при первой встрече.

«Чем-то она похожа на лермонтовскую княжну Мери», — подумал Леха. Он вспомнил абзац из «Героя нашего времени», в котором Печорин рассуждал о «бархатных глазах» княжны с длинными ресницами и обрадовался: у Риты были такие же бархатные глаза и длиннющие ресницы.

«Впрочем, в наш век косметики о натуральной длине ресниц судить трудно». — усмехнулся капитан.

Лермонтов был Лехиным любимым автором с раннего детства. Еще в школе он выучил несколько стихов поэта, а прозу перечитал почти всю, даже драму «Маскарад». Странное для капитана полиции увлечение объяснялось просто. В девятом классе кто-то из девчонок сказал, что Пищик похож на Печорина, и Леха принялся изо всех сил тренировать мрачный взгляд и «усталость от жизни». Он был в то время невысоким тонким брюнетом с едва пробивающимися усиками, так что в нем угадывалось сходство не только с Печориным, но и с Лермонтовым. К одиннадцатому классу Леха вымахал и раздался в плечах, но кличка «Печорин» сохранилась за ним до самого выпускного. Кстати сказать, стихи классика не раз помогали ему завязывать знакомства с девушками. Капитану Пищику нравилось, что Лермонтов был поручиком, воевал на Кавказе и погиб на дуэли. Хоть и поэт, а не хлюпик какой-нибудь! Одно Пищик не мог понять: откуда к поручику приходили такие щемящие строки. Вроде бы, проще не скажешь: «Выхожу один я на дорогу». А ведь, поди ж ты, пробирает до печенок, особенно если немного выпить с друзьями и вспомнить, что через несколько дней после написания этого стихотворения поэт погиб на дуэли.

Загадка гения не давала Лехе покоя и позже, когда он уже стал Алексеем и следователем московской полиции, и пару лет назад он даже взял на работе короткий отпуск и смотался в Пятигорск. Повидал и выбеленный, крытый камышовой соломой домик Лермонтова, в котором тот написал эти и другие великие стихи, и старинные пятигорские бюветы с минералкой, возле которых собиралось «водяное общество», и место дуэли поэта с

Мартыновым. Даже на Машук Леха поднялся, чтобы отправить Варе фото с подписью «Кавказ подо мною».

Варенькой звали тогдашнюю девушку Лехи, которая его коварно покинула ради бизнесмена средней руки. Пытаясь выкинуть предательницу из головы и из сердца, Леха частенько вспоминал строки Лермонтова:

«Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье.
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою».

Все, что касалось биографии Лермонтова, вопросов у Лехи не вызывало: рано остался сиротой, обличал в стихах царя и высшее общество, был сослан на Кавказ, слыл задирой и бретером, погиб на дуэли в 27 лет. Но вот что касается творчества... Как, скажите, молодой поручик мог написать:

«Уж не жду от жизни ничего я
И не жаль мне прошлого ничуть.
Я ищу свободы и покоя,
Я б желал забыться и заснуть»?

Впрочем, там, на Кавказе, увидев те же горы, на которые смотрел поэт почти 200 лет назад, и то, как «сквозь туман кремнистый путь блестит», Пищик кое-что понял про поэта и его стихи. Однако сам, как ни старался, даже поздравление в стихах на юбилей полковника Жолобова не мог сочинить. Как говорится, что не дано, то не дано.

Размышления капитана полиции прервал телефонный звонок. Звонила Чумовая Чувырла. Ишь ты, легка на помине! Попробуй тут не поверь в телепатию.

— Какие новости? — спросил Алексей строго.

— Знаете, мне кажется, вы были правы.

— В смысле?

— Кажется, мои новые друзья из Бирюлева не в курсе повальной смертности в Марфино. По крайней мере, один оголтелый билюревский антиваксер ушел в отказ, и, похоже, он не врет. Хоть и наглый, и малообразованный, на убийцу этот тип не тянет. Наверное, все действительно было проще, мы зря стараемся. Калюжного, и его докторш банально убил этот проклятый ковид.

— А кто же тогда пытался ночью проникнуть на участок к Анжеле Карпенко? Тоже ковид? — язвительно поинтересовался капитан и вкратце познакомил Риту с новыми обстоятельствами. — Похоже, вдовушка номер два не напрасно опасается за свою жизнь. Кстати сказать, она недавно мне звонила. Сказала, что чувствует себя плохо, но отлежаться не получится, разбирается с похоронами Калюжного. Его тело до сих пор лежит в холодильнике клиники. Прикиньте, она вторую неделю с Еленой бодается! Анжела хочет похоронить мужа согласно его воле на Введенском кладбище в Москве, а законная вдова настаивает на кремации. Хочет потом увезти прах супруга в Питер и похоронить на одном участке с его родителями.

— И что же в подобных обстоятельствах вы намерены предпринять? — поинтересовалась Рита.

— Вообще-то это тайна следствия, — сказал Леха с важностью.

— Тогда и я вам про готовящийся митинг антиваксеров не расскажу, впрочем, как и про ковид-диссидента в рясе.

— Предлагаю встретиться, чтобы все обсудить лично, а не по телефону, — внезапно предложил Пищик.

Брякнув это, Алексей удивился собственной прыти. Еще секунду назад он и не собирался встречаться с этой девицей. Впрочем, она тоже молчала в ответ на его предложение, и капитан приготовился получить отказ и порцию насмешек от острой на язык репортерши.

— Почему бы и нет? — внезапно сказал она после неловкой паузы. — Я же работаю на удаленке, значит, сама распоряжаюсь своим временем. Называйте, капитан, время и место, и я туда подъеду.

— Могу забрать вас у станции метро «Калужская», где высадил в прошлый раз, — предложил Алексей. — О времени сообщу позже. Не представляю, что меня завтра ждет на работе.

— Отлично, до скорого! — сказала Рита. Она выключила мобильник и обратилась к псу: — Знаешь, Ватсон, в советское время в прессе была популярна рубрика «Журналист меняет профессию». Репортеры где только ни работали, чтобы потом написать очерк или репортаж, так сказать, изнутри профессии. Вот и я с какого-то перепугу стала агентом под прикрытием. Только об этом в моей колонке до поры до времени не напишешь — тайна следствия. Да и бирюлевские прихожане, если узнают, побьют, сразу же забыв обо всех десяти заповедях.

Ватсону надоело слушать рассуждения хозяйки. Он радостно хрюкнул, выбежал из комнаты и вскоре появился с поводком в зубах.

— Уж тебя-то, мой друг, я понимаю без всякой дедукции, — сказала Рита и стала собираться на вечернюю прогулку.

Кто он, господин Икс?

По тому, как резко распахнулась дверь следственного отдела, офицеры догадались: шеф пребывает в ярости с самого утра. Лысина на его голове, круглой, как футбольный мяч, стала даже не багровой, как обычно в минуты гнева, а синевато-фиолетовой.

— Капитан Пищик, зайдите, — потребовал Жолобов. Ничего хорошего этот тон не сулил. Коль скоро шеф не вызвал его в кабинет по телефону, а соизволил заглянуть в отдел собственной персоной, ожидался зверский разнос.

«А он, мятежный, ищет бури,

Как будто в буре есть покой», — вспомнил Леха любимого классика, открывая дверь шефа.

— Как далеко, капитан, вы продвинулись по делу Карпенко? — поинтересовался полковник уже в кабинете, уставившись на Алексея своим фирменным немигающим взглядом. Когда-то в молодости одна симпатичная девушка сказала полковнику Жолобову, что он похож на Штирлица в исполнении артиста Тихонова, и с тех пор полковник перенял немало черт у своего киношного двойника, в том числе и «фирменный» взгляд, под которым Алексей невольно поежился.

— Георгий Владимирович, следствие идет своим чередом. На днях опросил свидетелей — врачей, и медсестер, поговорил с обеими вдовами — законной и гражданской, — начал Леха бодро, как говорится, «за здравие», однако закончил «за упокой». — К сожалению, ясности в этом деле по-прежнему нет. Свидетели утверждают, что ничего криминального не заметили, никаких признаков того, что Калюжный умер насильственной смертью, тоже нет. Подозреваемые по делу пока не появились.

— Не появились, говоришь? — Полковник не мигая взглянул на Алексея и внезапно сломал карандаш, до того спокойно стоявший в стакане. — Зато появились вновь открывшиеся обстоятельства! — рявкнул он.

— Какие обстоятельства? — тихо спросил капитан, понимая, что ничего хорошего сейчас ему не сообщат, и решив не рассказывать о звонке Карпенко, чтобы не разозлить шефа еще больше.

— Это я вас, капитан Пищик, должен спросить — какие! — повысил голос полковник. — Почему я, а не вы узнаю о них первым? Ночью неизвестный преступник пробрался в дом Карпенко. В темноте этот идиот опрокинул вазу с цветами, стоявшую неподалеку от входа. На шум прибежала помощница хозяйки, но преступник с силой оттолкнул ее и скрылся. Утром оказалось, что незваный гость оставил на столе листок, на котором накалякал красными чернилами: «Вакцинация? Нет! Смерть!».

— Детский сад какой-то! — не выдержало Леха.

— Да? По-вашему, капитан Пищик, это детский сад? — полковник угрожающе понизил голос. — Анжела Карпенко так не думает. Кстати, сегодня с утра она мне звонила. Знаете, что сказала?

— Не могу знать! — ответил Пищик коротко по-военному, щелкнув для пущей убедительности каблуками.

— Она сказала, что с тех пор, как капитан Пищик начал работать по ее заявлению, ситуация только ухудшилась. Во-первых, ушла из жизни заведующая отделением клиники Марфино по фамилии Войцеховская, во-вторых, в дом к Анжеле пробрался ночью

неизвестный преступник, а, в-третьих, ей самой поступают на электронную почту недвусмысленные угрозы.

— Угрозы от кого? — уточнил Алексей.

— Утратили нюх, капитан! Разумеется, от антиваксеров. Анжела всерьез напугана их наглостью и сегодня утром грозила пожаловаться высокому начальству на наше бездействие.

— Я отстранен от дела? — спросил капитан Пищик без особого огорчения. Он все еще не утратил надежду смотаться в отпуск на пару недель.

— Работайте! — рявкнул полковник и добавил, словно прочитав мысли подчиненного: — об отпуске можете пока забыть.

— Георгий Владимирович, я сегодня назначил встречу моему агенту в секте антиваксеров, — перешел Алексей к главному вопросу. — Разрешите в рабочее время отлучиться в город?

Капитан знал, что отпроситься у шефа с работы не так-то просто. Каждый раз приходится включать фантазию и придумывать стопудовый повод для отлучки. Однако в этот раз все вышло по чесноку. Агент действительно собирал информацию и вскоре будет ждать его у метро. К счастью, полковник не догадывался, что агент полковника Пищика — симпатичная блондинка с темными глазами. Зная это, Жолобов вряд ли отпустил бы подчиненного на встречу с девушкой — хотя бы из банальной мужской зависти. К счастью, шеф, обычно видевший своих следователей насквозь, не почувствовал в этот раз подвоха в словах Алексея. Капитан счел это хорошим знаком.

— Поезжайте, капитан Пищик, — разрешил шеф. — После встречи с агентом сгоняйте еще и к этой Анжеле. Выясните у нее, кто приходил ночью и что, по ее мнению, хотел. В ближайшее время жду от вас подробный доклад по этому делу.

Сказав это, полковник подобрал со стола обломки карандаша и, размахнувшись, метко бросил их в урну, пробормотав: «Одиннадцатиметровый!».

Свидание под прикрытием

— Куда мы едем? — спросила Рита, запрыгнув возле «Калужской» в машину к Пищику.

— Догадаться! Агент должен быть сообразительным.

— В клинику «Марфино»? — предположила Рита.

— Есть более неотложное дело, — проворчал Леха, скосив глаза на пассажирку и отметив про себя новую прическу, которая Рите очень шла. — Кто-то ночью побывал у Анжелы в доме и оставил «подарочек» для хозяйки — записку с угрозами. Судя по тексту, этот «кто-то» был из антиваксеров. Возможно, отличились ваши новые друзья из Бирюлева. Вот только зачем они это сделали и почему именно сейчас? Пока у меня одни вопросы, на которые нет ответов.

Дорожка к дому Анжелы была идеально подметена и даже вымыта.

— Напрасно ваши работники поспешили тщательно убрать подход к главному крыльцу, — недовольно выговорил Леха хозяйке. — Следов непрошеного гостя, а, может, и нескольких гостей, теперь днем с огнем не сыщешь.

— Мои помощники дорожат работой и высокой зарплатой, им не надо напоминать об их обязанностях, — сказала Анжела, — и в доме, и вокруг него все убирается и моется по мере загрязнения.

В дверь осторожно постучали. Домработница Зинаида робко заглянула в холл и улыбнулась Алексею и Рите как старым знакомым.

— Анжела Тарасовна, позвольте сказать пару слов в мое оправдание? — тихо сказала она. — Капитан недоволен тем, что я якобы смыла все следы негодяя на дорожке и в доме. А что было делать? Не могла же я сидеть сложа руки, когда кто-то чужой ночью натоптал и напакостил? Как увидела это с утра, тщательно дом проветрила, чтобы даже духу его не осталось. Ой, что же это я разболталась. Извините, сейчас кофе принесу.

Вскоре из кухни раздалось жужжание кофемолки, и в доме приятно запахло арабикой.

Рита заметила, что хозяйка дома после тревожной ночи выглядит неважно. Бледная, темные круги под глазами, нос и скулы заострились. Пальцы женщины с безупречным маникюром заметно подрагивали.

— Что вас так напугало? — спросила Марго. — Возможно, это была просто чья-то злая шутка...

— Шутка, говорите? Сейчас я покажу вам писанину, которую этот мерзавец оставил прямо здесь, на моем журнальном столике, — всхлипнула Карпенко. — Он ведь запросто мог убить меня, если бы Зинаида не проявила мужество и не кинулась ему навстречу. Если бы не она... Хорошо, что Костик-младший не проснулся на шум и не испугался ночью.

Хозяйка дома еще раз всхлипнула, достала из прозрачной папки помятый листок и положила его перед капитаном Пищиком. Алексей прочитал вслух уже знакомый со слов шефа текст: «Вакцинация? Нет! Смерть!» и передал листок Рите.

— Догадываетесь, чьих рук это дело?

— Действительно, похоже на угрозы антиваксеров, — сказала Рита. — Только вот кто это сделал? К сожалению, я не видела почерк никого из моих знакомых ковид-диссидентов и не могу сравнить их писанину с этой мазней.

— Вот и займитесь плотнее этими вашими антиваксерами, — сказал капитан, как бы случайно, по дружбе касаясь руки агента Мышкиной. Этот невинный жест воодушевил

следователя, и он продолжал: — Попросите в воскресенье ваших новых друзей написать что-нибудь на листочках. Предлог придумайте сами.

— Какой предлог? — вздрогнув, спросила Рита.

Прикосновение прохладной руки капитана словно замкнуло электрическую цепь, и Марго, получив легкий удар «током», на мгновение утратила нить разговора и подумала, что глупеет с каждой секундой.

— Нужен стопудовый предлог, вот его и придумайте, — проворчал Алексей в сторону Риты и обернулся к Анжеле. — Отдайте мне, пожалуйста, этот листок, я покажу его нашим экспертам.

— С удовольствием, — откликнулась хозяйка. — Не хочется хранить подобную гадость в доме.

— Может быть, вам стоит на время прикрыть ваш ютуб канал? — осторожно посоветовала Рита. — Чтобы не дразнить антиваксеров. Пускай вакцинные страсти немногос улягутся, и жизнь войдет в прежнее русло.

— Ни за что! — тихо сказала Анжела. Ее глаза потемнели, превратились из незабудковых в темно-лиловые, а красивое еще секунду назад лицо стало похоже на мордочку злого зверька.

— Мой покойный муж не одобрил бы подобную трусость, — холодно пояснила она, но внезапно побледнела и пробормотала: — простите, что-то мне нехорошо, я сейчас вернусь.

Анжела вскочила с места и, слегка пошатываясь, побрела вверх по лестнице.

— Бедняжка. — сказала Рита, — многовато неприятностей свалилось на голову одной женщины. Вы заметили, на ней лица нет!

— Боюсь, пока мы не найдем этого ночного «почтальона», ее неприятности не закончатся, — проворчал следователь.

— Почтальона? — удивилась Рита. — вы думаете, это не он писал?

— Пока ничего не ясно, — пожал плечами Пищик. — следствие продолжается.

Зинаида появилась с двумя чашками кофе на подносе, а следом за ней спустилась к гостям Анжела.

— Простите, мне уже лучше, и я могу продолжать разговор. — сказала она. — Итак, на чем мы остановились?

— На том, что к вам в дом пробрался незнакомец, — сказал капитан и спросил: — Вы что, совсем ничего не слышали?

— Да говорю же вам, я в ту ночь спала, как убитая, — всхлипнула Анжела. — Приняла снотворное и уснула в десять вечера. Если бы не Зинаида Михайловна, этот подонок мог прихлопнуть меня, спящую, как муху. В общем, Зина, вы — мой ангел-хранитель.

— Пожалуйста, не преувеличивайте мою роль, я всего лишь его спугнула, — потупилась Зинаида.

— Следствие продолжается. Ждите сообщений и, пожалуйста, соблюдайте осторожность. — сказал Алексей. Он понял, что разговор пошел на второй круг, и взял Риту за руку: дескать, пора ехать. Рита подумала: если бы ее рука была лампочкой, она непременно сейчас зажглась бы, поскольку электрическая цепь между ними опять замкнулась.

— Домработница намекала на крепкий запах пота, — сказала Рита, усевшись в машину. — Я знаю одного типа, который так же отвратительно пахнет.

— Антиваксер? — уточнил Алексей.

— Ну, конечно, кто же еще! — рассмеялась девушка. — Надо будет проверить кое-какие подозрения.

— Ты Лермонтова любишь? — внезапно поинтересовался капитан.

— Стихи да, а роман про Печорина — нет.

— Это еще почему? — обиделся Алексей, с детства представлявший себя хладнокровным отважным героем, которого писатель отправил на вечно беспокойный Кавказ.

— Он подло поступал с женщинами. Влюбил в себя княжну Мери, обнадежил ее, но не женился. Позволил Казбичу украсть Беллу, вернул ее, а потом разлюбил... Нет, это герой не нашего времени. Женщина не должна быть объектом. Даже объектом поклонения. Она — субъект.

— Ого, да ты феминистка! — расхохотался Алексей.

— Нет, просто я не люблю мачо такого типа, как Печорин.

— А каких любишь? — поинтересовался капитан как бы в шутку, но голос против его воли слегка дрогнул.

— Таких, как князь Андрей, — брякнула Рита первое, что пришло в голову. Почему-то более современные герои в эту минуту ей не вспомнились.

— Ну, умереть под Аустерлицем в эпоху ковидных локдаунов мне не светит, — проворчал Леха себе под нос. — Кругом санитарные кордоны, границы на замке...

— Что-что? — не расслышала Рита.

— Ничего, — проворчал Леха. — Жду новых докладов, агент Мышкина.

— Есть, капитан! — шутливо козырнула Рита и, выскочив из машины, побежала к входу в метро.

Бирюлевский бумеранг

На паперти бирюлевского храма, как обычно, грелась на солнышке пара бомжей с грязными и дырявыми, словно подгоревшие блины, кепками у ног. Стоявшие рядом с ними молодые волонтеры в одинаковых футболках с призывом «Нет пандемии!», выглядели словно пришельцы с другой планеты. Парни и девушки раздавали одноразовые медицинские маски перед входом в храм и просили всех входивших соблюдать социальную дистанцию и пользоваться санитайзерами, пристроенными на стуле у входа.

Пара старушек, перекрестившись, испуганно отшатнулась от волонтеров. Зато крупная дама в нарядной юбке резво подскочила к девушке и взяла у нее аж три маски. Одну натянула на свой нос, а две хозяйственно припрятала в объемную сумку.

— Что случилось? — спросила Марго у дамы, в которой узнала Клавдию.

— Вон там все написано, — буркнула та и указала на доску объявлений при входе в храм.

К доске был приколот листок со следующим текстом:

«Прихожане храма Иконы Божией Матери Прибавление ума! Молитесь о здравии рабов божиих Валентины, Германа, Глафиры и отрока Димитрия. Чума XXI века послана нам за грехи. В воскресенье настоятель храма отец Фотий проведет молебен о здравии болящих и выздоравливающих. Ждем всех на литургию».

— Как чувствуют себя наши больные? — спросила Рита старушку, дежурившую в церковной лавке. Евдокия бывала в храме каждый день и знала все местные новости не хуже социальных сетей.

— Ой, не спрашивай, дочка! — зашептала свечница. — Валентина, Герман и Глафира в больнице, им совсем плохо, а отрока Димитрия пока дома оставили. Все же он молодой, прежде особо не болел, доктора надеются, что и без больницы поправится. Молись за них, дочка, свечку поставь и записочку о здравии подай. Да смотри, в записке себя не забудь указать. Видишь, чума эта проклятая никого не щадит.

«Слава Богу, я вакцинировалась», — подумала Рита, Она поставила свечку Пантелеймону-целителю и решила дожидаться конца молебна.

Отец Фотий читал проповедь грозно и торжественно.

— Братья и сестры! Господь послал нам коронавирус в наказание за грехи наши. Деньги давно заменили милосердие и любовь к ближнему. Кайтесь и усердно молитесь. Господь милостив.

— На Бога надейся, а сам не плошай! — раздался дерзкий голос из толпы. — Делайте прививки, православные! Только так вы победите «корону»!

Рита взглядела в толпу и заметила киноcritика Македонского. Он взирал на прихожан с отважной веселостью еретика. Так, наверное, смотрел Галилей на святую инквизицию, когда провозгласил: «И все-таки она вертится!».

— Изыди, чипированный, из храма! — потребовал отец Фотий и махнул в сторону Македонского кадиллом.

Критик Македонский еще раз окинул прихожан пылающим взором.

Выдержав эффектную паузу, «еретик» громко объявил:

— Братья и сестры! Завидуйте! У меня теперь имеется кьюар-код! Вчера я сделал вторую прививку и получил сертификат. А тем, кому больше 65 лет, еще дают вот такенную

коробку подарков!

— Что за подарки-то? — шепотом спросила Македонского старушка в черной кофточке с люрексом. Критик приосанился и начал перечислять

— Тонومتر и измеритель кислорода в крови.

— Ого! — донесся завистливый выкрик из толпы.

— Это еще не все, — продолжал смущать паству смутьян. — Таблетница, шампунь импортный, крем, санитайзеры... Да всего и не припомнить.

— Где же это такое дают? — шепотом спросила Клавдия, и в глазах ее вспыхнули алчные искорки.

— Да практически повсюду в Москве! — охотно разъяснил критик. — Всем, кому больше 65, после прививки коробки вручают. Или денежки переводят. По желанию. Мэрия перед выборами расстаралась. Видимо, там наконец решили действовать не только кнутом, но и пряником.

— Неужели даром такое богатство раздают? — ехидно поинтересовалась старушка в люрексе.

— Только тем, кто вакцинировался, — уточнил отщепенец и степенно направился к выходу.

Глубокий вздох, вероятно, не только изумления, но и зависти, пронесся по толпе. Рите стало любопытно. Выйдя из храма, она застала неподалеку от входа небольшой брифинг. Критик Македонский охотно отвечал на вопросы старушек о вакцинации, о самочувствии после нее и о подарках мэрии. Марго подумала, что с сегодняшнего дня число активных противников «чипирования» среди прихожан бирюлевского храма резко уменьшится.

Вторжение без свидетелей

Настроение у следователя Пищика было отвратительным с самого утра. Какого лешего, спрашивается, он таскался за город к Анжеле, да еще и Чумовую Чувырлу с собой прихватил? В итоге — провал по всем фронтам: и с ночным гостем, побывавшим у Карпенко ничего не прояснилось, и в отношениях с Ритой не продвинулся ни на шаг.

— Какой же я болван! — внезапно завопил Пищик и резко качнулся на стуле, отчего кофе выплеснулся из чашки на стол. — Анжела Тарасовна, мне необходимо к вам сегодня заехать, — продолжил он уже по телефону официальным тоном, — надеюсь, задержу ненадолго.

— Я что-то в последнее время неважно себя чувствую, — отозвалась хозяйка дома тихим, немного сдавленным голосом. — Никого не принимаю, сил нет... Впрочем, для вас, капитан, сделаю исключение. Называйте время.

— Да хоть через час! — обрадовался Пищик.

— Хорошо, жду вас в двенадцать, — тихо отозвалась хозяйка. — Пожалуйста, не опаздывайте, в час ко мне приедет доктор.

В этот раз Леха явился заранее и тщательно обошел дом по периметру.

«Странно, вокруг забора столько видеокамер. Интересно, почему Анжела ничего про них не рассказывала?», — подумал он, взглядываясь в замаскированные средства слежения. Тот тип не мог пробраться в дом незаметно. Если только...».

Анжела сидела на диване, укутавшись в пушистый плед и была похожа на больного нахохлившегося воробья. Завидев капитана полиции, она отхлебнула чаю из тонкой чашечки костяного фарфора и нетерпеливым жестом указала Алексею место напротив себя. Зинаида, как обычно, принесла гостю кофе, и хозяйка после дежурных фраз о погоде и дороге наконец вопросительно уставилась на визитера.

— Анжела Тарасовна, в прошлый раз вы ничего не сказали о видеокамерах в доме и на участке. Почему?

Капитан старался говорить спокойно, хотя этот факт его изрядно разозлил.

— Ой, от этих камер все равно толку мало, — вдруг подала голос Зинаида, тщательно и бесшумно протиравшая перила лестницы. — То дождь их заливает, то листок с дерева на объектив упадет, то соседские мальчишки ради забавы объектив пластырем заклеят.

— А кто дежурил той ночью? — поинтересовался Алексей. — Ну, когда в дом проник неизвестный? Ни за что не поверю, что ваш особняк не охраняется круглые сутки.

— Обычно за камерами, забором и за воротами следит мой муж, — отозвалась Зинаида, но именно в ту ночь он был, как назло, в отъезде.

— Мне бы хотелось все-таки взглянуть на записи с камер видеонаблюдения, — попросил Алексей.

— Пойду разбужу мужа, он спит после дежурства. Толик один этой техникой командует. Не беспокойтесь, он вас не задержит, сейчас придет. Мы живем вон там, в маленьком домике для прислуги, — Зинаида показала в окно на небольшой домик под красной крышей.

— Сколько вам говорить: домик не для прислуги, а для моих помощников, — раздраженно поправила Зинаиду хозяйка. — В отношении людей, которые уже давно мне как родные, слово «прислуга» звучит оскорбительно. Вы, Зина, спасли мне жизнь!

— Знаете, Анжела, я вот тут подумал... Скорее всего, в ту ночь в дом проник кто-то из ваших знакомых. Только что я обошел забор по периметру и ни одной дырки не заметил. Замок тоже никто не взламывал. Ну не по воздуху же злодей прилетел? Как вы думаете, кто бы это мог быть? Давний друг дома? Родственник? Человек, которого вы видели здесь не один раз? У кого-нибудь из ваших знакомых есть ключи от вашего коттеджа?

— Ключи? Да Бог с вами! — возмутилась Анжела и раздраженно повела плечиком. — Зачем мне доверять кому-то ключи? Зинаида и ее муж обычно дома, они знают в лицо всех, кто бывает у меня. Моя помощница не узнала ночного гостя — значит, это был кто-то чужой. В конце концов, тренированному мужчине перелезть через наш забор ничего не стоит.

Ночное вторжение в дом незваного гостя показалось капитану весьма странным. В его практике было немало вооруженных ограблений, но этот случай явно выбивался из общего ряда. Или хозяйка что-то скрывает, или что-то скрыли от нее...

Мужем Зинаиды оказался крепкий мужчина лет пятидесяти. Анатолий выглядел заспанным и немного смущенным. Помятая футболка, застиранные треники, домашние потрепанные тапки — все говорило о том, что его действительно только что вытащили из постели.

— Простите мой непрезентабельный вид, Зина меня прямо из койки вытащила, — смущенно сказал мужчина. — Дежурил, всю ночь не спал, вот сон с утра и сморил...

Охранник принялся громко извиняться, но хозяйка жестом остановила его.

— Не шумите, Анатолий, мне не здоровится, — тихо попросила она, — лучше сходите с капитаном Пищиком наверх и посмотрите записи с видеокамер.

— Предупреждаю, вы увидите не шибко много. Вчера был ветер и туман, к тому же в поселке свет отключали.

В комнатухе охраны светился экран монитора. На нем хорошо просматривались некоторые участки двора и тропинки, протоптанные за периметром забора.

— Вот видите, кое-какие камеры все же работают, — обрадовался Алексей, — покажите мне, пожалуйста, записи, сделанные в ту ночь, когда в дом проник неизвестный преступник. Прошло всего два дня, видео должно сохраниться.

— Пожалуйста, смотрите! — охранник пожал плечами и принялся щелкать кнопками.

Леха выругался и стукнул кулаком по столу.

Записи с видеокамер, сделанные в ту ночь, исчезли.

Хакеры ниоткуда

Вечером Рита выгуляла и покормила Ватсона и как всегда уселась за компьютер. Загрузила на сайт газеты «Всякая всячина» свежий репортаж из пункта вакцинации и короткие информашки, почерпнутые из зарубежных порталов — о том, как борются с ковидом в других странах. Посмотрела свежие отклики на колонку «Вездесущая Мышь». Ничего нового, ваксеры и антиваксеры продолжают драться, только теперь не в реале, а в комментах.

Марго решила заглянуть на сайт Анжелы «Вакцинация? Да!». Когда страница загрузилась, она ахнула. Во весь экран красовался лозунг «Православные люди, будьте бдительны! Не соглашайтесь на чипирование вакциной!». Вокруг баннера были разбросаны картинки, напоминавшие неуклюжие рожицы, намалеванные Емельяном.

Рита не на шутку разозлилась. Что это еще за хулиганские выходки?! Вчера ничего подобного на сайте не было, там висели всего три материала: отчет о работе фонда Анжелы Карпенко «Антивирус» и два подробных некролога, посвященные Крымовой и Войцеховской. Подписчики сайта оставляли под некрологами свои соболезнования. Некоторые добавляли перед фамилией слова «пациент» или «коллега». Теперь все это исчезло без следа, даже соболезнования кто-то потер. Похоже, неизвестные хакеры взломали сайт Анжелы Карпенко и хорошенько «погуляли по буфету».

«Стопудово без Емельяна не обошлось! Рогатые рожицы-«чипы» — его фирменный стиль», — подумала Рита и вызвала его мобильный номер.

— Послушай, Емеля, совесть есть? Ты что творишь, нехристь! А еще храм посещаешь! — завопила она в трубку без всяких дипломатических заходов и подходов. Гнев переполнял Марго.

— А, это ты, поповна? — обрадовался парень. — Не ожидал. Рад твоему звонку. Что тебя так впечатлило, душа моя?

— Какого черта ты взломал сайт Анжелы Карпенко «Вакцинация? Да!», — продолжила наступление Рита.

— Ни к чему на ночь поминать нечистую силу! — Емельян сделал вид, что ничего не понял, а потом для убедительности добавил. — Ты вообще, о чем?

— Не отпирайся, Емеля! Я узнала твой стиль «Очумелые ручки!»! Эти гнусные рожицы — такие же, как на сайте, я уже однажды видела — во время нашей встречи в парке.

— Чем докажешь, поповна?! — спросил Емельян. — Хорошо, что я тот плакат тебе не оставил, ты бы точно превратила его в вешдок. Имей в виду: ничего не знаю, ничего не видел, ничего не взламывал. Вот и весь сказ. А ты, Машенька, чем по богомерзким сайтам шариться, лучше бы молитву на ночь прочла.

— Сам молись, хакер недоделанный, чтобы полиция на тебя не вышла. Взлом чужого сайта — серьезное преступление. У Калюжной денег до черта, она наймет крутых айтишников, и те быстренько на тебя выйдут. Короче, суд такие штрафы навесит, что ни в жизнь не расплатишься. Скорее всего, она вообще церемониться с тобой не будет, просто заплатит гопоте, чтобы тебя проучить. Например, в твоем же подъезде...

— Ну, это мы еще посмотрим, — голос Емельяна зазвучал уже менее уверенно. — Еще раз советую тебе, поповна, не лазить по сайтам антиваксеров. Лучше готовься к митингу. Несколько дней осталась. Послушание, данное нам отцом Фотием, надо исполнять.

— Слушай меня внимательно, малыш. Я пойду на митинг только в том случае, если ты в самое ближайшее время восстановишь сайт, который сам же взломал. Оттуда исчезли некрологи, посвященные двум достойным женщинам-врачам. Они погибли, спасая людей, умиравших в Красной зоне. Если я завтра же не увижу их опять на сайте, ты не увидишь меня на митинге.

Емельян возмущенно засопел, буркнул в ответ что-то невнятное, и Рита поспешно отключилась.

Ватсон вступает в игру

— Капитан Пищик слушает!

— У меня новости, — затараторила Марго, наспех поздоровавшись. — Антиваксеры взломали сайт «Вакцинация? Да!» Анжелы Карпенко и основательно там похозяйничали.

— Вы узнали, кто это сделал? — спросил Пищик после короткой паузы.

— Пока только смутные догадки. Я подозреваю некоего Емельяна, прихожанина бирюлевского храма.

— Как вы думаете, мог этот ваш Емеля пробраться в дом к Анжеле и оставить там записку с угрозами, предварительно отключив видеокамеры?

— Вот это вряд ли. Люди такого сорта способны напасть только заочно, так сказать, он-лайн, когда их никто не видит. Угрожать в реальности — кишка тонка. Они хамят и наезжают лишь тогда, когда не встречают достойного отпора. Подобные персонажи обычно затевают склоки и срачи в социальных сетях. В общем, то, что Емеля взломал сайт, я еще могу допустить, но то, что он вломился ночью в чужой дом, извините, вызывает у меня большие сомнения. Впрочем, мы можем с вами незаметно проверить и эту версию.

— Интересно, каким образом? — удивился Пищик.

— Мой пес Ватсон вначале понюхает листок с каракулями, оставленным преступником у Анжелы, а потом — самого Емельяна. Если этот тип имеет отношение к записке с угрозами, пес это сразу же учует.

«Детский сад, штаны на лямках, а не розыск, — подумал капитан Пищик. — Только домашних бобиков в полиции не хватало. Небось, болонку какую-нибудь на следственный эксперимент приведет».

Однако идею в целом капитан одобрил. Еще бы! Рита сама позвонила и предложила встретиться. Алексей внезапно вспомнил Печорина и решил, что лучшая тактика в общении с подобными самоуверенными девицами — равнодушие и холодность. Капитан уже обжегся один раз и повторять ошибку не собирался. Варя из него веревки вила, хотя он потакал всем ее капризам... И что в итоге? А в итоге она бросила его, Пищика-Печорина, ради какого-то недалекого бизнесмена, по сути, торгаша. Лермонтов бы такое девушке никогда не простил! Вот и Леха выкинул предательницу из своего сердца.

Трудность предстоящей операции состояла в том, чтобы дать Ватсону нюхнуть Емельяна вскоре после того, как пес изучит вещдок, то есть, листок с угрозами, иначе эксперимент будет недостаточно чистым. Договорились, что капитан Пищик привезет злосчастную бумажку в парк и спрячется в машине неподалеку, заранее оплатив парковку. Он будет следить оттуда за поведением обоих — и собаки, и подозреваемого.

Рите не составило труда вызвать Емельяна в парк под более-менее правдоподобным предлогом — на согласование очередных текстов и рисунков к будущему митингу. Парень явно обрадовался, что девушка сама назначила встречу, и Марго потрепала Ватсона по загривку: мол, не скучай. приятель, скоро поработаем.

Завидев Риту с собакой, Емеля оторопел:

— Да ты чего вааще, поповна! Собаку в парк притащила, боишься уже один на один со мной встречаться?

— Да при чем тут ты? Собачке надо больше гулять, «французы» предрасположены к полноте, вот я и взяла его с собой. Ватсон, познакомься с Емельяном!

Пес тщательно обнюхал парня, однако без особых эмоций, хотя несколько минут назад тщательно исследовал носом листок с угрозами. Ватсон даже не гавкнул, что показалось странным. Рита расстроилась. Выходит, ее версия не верна, и угрозы на сайте писал не бирюлевский «мачо». Впрочем, вскоре оказалось, что Емельян, несмотря на внушительный облик, не такой уж и мачо.

— Тихо, тихо, хороший песик! — лепетал здоровяк, резво пятясь и с опаской поглядывая на добродушно посапывающего бульдожку. Ватсон тут же уловил флюиды страха, исходившие от внушительного вида мужчины, и приободрился. Наконец хоть кто-то его взаправду испугался, а не принялся сюсюкать, как обычно: «Красавчик!», «Прелесть!» «Булька!». Все же он французский бульдог, черт побери, а не мальтийская болонка!

Ватсон предупредительно зарычал. Емельян отбежал еще на пару метров. Ну, тут бы любой пес не сдержался. Согласитесь, грех не погонять крупного мужчину, который ведет себя, как последний чихуа-хуа! Ватсон принялся с лаем и рыком рваться с поводка, время от времени оглядываясь на хозяйку и рассчитывая на ее одобрение. К неудовольствию пса, Рита прикрикнула на него и стала зачем-то извиняться перед трусливым мужиком. Прокричав в ответ пару ругательств, тот рысью рванул к выходу из парка.

— Вы видели? Похоже, записку накалякал не Емельян, — сообщила Рита капитану Пищику, когда спина антиваксера скрылась за углом. — Конечно, запах преступника мог выветриться с листка бумаги, но не думаю, что так быстро, к тому же Ватсон — рабочая собака, занимается с кинологом.

Капитан вылез из машины, потрепал по загривку пса, все еще праздновавшего в душе победу над крупным мужиком, и сказал:

— Сразу видно: Ватсон сообразительный пес. Да и выглядит внушительно, не пудель какой-нибудь. Почему бы нам не махнуть с ним к Анжеле? Зинаида поспешила вымыть полы, но, возможно, где-то остались следы преступника или вещи, которые тот трогал? Надеюсь, ваш четвероногий ассистент отлично справится. По всему видно, он толковый парень!

Ватсон в ответ завизжал, запрыгал вокруг Лехи и радостно завилял обрубок хвоста. Мол, наконец-то в их маленькой стае появился настоящий вожак.

Пес идет по следу

Первым делом Леха и Рита обошли с Ватсоном забор усадьбы Калюжного по периметру. Пес с удовольствием трусил по тропинке, не выказывая ни малейшего возбуждения. Разок дернул поводок, рванув за кошкой, но это не в счет. Никакие посторонние запахи не привлекли его внимания.

— Анжела Тарасовна, мы с Маргаритой стоим у ваших ворот, — сказал Леха в микрофон, вмонтированный под видеокамерой.

— Ну что с вами делать? Проходите, — отозвался тихий голос, и ворота отворились.

Ватсон бежал по дорожке к дому, с интересом обнюхивая незнакомую местность. Рита и Алексей едва поспевали за ним.

— Собаку в дом не пущу! — запротестовала Зинаида, с шумом шваркавшая метелкой по крыльцу. — Я только что полы вымыла, а ваш кобелина песку в дом нанесет.

— Зина, не страшно, это природная грязь, — сказала Анжела все так же тихо и добавила, — песик такой милый. Можно, я познакомлю его с моим сыном?

Рита заметила, что Анжела выглядит неважно. Говорила хозяйка тихо и куталась в кашемировую шаль, хотя лето в этом году выдалось на удивление теплым. Рите стало жаль бедняжку, на которую свалилось сразу столько несчастий. Она улыбнулась и сказала:

— Отличная идея! Ватсон любит детей. Маленький Костик может его погладить и даже побегать с ним по дорожкам.

— Костик, спускайся к нам! Тебя ждет сюрприз! — позвала Анжела. В холл сбежал по лестнице очаровательный малыш со светлыми кудряшками. В первую минуту он застеснялся чужих, уткнулся носом в колени матери, но вскоре поднял шкродливую мордочку и с восторгом взглянул на собаку.

— Ватсон, познакомься, это Костик! — сказала Рита, и пес радостно вильнул обрубок хвоста.

Костик кинулся к псу, и тот неожиданно лизнул его в нос.

— Ватсон привит, глистов нет, — на всякий случай отрапортовала Рита. Кто их знает, этих вдов олигархов! Некоторые подобные дамочки считают собак рассадниками всевозможных болезней. Впрочем, Анжеле Ватсон сразу понравился.

— Спустите уже его с поводка! — попросила она. — Пусть играют.

Как только Рита отстегнула карабин, пес и мальчик радостно запрыгали друг вокруг друга.

— Сейчас что-нибудь посшибаете, бегите-ка, ребятки, в сад! — сказала Анжела. Костика и Ватсона дважды уговаривать не пришлось. Они вылетели из дома, как две ракеты со стартовой площадки, и принялись носиться по дорожкам. Физиономии у обоих сделались при этом одинаково счастливыми.

— Капитан Пищик, вы ведь приехали сюда с журналисткой и с ее собакой не для того, чтобы пес побегал по саду наперегонки с моим сыночком? — тихо спросила хозяйка дома.

— Восхищаюсь вашей проницательностью, Анжела Тарасовна! — отозвался Пищик. — Мы с Маргаритой очень надеемся на острый нюх господина Ватсона. Есть вероятность, что где-нибудь в доме или в саду до сих пор сохранился запах незваного гостя, побывавшего у вас той ночью.

Словно в ответ на слова капитана, с улицы донесся неистовый лай. Это было не то

веселое повизгивание, каким пес встретил малыша, и не то дружеское гавканье, каким Ватсон приветствовал старшего по званию капитана Пищика, и даже не тот победный рык, которым пес недавно припугнул Емельяна. Рита, различавшая множество оттенков голоса Ватсона, поняла: в данную минуту пес неистово лает, чтобы привлечь ее внимание.

Она выглянула в окно и застыла в недоумении. По дорожке сада торопливо шагал к дому муж Зинаиды, а Ватсон облаивал его так, словно это был не пожилой охранник, а «фигурант» на собачьей площадке, одетый в ватник с длинными рукавами, за которые пес должен провести задержание.

— Кто спустил на меня собаку? — зло крикнул Анатолий, стрельнув глазами в сторону непрошенных гостей.

— Собаку выпустили в сад побегать с ребенком, — виновато сказала Марго. — Он детей любит, а к некоторым взрослым, в особенности к мужчинам, относится настороженно. Извините, что так вышло, мы не хотели! Не пугайтесь, пес давно занимается с кинологом и ни за что без команды не нападет на человека.

— Еще чего не хватало! — возмутился Анатолий и перевел рассерженный взгляд на хозяйку. — Зачем вообще домашнюю собаку подобным командам учить? Кусать охрану, куда это годится! Если гости будут и дальше появляться у вас с собаками, мы уволимся, Анжела Тарасовна, так и знайте!

— Когда был жив Константин Васильевич, вы по-другому со мной разговаривали, Анатолий! — грустно вздохнула Анжела. — Я-то думала, что после смерти мужа смогу всецело на вас с Зинаидой положиться.

Не дожидаясь оправданий Анатолия, Рита вышла в сад и взяла Ватсона на поводок.

— Тетя Рита, отпустите песика, мы еще не наигрались! — захныкал Костик.

— Видишь, Костик, собачка напугала дядю Толю, это нехорошо. Мы у вас в гостях, значит, и вести себя обязаны как гости, — сказала Рита и вернулась с собакой на поводке в дом. Охранник, ворча, отправился наверх в свою служебную каморку, а капитан Пищик тем временем дал Ватсону понюхать листок, найденный Анжелой. Внезапно пес оцетинился, зарычал и потянул Риту к лестнице. Они переглянулись с Пищиком и ринулись следом. Дверь каморки оказалась заперта. Пес сел перед ней и стал громко лаять.

— Анатолий, откройте! Полиция! — потребовал Пищик, но на его призыв никто не отозвался.

Алексей разбежался и выбил дверь ногой. Каморка была пуста.

Задача со многими неизвестными

Рита и Алексей стояли посреди маленькой комнатухи и с изумлением смотрели друг на друга.

— А как он...? А куда он...? — проямлила Рита.

— А вот туда он!

Алексей подбежал к открытому окну и высунулся из него по пояс. Снаружи к стене была приставлена лестница. Как успел грузный Анатолий так быстро по ней спуститься? Загадка! Нигде поблизости охранника видно не было. Впрочем, Зинаида тоже уже не шваркала веником за окном.

Ватсон, похоже, был изумлен не меньше сыщиков. Он стоял у окна и басовито лял.

Рита огляделась. На столе возле монитора лежала брошюра «Чипирование вакциной или новые происки Сатаны».

— Ого, да наш Анатолий — действующий антиваксер! — сказала Рита. — Наконец кое-что проясняется!

— Не понимаю, почему он сбежал? — Алексей принялся размышлять вслух. — Это ведь косвенно доказывает его вину. Неужели Анатолий пришел ночью в дом и оставил Анжеле записку с угрозами? Кстати сказать, ему это было сделать проще, чем кому-нибудь другому. Но зачем? С какой целью? Честно говоря, Анатолий мог бы легко отвертеться от обвинений. То, что Ватсон на него пару раз залаял — сомнительная улика и, к сожалению, ничего не доказывает... Куда же он делся, черт побери? Он живет с Зинаидой в отдельном доме... Знаете, теплое насиженное место в пять минут не бросают. Да и Зинаида вряд ли захочет вот так сходу оставить выгодную работу в хорошем загородном доме.

— У нас мало времени. Ватсон укажет нам дорогу. Вперед! — скомандовала Рита.

Алексей поставил ногу на перекладину и стал спускаться. Пес был не готов к подобному подвигу, хотя в молодые годы штурмовал на собачьей площадке не слишком высокие препятствия и даже ходил по бревну.

— Держите пса! — крикнула Рита и вручила капитану упитанного бульдога. Пищик кое-как спустился вниз, одной рукой держась за лестницу, а другой придерживая тяжелого пса, который на всякий случай глухо порывивал.

— Ой, боюсь высоты! — пискнула Рита, глянув вниз.

— Всего второй этаж! Спускайся! — приказал Пищик. — Я тебя подстрахую.

И подстраховал, да как! Рита буквально упала с последних ступенек в его объятия. Капитан убедился, что Марго уже стоит на твердой почве, однако не спешил ее отпускать. Леха прижал Риту к себе и крепко поцеловал в губы.

— Капитан Пищик, мы на задании! — слабо пискнула Марго, однако не стала вырываться из крепких мужских рук, внезапно почувствовав себя в абсолютной безопасности. Она еще крепче прижалась к Алексею и тут заметила, что тает в его руках, как мороженое.

— Конечно, на задании! А разве кто-то с этим спорит? — спросил начальник следственной группы изменившимся, каким-то бархатным голосом. Он не отпускал руку девушки и смотрел на нее по-новому, с нежностью, в которой прежде капитан полиции был не замечен. Он обнял Риту за талию продолжал: — В данную минуту мы тщательно осматриваем место происшествия, откуда только что удрал подозреваемый. Леха с

наслаждением вдыхал запах волос девушки со знакомым легким ароматом зеленого яблока. Ватсон, наблюдая эту сцену, застыл в полнейшем изумлении. Наконец пес опомнился и возмущенно гавкнул.

— Хватит пялиться! Ищи! — приказала Марго бульдогу. Она дала Ватсону понюхать авторучку, которую прихватила в каморке охранника. Пес еще гавкнул и туго натянул поводок. Рита и Алексей рванули следом. Через несколько минут троица оказалась у входа в небольшой домик. На двери красовался большой замок, а рядом с ним висел листок с объявлением:

«Уехали в город по срочному делу».

— Без хозяйки дома в ее отношениях с прислугой нам не разобраться, — проворчал Леха и, приобняв Риту за талию, развернул ее в сторону хозяйского крыльца.

Когда они вернулись в холл, хозяйка по-прежнему сидела, закутавшись в плед и уставившись в одну точку. Казалось, она даже не удивилась тому, что сыщики явились через входную дверь, а не спустились с лестницы, по которой припустили за Анатолием несколько минут назад.

— Анжела, простите, но нам придется задать вам еще несколько вопросов, — сказал капитан, и хозяйка устало кивнула.

— Скажите пожалуйста, откуда у вас в доме появилась эта семейная пара — Зинаида и Анатолий? — приступил капитан Пищик к допросу.

— Ой, Алексей, я точно не знаю. Они присматривают за домом уже давно. Я никогда не интересовалась, где их нашел Константин Васильевич и кто их ему порекомендовал. Привыкла во всем доверять мужу, особенно в серьезных вопросах. Финансы, налоги, подбор домашней прислуги и охрана коттеджа — всем этим занимался Калюжный. Мне оставались быт, уход за малышом, культурная жизнь, развлечения, а главное — создание уютной и приятной атмосферы в семье. После нервной обстановки в первом браке Константин это особенно ценил. Знаете, Елена Ивановна постоянно закатывала мужу скандалы. Ну, а я... Честно говоря, мне было нетрудно выглядеть беззаботной и веселой. Еще бы! Муж и ребенок рядом, условия для жизни такие, о каких еще лет пять назад я и мечтать не могла. Зинаида с мужем брали на себя львиную долю домашних забот, иногда приходила няня, чтобы меня подменить. Одним словом, оставалось время и на салоны красоты, и на развлечения, к тому же ни денежные вопросы, ни быт меня не напрягали. Если бы Константин не умер...

Анжела подняла на капитана припухшие глаза и тихонько всхлипнула.

Алексей задал еще несколько вопросов, однако ответы хозяйки ясности не внесли. Работой помощников она была довольна, зарплату им платила исправно, ничего подозрительного не замечала. Анжела призналась, что считала Анатолия и Зинаиду практически членами своей семьи. Впрочем, когда проживаешь с помощниками на одной территории, такое, наверное, естественно.

— Если записка дело рук Анатолия, остается вопрос: зачем ему потребовалось вам угрожать, а Зинаиде его покрывать? — удивился Пищик.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Анжела. — Впрочем, в то, что ночью записку оставил Анатолий, я не особенно верю. Какой смысл прислуге, которой я хорошо плачу, меня запугивать? Они сами не раз говорили, что их устраивает присматривать за домом и жить за городом, в хороших условиях, практически на всем готовом.

— Остается узнать, куда они отправились, — сказала Рита, — возможно, это многое прояснит. Ватсон, след!

Ватсон, осознав важность момента, громко гавкнул и натянул поводок. Наспех простившись с хозяйкой, Рита и Алексей ринулись за псом. После небольшой пробежки бульдог уселся на площадке, заасфальтированной под автостоянку, гавкнул и взглянул на Риту и Алексея с плохо скрываемым презрением. Дескать, целовались-миловались на ответственном задании — вот и упустили двух подозрительных личностей.

— Вот черти! Зря удрали, все равно ведь найду! — капитан Пищик с досады тихо выругался и принялся звонить знакомым ребятам в ГИБДД, чтобы те отследили маршрут беглецов. Рита удивилась: оказывается, Леха время в отделе не терял, пробил и номер, и марку автомобиля персонала Анжелы. Наверняка и кое-какую другую информацию о них узнал. Как она теперь пригодилась!.. Вот что значит крутой профи! С такими вводными найти Анатолия и Зинаиду — лишь вопрос времени.

Вольнодумец покидает храм

Вечером, погуляв с Ватсоном, Марго охнула, поставила будильник на шесть утра и привычно приготовила длинную юбку, платок и кроссовки. Назавтра, едва продрав глаза и натянув «маскировочную форму», она отправилась по привычному уже маршруту в Бирюлево. Помогая Пищику, Рита пришла к выводу: ключ к разгадке ночного визита неизвестного гостя надо искать там же, где и ключ к смертям в «Марфино» — в окружении отца Фотия. Конкретнее — в секте православных антиваксеров, окопавшихся в Бирюлево.

Профессия обязывала Марго ежедневно просматривать прессу, как говорили коллеги, «мониторить новости», что она и делала каждое утро. На сайтах газет, причем, и консервативных, и оппозиционных — одним словом, любых, ежедневно появлялись сообщения о скандальных выходках антиваксеров. То они устраивали совместные вечеринки со своими знакомыми, заболевшими ковидом — чтобы заразиться от них естественным путем и получить антитела без вакцинации. То врывались толпой на какой-нибудь рок-концерт, чтобы не признаваться билетерам в отсутствии QR кодов. То какая-нибудь актриса или поп-звезда агитировала телезрителей отказываться от вакцинации и тем самым отодвигала окончание пандемии на неопределенный срок. Читая подобные сообщения ежедневно, Рита пришла к выводу, что антиваксеры в большинстве своем фанатики, а люди этого сорта запросто могут пойти на преступление. По их логике, убивая того, кто пропагандирует вакцинацию, они не совершают преступление, а, наоборот, избавляют человечество от новых жертв чипирования.

Марго подумала, что надо познакомиться с антипрививочниками поближе, изучить их, так сказать, теоретическую базу. Глубоко погрузившись в социальные связи этих людей, она, возможно, сумеет откопать под грудой случайных впечатлений правду о недавних событиях в «Марфино». Капитану Пищику нужны веские доказательства вины антиваксеров в смерти Калюжного. Косвенных улик их вины хватает: обрушение сайта «Вакцинация? Да!», записка с угрозами, оставленная в доме Анжелы, секта антиваксеров при храме, созданная руками неистового отца Фотия... Значит, и прямые улики рано или поздно будут найдены. Хорошо бы докопаться до истины поскорее... Ей, Рите, остается всего ничего: ухватиться за невидимый кончик нити и распутать клубок преступлений.

Лина вспомнила «Имя розы» и «Маятник Фуко» итальянского писателя Умберто Эко, в которых тот убедительно разоблачал церковных фанатиков и ханжей. Впрочем, и Дэн Браун, автор бестселлеров уровнем ниже, тоже к этой теме руку приложил. Одним словом, надо опять ехать в Бирюлево, возможно, там ее ожидают сюрпризы...

У входа в храм висело новое объявление, призывавшее прихожан молиться о болящих братьях и сестрах. К прежнему внушительному списку прибавилось еще несколько имен, и Рита подумала, что храм могут со дня на день закрыть на карантин. Ох, такой поворот событий им с капитаном совсем не к стати. Как ни крути, а ни на один вопрос, связанный с убийством в «Марфино», они пока не получили ответа.

День был теплым и солнечным. На паперти по-прежнему сидели и беззубо шурились на солнце местные бомжи. Разумеется, «птички божьи» никакие медицинские маски не признавали, ни о каких санитайзерах слыхом не слыхивали, однако пост на паперти, который застолбили за собой давным-давно, ни разу не оставляли. Похоже, новые вирусы к их проспиртованным красным носам не прилипали, впрочем, никакая другая зараза эту

веселую, вечно пьяную парочку тоже не брала.

Рита заметила, что прихожане подают нищим неохотно. Многие члены церковной общины за ковидный год лишились работы, потеряли в зарплате, пообтрепались и нынче считали себя ненамного богаче попрошаек на паперти. Это была чистая правда. Перед одним из юродивых лежал на ступеньке неплохой смартфон, на руке у другого были нехилые часы. Конечно, не такие, как у Патриарха, о которых столько шумела пресса, но тем не менее... Отсутствие с утра щедрых донаторов попрошаек не расстраивало. Они бойко крестились, встретившись глазами с кем-нибудь из входивших в храм, и весело просили «подать на мобильную связь». Хорошо одетый мужчина усмехнулся и бросил им в кепку 200 рублей.

— За наглость и находчивость. — прокомментировал он.

Рита шагнула в полутемный храм и, стоя в уголке стала дожидаться проповеди отца Фотия.

Слово пастыря после окончания литургии оказалось еще более пламенным и страстным, чем в прошлый раз.

— Совсем о душе не думаете! — метал священник с амвона грома и молнии поставленным, как у артиста Малого театра, голосом. В это утро он обличал прихожан с пафосом, достойным Чацкого в постановке провинциального театра. — Плохо молились, братья и сестры, грешили без счета — вот Господь и послал вам ковид в наказание! — рокотал батюшка, прожигая прихожан неистовым взглядом. — Ваши дети книг не читают, они плохо воспитаны, уровень культуры в нашем обществе упал ниже плинтуса. Образование перестало цениться, всех интересуют лишь золотой телец. Люди погрязли в стяжательстве, блуде, праздности. Вы часами играете в компьютерные игры, некоторые, я знаю, даже порнофильмы смотрят! Не удивительно, что потом вы молча, как бараны, бежите чипироваться! — метнул священник гневный взгляд в угол — туда, где стоял критик Македонский.

— Прививаться не грех, отец Фотий! Я получил QR код после двух прививок и этим горжусь. Кстати, каким я был, таким и остался. Никто меня не зазомбирова! — с достоинством подал голос кинокритик и похвастался, — Скоро отбываю на Каннский кинофестиваль. Без «Спутника» обратно не въедешь, а без «Пфайзера» — в Европу не впустят. Так что вернусь к вам из Канн дважды чипированным, — сообщил киновед даже с некоторым вызовом.

— Напрасно вы, дорогой мой, столь богопротивное занятие выбрали, — добродушно проворчал отец Фотий. — Разве пристало христианину смотреть так называемое «современное кино»? На этом вашем фестивальном экране — одни убийства и извращения.

— А вам, батюшка, откуда известны сии подробности? — ехидно поинтересовался критик Македонский. — Неужто вы смотрели фильмы Тарантино, Скорсезе и других современных мастеров?

— Братья и сестры! Господь сегодня послал нам этого несчастного, чтобы вы наглядно убедились: гордыня ведет к ереси, а там и до греха недалеко, — парировал батюшка с ловкостью спикера телешоу. — Признаюсь вам, я давно знаком с этим Фомой неверующим. Христианского смирения в нем нет ни на грош. Не берите с него пример, братья и сестры, не поддавайтесь соблазну гордыни, не умничайте! Молитесь о спасении души! — эффектно завершил священнослужитель воскресную проповедь.

Служба закончилась. Большинство прихожан потянулись из храма, однако ближний

круг отца Фотия, оживленно переговариваясь, отправился наверх по лестнице — в трапезную.

Рита еще с вечера подготовилась к традиционному чаепитию с новыми знакомыми: купила в кулинарии пирожки с капустой. Печь их самой было выше ее сил. Другие прихожанки тоже явились на дружеские посиделки не с пустыми руками. Женщины споро накрыли на стол, но трапеза все не начиналась. Собравшиеся успели изрядно проголодаться, поскольку утром не завтракали (исповедоваться и причащаться положено натошак), и нетерпеливо поглядывали на закрытую дверь. Клавдия напекла гору плюшек с корицей, и они источали умопомрачительный аромат. Отец Фотий все не появлялся, и прихожане ждали его с таким же нетерпением, как переполненный зал ждет выхода на сцену народного артиста. Наконец настоятель явился и молча занял место во главе стола. Лицо священника лучилось добротой, и сидевшие за столом догадались: батюшка готовится сказать слово пастыря, предназначенное только им, избранным и любимым прихожанам. Священник встал и прочитал молитву, положенную перед трапезой. Прихожане тоже поднялись и помолились, а когда наконец уселись за стол, батюшка неожиданно снова поднялся и тихо заговорил. Суть его короткого выступления была такова: из-за ковидного локдауна конференцию в Италии, посвященную всемирному чипированию христиан, отменили. Видимо, Богу было угодно, чтобы он, отец Фотий, не разлучался со своей бирюлевской паствой и окормлял неразумных чад своих.

Все обрадовались словам священника, зашумели, стали поздравлять друг друга с таким поворотом событий.

— Я мог бы вернуть вам деньги, пожертвованные на мою поездку в Италию, но, мне кажется, они будут с большей пользой потрачены на нужды нашего храма, — сообщил отец Фотий. Одобрительные крики прихожан и аплодисменты заглушили его слова.

«Эх, жаль критика Македонского практически изгнали из храма, — подумала Рита, — он бы непременно попросил отца Фотия уточнить, на какие именно нужды пойдут пожертвованные прихожанами денежки, и даже предложил бы показать платежные поручения, счета и акты выполненных работ».

— Друзья, я тоже хочу сделать небольшое объявление! — Рита поднялась с места. — Может быть, кто-нибудь из вас знает Анатолия и Зинаиду Чурбановых? Я разыскиваю их по одному важному делу.

Прихожане, собравшиеся за столом в трапезной, принялись переглядываться, шептаться и пожимать печами.

— Среди наших прихожан людей с такой фамилией нет, — наконец внесла ясность Клавдия. — Мы все давно друг друга знаем, но ни о каких Чурбановых не слыхивали. Ой, что же мы сидим-то! Угощайтесь плюшками, вчера вечером напекла.

Все заулыбались и потянулись к пирогам, плюшкам и прочим домашним вкусностям. Между тем отец Фотий заговорил о предстоящем митинге. Улыбка сошла с лица пастыря, в профессионально поставленном голосе зазвучали командирские нотки. В эту минуту мама Риты сказала бы о нем: «Ну вылитый секретарь парткома!». Родители рассказывали Марго и ее сестре Жене, что в советское время перед майской или ноябрьской демонстрацией в комсомольских и партийных организациях всегда проходили собрания. На них решалось, кто из сотрудников понесет лозунг, кто знамя, а кто притащит из дома баян или гитару. Негласно считалось, что на демонстрацию надо брать спиртное — чтобы греться во время вынужденных остановок на маршруте. Рита подумала, что в наше нестабильное время поход

на митинг тоже требует предварительной подготовки.

— Встретимся пятнадцатого на «Тверской», в центре зала, — перешел отец Фотий к орг. вопросам. Тут взгляд его уперся в Риту, и батюшка придал голосу начальственную строгость: — Чего это ты, матушка, сидишь, рот разинув, давай записывай! Все вопросы к Марии, — обратился он к пастве, — у меня дел с разрешительными бумагами хватает, так что вы уж сами, если что не поймете, с ней порешайте. Рита подняла глаза и заметила во взглядах прихожан ревность и даже зависть. — В целом за наш митинг отвечает Емельян, — завершил указания священник, и все присутствующие наконец перевели взгляды на Емелю.

В настороженных глазах сотрапезников Рита прочитала: «Ну и пролаза же эта Машка! Без году неделя в ближнем круге, а уже в любимицы отца Фотия пролезла!».

Марго вспомнила, что впервые с коллективной завистью столкнулась давным-давно, еще когда училась в первом «Б». В тот день учительница Анна Ивановна предложила классу выбрать ее старостой. Соседка по парте Аллочка в ту же секунду отобрала у Риты красивую заграничную ручку, которую одолжила на прошлом уроке, а хорошенькая девочка по имени Верусик громко заявила на переменке:

— Тоже мне староста! Колготки гармошкой и коса растрепанная!

Глубоко утонуть в воспоминаниях у Марго не получилось.

— Где эскизы плакатов, Емельян! — повернулся отец Фотий к Ритиному воздыхателю.

Емеля, громко сопя, достал из папки эскизы. Честно сказать, с тех пор, как Рита их впервые увидела, лучше они не стали.

— Да уж, не Репин ты, сын мой, — вздохнул священник и добавил: — и не Крамской. Затем вчитался и спросил: — А тексты-то кто писал?

— Вот она, — не слишком вежливо ткнул Емельян пальцем в Риту.

— Молодец, Мария! Замечательно! — похвалил отец Фотий. Рита заметила, что зависть в глазах прихожан в ту же секунду удвоилась. Клавдия откусила от пирожка, принесенного Марго, и во всеуслышание объявила:

— Фууу, кто это принес сюда такие черствые, к тому же, не домашние, а покупные пироги?

Полчаса назад Клавдия видела, как Рита выкладывала пирожки из пластиковой коробки, и прекрасно знала, чьи они. Однако не отказала себе в удовольствии унизить выскочку.

— Не нравится — не ешь, — спокойно сказала Рита.

Отец Фотий, как оказалось, услышал ее слова и подхватил:

— Вот-вот! Не нравится — не ешь! Кому не нравится, пусть не смотрит на наши плакаты. Я уверен, братья и сестры, как только мы их развернем, народу на митинге прибавится. Слушайте внимательно и запоминайте. Выходим из метро, вы быстро разворачиваете плакаты и баннеры и встаете в одиночные пикеты по периметру Пушкинской площади. По моему сигналу начинаете скандировать: «Нет чипированию! Нет зомбированию!» После этого я прочитаю небольшую проповедь. Надеюсь, священника в облачении, то есть меня, стражи порядка не тронут. Через полчаса быстро расходимся в разные стороны.

— Вы уверены, что власти разрешат митинг с подобной повесткой? — засомневалась Рита. — Сейчас все СМИ пропагандируют вакцинацию, и столичным властям вряд ли понравится наш демарш.

— С нами Бог! — назидательно сказал отец Фотий. — Все будет хорошо. В мэрии намекнули, что митинг разрешат. Мы же не иноагенты какие-нибудь, прости Господи!

Православная вера — наша духовная скрепа. Власти понимают, что многие люди в столице недовольны повальной вакцинацией. В общем, они готовы слегка выпустить пар. Показать, что у москвичей, дескать, есть и другое, альтернативное мнение.

Внезапно у Риты зазвонил телефон. Отец Фотий нахмурился. Пастырь- не любил, когда его перебивали. Марго извинилась и выскочила за дверь.

— Привет!

Сердце Риты застучало так громко, словно к нему подключили мощные усилительные колонки.

— Привет, — ответила она и замолчала, не зная, о чем говорить дальше. Продолжать официальным тоном после поцелуя у приставной лестницы было глупо, а намекать на новые отношения она пока не отваживалась.

— Агент Мария, срочно приезжайте к обычному месту встречи, вскрылись кое-какие новые обстоятельства.

Голос Алексея звучал по-деловому, видимо, капитан звонил с работы, однако в нем проявились новые, незнакомые Рите прежде нотки. Ей даже послышалась нежность, хотя капитан Пищик говорил отрывисто и сухо.

— Хорошо, — сказала Рита, замирая от счастья, что Алексей позвонил первым, — через час буду, диктуйте адрес.

Алексей, как обычно, подъехал к выходу из метро «Калужская» минута в минуту. Рита неловко залезла в автомобиль, путаясь в длинной юбке, которую не успела сменить после службы на привычные шорты.

— Куда мы едем? — спросила она, в глубине души надеясь услышать «ко мне».

— Сейчас поймешь, — сказал капитан, выруливая на привычную дорогу в «Марфино».

— Зачем мы едем в больницу? Что ты задумал? — от волнения Рита продолжала засыпать капитана вопросами, не заметив, что перешла на "ты".

— Пока не знаю, — честно ответил капитан. — Решил взять тебя с собой, потому что вы, женщины, более наблюдательные. С утра позвонил главврач Куценко и сказал, что появились вновь открывшиеся обстоятельства. Как тебе, наверное, известно, у следователей воскресений не бывает, вот я и решил метнуться в клинику. Надеюсь, воскресный вечер мы проведем более интересно.

В ответ на последнюю фразу, которую Рита втайне ждала услышать, она растерялась и впервые не нашлась, что сказать. Марго почувствовала, что щеки предательски запыхали, приложила лоб к прохладному стеклу и слегка дотронулась рукой до Лехинового плеча...

В клинике было тихо и пусто. Время приближалось к обеду. Врачи и медсестры, дежурившие в воскресенье, наверное, уже достали свои ланч-боксы в ординаторских и разогревали котлеты или сырники, принесенные из дома, в микроволновках и заваривали кофе или крепкий чай в кружках.

— Доктор, вы пообещали сообщить мне кое-что новенькое, вот я и примчался сюда, не дождавшись понедельника, — сказал капитан Пищик, ворвавшись в кабинет главврача вместе с Марго.

Доктор Куценко окинул ироничным взглядом длинную юбку Марго и рваные джинсы капитана Пищика. Вид у парочки был еще тот! Хиппи, а не следователь и журналистка при исполнении! В воскресенье капитан иногда позволял себе расслабиться и выглядеть обычным модным парнем. Ну, а Рите в последнее время было не до переодеваний. Выйдя из храма, она лишь сняла платочек и распустила конский хвост, чтобы выглядеть не слишком прилизанной и кроткой.

Главврач Куценко продолжал молча изучать новый прикид парочки, словно прикидывая, стоит ли доверять «молодой шпане» эксклюзивную информацию.

«Точно так же отец Фотий вглядывался в лица своего «комсомольского актива» нынче утром и держал паузу, которой позавидовали бы легендарные старики Художественного театра, — подумала Рита. — Не иначе доктор тоже сенсационное сообщение готовит».

Капитан стойко выдержал долгий взгляд эскулапа и спросил:

— Так какие новые обстоятельства открылись вам, доктор?

— Вчера я попросил врача-интерна скинуть мне папки из рабочих компьютеров Надежды Петровны и Ирины Львовны.

Куценко говорил медленно и тихо. В его голосе слышались не бодрые докторские, а непривычные для врача печальные нотки.

— Дело в том, что Надежда Петровна вела нескольких больных, — продолжал он. — К счастью, все они пошли на поправку, и ей пришлось готовить одновременно несколько выписок из историй болезни. Как известно, документы мы пишем «для прокурора». Надежда

Петровна готовила все выписки очень тщательно, папок и файлов на ее рабочем столе оказалось довольно много. Так вот, когда я просматривал эти файлы, скачанные врачом-интерном, наткнулся на название одной папки — «Калюжный». Залез в нее, чтобы лишний раз убедиться: стратегия лечения Константина Васильевича и все врачебные назначения были выбраны верно. К моему изумлению, в этой служебной, так сказать, папке оказался еще один файл — «Ангела». Впрочем, не так уж это странно. Вы ведь знаете, что врача и жену пациента связывали дружеские отношения? Надежда Петровна нередко выступала на ютуб канале Анжелы Тарасовны Карпенко, помогала ей направлять деньги фонда в нужное русло, в том числе, и на счет нашей больницы. В общем, я прочел этот файл, чтобы прояснить позицию нашего доктора относительно вакцин. В конце файла оказались и другие, более частные записи. Углубившись в них, я понял: Надежда Петровна консультировала Анжелу Карпенко как семейный доктор.

— Не вижу в этом ничего странного, — пожал плечами Алексей, — Ангела доверяла Надежде Петровне как опытному врачу, потому и спрашивала ее профессиональных советов. Не сомневаюсь: она щедро благодарила семейного доктора за приватные консультации.

— Вы правы. Ничего необычного. Кроме последней фразы в дневнике Крымовой: «По некоторым признакам Ангела, кажется, беременна. Я посоветовала ей сходить на прием к гинекологу и поменьше нервничать. В ее поведении в последнее время наблюдаются некоторые странности. Подобные иногда встречаются у беременных. Буду настоятельно просить ее показаться психиатру». Видите, что пишет доктор: «к пси-хи-ат-ру»! Теперь вы понимаете, что доверять беспочвенным подозрениям Карпенко относительно смерти ее мужа и наших врачей не стоит?

Алексей и Рита переглянулись.

— Спасибо, доктор, это действительно важная информация, — сказал капитан Пищик, — мне кажется, она многое объясняет.

— Мы могли бы поговорить с Галиной Михайловной Муромцевой? Она ведь, кажется, была ученицей и доверенным лицом Войцеховской? — попросила Рита.

Куценко кивнул, предупредил интерна Муромцеву по телефону, и в ту же секунду забыл о посетителях. Рита и Алексей еще только направлялись к выходу из кабинета, а главврач уже отдавал распоряжения секретарше и распекал кого-то по мобильному.

Все еще больше запутывается

Галина Михайловна Муромцева уже не выглядела такой измученной, как в прошлый раз, видимо, воскресное дежурство оказалось чуть легче предыдущих. Блестящие рыжие волосы свободно падали на плечи, на белокожем, с симпатичными веснушками лице теперь не было видно красных следов от очков и защитного капюшона. К приходу посетителей докторша успела подкрасить губы красно-коричневой помадой и подвести карандашом зеленые глаза.

— Извините, доктор, что явились в обед, — сказал капитан. — Мы вас не задержим. У нас, собственно, к вам один вопрос.

Алексей устроился напротив Муромцевой за маленьким столиком, а Рита приземлилась в удобное кресло в сторонке, чтобы не мешать капитану вести допрос.

— Крымова рассказала вам, что вдова Калюжного беременна? — спросил Пищик.

— Простите, но мы не обсуждаем родственников наших пациентов. — сказала врач с металлом в голосе. — Это идет вразрез с врачебной этикой.

Муромцева подняла взгляд на непрошенных гостей. Ее глаза, которые еще минуту назад были изумрудно-зелеными, внезапно приобрели оттенок морской волны во время шторма, а на переносице появилась морщинка, придавшая молодому лицу суровость и вмиг лишившая его юной миловидности.

— Но вы ведь были дружны с доктором Крымовой? — не отступал капитан. Маргс подумала, что Алексей сейчас похож на шахматиста, который разыгрывает новую партию, просчитывая ходы наперед и осторожно подбираясь к эндшпилю.

— Надежда Петровна, если вы помните, была моей начальницей. Не знаю, как у вас в полиции, но у нас в частной клинике руководство привыкло отдавать подчиненным приказы, а не советоваться с ними и, тем более, не обсуждать с интернами пациентов и их родственников. Если честно, с нами, молодыми специалистами, здесь не особенно считаются.

— Простите, но главврач Куценко сказал, что именно вы скинули ему на флешку папки и файлы из компьютеров Крымовой и Войцеховской, — подала Рита голос из своего угла.

— И что с того? — спросила Муромцева с нажимом.

— Неужели вам, молодому врачу, не захотелось ознакомиться со стратегией лечения, которую применяла Крымова, поучиться у Надежды Петровны составлять грамотные выписки из истории болезни? Кстати сказать, в файле, куда она заносила все сведения о Калюжном, Надежда Петровна оставила запись о предполагаемой беременности его жены.

— Простите, мне некогда читать чужие записи и тем более ставить диагнозы чужим частным пациенткам, — холодно сказала Муромцева. — Своих обязанностей выше крыши. Кстати сказать, обеденный перерыв закончился, пора идти работать. У нас с таймингом строго. Чуть опоздаешь на вызов в палату пациента, в особенности ВИПа, — сразу же налетишь на крупный штраф.

Докторша поднялась со стула и выразительно посмотрела на незваных гостей. Рите с Алексеем ничего не оставалось, как встать, проститься с девушкой и выйти в коридор.

Гонки на каталках

В плохо освещенных коридорах воскресной клиники было пусто. Не пробежали мимо, как в будни, стайки врачей и медсестер, спешивших на конференцию или на совещание к главврачу, не семенили сестры-хозяйки с полученным у завхоза инвентарем, сотрудники буфета не толкали впереди себя ящики с продуктами на тележках. Наверное, в этот час медработники гоняли чай, закрывшись в ординаторских, надеясь, что воскресное дежурство пройдет более-менее спокойно. Из-за пандемии посетителей не пускали в клинику даже в воскресенье. На первый взгляд, могло показаться, что «Марфино» опустело, хотя, разумеется, это было не так.

Рита и капитан Пищик решили сократить путь к автостоянке, где их ждал автомобиль. Не раздумывая, они нырнули в подземный переход, соединявший корпуса больницы. Там оказалось не так чисто и красиво, как в парадной части клиники, и это еще мягко сказано. Низкие потолки, трубы, обмотанные паклей, тусклые светильники... Сыщики быстро шли по коридору, и их сопровождали собственные огромные тени. Рите сделалось не по себе и, чтобы побороть страх, она глупо захихикала.

— Похоже на портал в иные миры, — прошептала Марго, — интересно, не разгуливают ли где-то рядом привидения? Души умерших пациентов «Марфино» вполне могут обитать в этих подвалах и пугать по ночам дежурных медиков.

— Во-первых, сейчас не ночь, а белый день, — усмехнулся Алексей, — во-вторых, ты со мной, а, в-третьих, не родились еще такие привидения, которых бы испугался капитан российской полиции.

Как только он это сказал, от стены со звоном отскочил кусок штукатурки. Потом еще один, и еще... Не успела Рита сообразить, что это было, как Леха дернул ее за руку.

— Пригнись! — прошептал он. — Какой-то псих открыл на нас охоту.

— Где он? — тоже шепотом спросила Рита.

— Если бы я знал! Бежим! По движущимся мишеням попасть сложнее.

Они рванули по лабиринту подземных коридоров так быстро, словно сдавали нормы ГТО. Рита вырвала свою руку из пальцев Пищика. Так было легче бежать, размахивая на ходу руками. Вскоре топот шагов за спиной стих. Похоже, невидимый стрелок утомился и отстал.

— Он может поджидать нас у выхода из подвала, — прошептал Пищик, стараясь восстановить дыхание.

Внезапно на повороте бегуны увидели пустую медицинскую каталку. Кто и с какой целью ее тут припарковал, было загадкой, однако судьба очень кстати подкинула им этот «гужевой» транспорт.

— Ложись! — крикнул Леха. Рита плюхнулась животом на каталку, и капитан побежал вместе с ней по подземному коридору. Быстрее, еще быстрее, ух! Рита вспомнила, как несколько лет назад доктор Амир катил ее с такой же скоростью в операционную, и она так же, как сейчас, боялась свалиться с каталки на полном ходу и судорожно сжимала пальцами ее холодные металлические края.

«И гонки, и стрельба — почти биатлон! — подумала Рита. — Комментатора Губерниева не хватает! Уж он бы на нас оттоптался!».

Вскоре они оказались у грузового лифта. К счастью, кабина стояла в подвале с открытой дверью, словно специально поджидала их. Алексей подал руку, Рита спрыгнула, неловко

наступив ему на ногу, но капитан даже не выругался по привычке. Он втолкнул ее в лифт, нажал кнопку с надписью «1 этаж», и кабина медленно поползла вверх. Сердце Риты опять сыграло громкую дробь, и она подумала:

«Любовь и страх, оказывается, заставляют сердце стучать одинаково громко».

Выйдя из лифта, Марго и Алексей огляделись. Направо была дверь с табличкой «Приемный покой», налево скучал охранник. Не глядя, он взял у Риты и Алексея пропуска, подписанные главврачом Куценко, и объяснил, как пройти на автостоянку.

— Интересно, кому мы сегодня перешли дорожку? — спросила Рита, когда они уселись наконец в машину.

— Я и сам хотел бы это узнать, — честно признался Леха. — Поехали ко мне, проведем в тишине мозговой штурм.

— Может, стоит вернуться и рассказать обо всем Куценко? — засомневалась Рита.

— Если бы перед нами стояла цель спугнуть преступников, я бы так и поступил. Но такой цели у нас нет. Лишние слухи и разговоры в клинике нам ни к чему.

Леха нажал на газ, и его старенький автомобиль, фыркнув пару раз для порядка, помчался по шоссе в сторону столицы.

Мозговой штурм

— Никогда бы не подумала, что мозговой штурм может проходить в кровати.

Рита лежала на спине, положив руки под голову и счастливо смеялась.

— А? Что? — спросил Алексей, просыпаясь и слегка смутившись того, что внезапно задремал.

Они начали целоваться еще в машине, возле Лехино дома, а потом помчались к подъезду почти с такой же скоростью, с какой неслись недавно по подземному коридору больницы.

«Страх и желание секса — два базовых инстинкта, лишь они заставляют человека мчаться куда-то сломя голову, а сердце выстукивать дробь», — опять подумала Рита. В этот раз она не отпускала руку Лехи, наоборот, сжимала ее так крепко, как могла, опасаясь, как бы тонкая нить, с недавних пор протянутая между ними судьбой, внезапно не оборвалась. Больше всего на свете Марго хотелось в эту минуту, чтобы любой, даже маленький зазор между ними исчез, и она, как сахар в чае, растворилась в этом странном парне, в которого успела по уши втрескаться. Как говорится, никогда не говори «никогда». Криминальный репортер Вездесущая Мышь еще недавно терпеть не могла ментов, а уж представить, что она влюбится в одного из них... Скажи ей кто-то месяц назад, что это возможно, она сочла бы такого человека круглым идиотом. Более того, Рита частенько подтрунивала над соседкой Ольгой Петровной, вечно смотревшей детективы на канале «ТВЦ» и военные фильмы на «Звезде». Соседка смущенно объясняла свое увлечение боевиками и детективами тем, что хочется хотя бы иногда посмотреть на настоящих мужиков, а мужчины в погонах, хоть армейских, хоть милицейских, по крайней мере, не маменькины сынки и не хлюпики.

«Ой, при чем тут погоны! Это же та самая пресловутая химия, о которой пишут в женских журналах!», — внезапно подумала Рита и рассмеялась. Хихиканье было не слишком кстати, но Марго уже не могла остановиться, наверное, сказало напряжение последних часов. Она хохотала все громче. Понимала, что это не веселье, а самая настоящая истерика, но не могла остановиться.

— Не вижу повода для смеха, — сказал Пищик. Он мягко втащил Марго в лифт и там, прижав к зеркалу, крепко поцеловал, прервав наконец истерический хохот Вездесущей Мыши.

Когда лифт остановился на десятом этаже, они с трудом отлепились друг от друга, и Рита снова рассмеялась, только теперь уже не истерическим, а звонким, как колокольчик, счастливым смехом.

— Ты что? Опять? — изумился Алексей, — Я такой смешной?

— Прости, смешинка в рот попала. Знаешь, я подумала: мы ведь с тобой не соблюдаем сейчас социальную дистанцию. К тому же, мы оба без масок.

— Поцелуй через маску — это что-то новенькое! — рассмеялся вслед за ней Леха.

— Ладно, — развеселилась Рита, — если мы обменялись вирусами, как смешинками, болеть будем вместе.

— Вот еще! — в свою очередь развеселился Алексей. — Какие еще вирусы? Мы же сделали прививки, значит, абсолютно здоровы. Во всяком случае, у меня появилось вполне здоровое желание здорового мужчины.

— А как же мозговой штурм? — опять захихикала Рита.

— Успеется, — сказал Леха и, внезапно обхватив Риту под мышки, посадил ее на комод, стоявший в коридоре. Дальше все произошло, как в ускоренной перемотке киноленты. Визг молнии, нежность мужских рук, упавшая на пол юбка, Ритины ноги, крепко обхватившие Леху за талию. Когда он оказался внутри нее, Марго замерла. Ей показалось, что они стали подниматься вверх, как на американских горках. Выше, выше, еще чуть-чуть... Все, нет сил больше оставаться на вершине. Миг — и они стремительно помчались вниз. Центростремительная сила все теснее прижимала, вот они уже почти растворились друг в друге... В похожий момент люди на американских горках всегда кричат, и Рита, не в силах сдержать восторг, тоже закричала.

После душа они лежали в узкой Лехиной кровати, засыпали, просыпались, крепко прижимались друг к другу загорелыми плечами, вдыхая свежий запах кожи друг друга.

«Ну вот же она, химия же между нами!» — подумала Рита, замирая от счастья.

Внезапно Марго заметила шрам на руке любимого мужчины и поцеловала его.

— Что это?

— Один идиот чиркнул в армии «розочкой» от бутылки, когда я заступился за другого идиота.

— Ужас! — прошептала Рита.

— Обычные дела в армии! — отмахнулся Алексей. — Вот когда мне оказалось не в чем после дембеля домой ехать — это был приколы. Пришлось мобильник продать, армейский ремень одному пацану толкнуть, сунуть кое-кому денег, чтобы на складе форму поновее выдали, аксельбанты для красивой дембельской фотки к кителю пришить. Потом по пояс в снегу до станции два часа тащился, чтобы быстрее домой попасть...

— Ты мой герой, — сказала Рита, положив голову Лехе на грудь.

— Пока еще нет, — вздохнул он. — Вот когда найдем убийцу Калюжного и его врачей, тогда будешь меня хвалить. Короче, приступаем к мозговому штурму.

Рита, услышав про мозговой штурм в кровати, не выдержала и прыснула.

Капитан Пищик, осознав комичность своего предложения, рассердился разом и на нее, и на себя и скомандовал:

— Да, здесь не самое подходящее место для аналитики. Перемещаемся в кухню. Быстро одевайся. Сейчас сварю мой фирменный кофе и начнем наконец работать.

Алексей выложил на стол чистый листок бумаги и принялся рисовать на нем кружки и стрелки. В кружки попали Анжела, Калюжный, Крымова, Войцеховская, Зинаида, Анатолий Емельян, Геша и Глаша, главврач Куценко и настоятель храма в Бирюлево отец Фотий. Стрелками были соединены все персонажи этой странной настольной игры, кроме Гешы, Глаши и отца Фотия. Их участие в этой истории было пока не доказано.

— Итак, какие у нас версии? — строго спросил Леха, подражая грозной интонацией полковнику Жолобову.

— Пока под подозрением только Зинаида и Анатолий, — пожала плечами Рита, передвигая кругляшок печенья от них к Анжеле и к Калюжному. — Они сбежали от нас, значит, по-любому виноваты.

— Не факт, — пожал плечами Леха. — Может, просто испугались, что во время следствия вылезет какое-нибудь их мелкое жульничество. Анжела ведь прислугу не слишком проверяла, в последнее время ей было не до того. И вообще она привыкла, что все серьезные вопросы муж решал. Подозреваю, что эта парочка проворачивала за ее спиной кое-какие делишки в свою пользу.

— Против остальных у нас вообще ничего нет, — сказала Рита.

— А Емельян, который обрушил сайт Анжелы?

— Обрушить сайт и убить трех человек — согласишься, не одно и то же.

— Сегодня я с тобой, Марго, во всем согласен, — сказал Пищик и нежно поцеловал Риту в губы. — О, дэпээсники звонят! — спохватился он, — Прости, я должен ответить.

— Нашли автомобиль по моему запросу? В машине находятся Чурбановы — Анатолий и Зинаида? Отлично! Задержите, пожалуйста, их под любым предлогом. Скоро буду.

— Где же они? — Рита дернула его за футболку, еле сдерживала нетерпение.

— Ты удивишься, но...

Новый звонок заставил Алексея отложить объяснения.

— Капитан Пищик? — зарокотал в трубке начальственный бас. Рита вздрогнула и вопросительно уставилась на Леху. Тот зажал трубку рукой и прошептал:

— Тссс, шеф звонит!

— Алексей, ты где? — продолжал басить Жолобов.

— Как ни странно, дома, товарищ полковник. Учítывая, что сегодня воскресенье, мне кажется, я имею на это право.

— Ладно, Леша, права будешь качать, когда мы все процессуальные действия по делу Калюжного завершим. Слушай меня внимательно.

— Слушаю, товарищ полковник! — рявкнул капитан так громко, что в буфете звякнула посуда. Однако бас полковника перекрыл этот жалкий звон:

— Анжела Карпенко позвонила мне вчера во взвинченном настроении, чтобы, как обычно, наехать на тебя, на меня и до кучи на весь наш отдел. Я, разумеется, ее спокойно выслушал и только собрался ответить, как связь прервалась. Ну, ты меня знаешь, последнее слово всегда должно оставаться за мной. Я перезвонил, в ответ — длинные гудки. Еще раз набрал — опять никто не ответил. С тех пор время от времени набираю ее номер, но результат тот же самый, то есть, нулевой. Прошу тебя, Леш, смотайся, Христа ради, к этой скандальной дамочке. Что-то беспокойно у меня на душе. Когда ее найдешь, попроси перезвонить полковнику Жолобову, то бишь, мне.

— Так точно, товарищ полковник!

— Жду сообщений — от нее и от тебя.

— Есть!

Алексей отключил смартфон и увидел, что Рита исчезла из кухни. Куда она подевалась, черт побери?

Репортер Мышкина стояла в прихожей в полной боевой готовности и ждала распоряжений капитана Пищика.

— Вначале — к Анжеле, затем — на пост ГИБДД, — скомандовал он.

— Есть! — слегка передразнила его Рита и не по уставу чмокнула в щеку.

Исчезновение

Марго показалось, что они домчались до особняка Анжелы слишком быстро. Ей хотелось долго-долго ехать с любимым мужчиной по шоссе, наслаждаясь подмосковными пейзажами по обеим сторонам дороги, слушать отрывистые реплики Алексея, улавливать в его голосе новые, бархатные нотки — в общем, Рита предпочла бы как можно дольше пребывать в состоянии «послевкусия от любовного напитка», как сказали бы в позапрошлом веке. Пролетавшие мимо зеленые холмы, леса и перелески были созвучны новому чувству, которое росло и расцветало в ее душе, постепенно наполняя до краев радостью — так шампанское вливается в хрустальный фужер на тонкой высокой ножке, переполняя его, искрясь и обещая праздник. Прежняя дорога — скучноватая, казавшаяся бесконечной, теперь выглядела в глазах Марго красивой, но слишком короткой. Рите хотелось, чтобы их совместный путь не кончался долго-долго — как прекрасная мелодия в наушниках или хороший фильм...

Машина с визгом затормозила у ворот знакомого особняка. Рита нетерпеливо нажала на кнопку звонка, прикрепленную под видеокамерой, но никто не отозвался. Капитан Пищик нежно отодвинул Марго и позвонил еще и еще раз, долго не отпуская кнопку звонка. Результат был прежним. Он набрал в мобильнике номер Анжелы, в ответ раздались длинные гудки, а потом робот сказал, что абонент недоступен. Похоже, шеф беспокоился не напрасно.

Марго заглянула в щель между забором и калиткой. Никакого шевеления на участке, никаких звуков и шорохов в доме. В окнах за легкими занавесками не наблюдалось ни малейшего намека на то, что дом обитаем.

— Интересно, куда исчезли хозяйка и ее сын? Анжела ничего не говорила об отъезде, — прошептала Рита.

— Придется опять рисковать, другого выхода нет. Я сейчас!

Леха нырнул в машину и вылез со складным ящиком подмышкой. Он долго тащил Риту за руку вдоль высокой ограды и наконец остановился. Оказалось, гуляя в прошлый раз вдоль забора в компании Риты и Ватсона, Леха успел заметить небольшой холм, немного сокращавший высоту ограды. Капитан Пищик быстро сложил ящик из плоских панелей, залез на него, приказал Рите ждать, затем подтянулся на руках и вскоре исчез за забором.

Рита облокотилась о березу и принялась считать вслух секунды. Тридцать, шестьдесят, сто... В голову лезли фантазии одна глупее другой. Усилием воли она отогнала их и решила, что капитан Пищик, наверное, метко стреляет, значит, шанс уцелеть у него есть.

Наконец из-за забора показалась Лехина макушка, а затем и сам капитан.

— Привет! — крикнул он и легко спрыгнул на землю.

— Что? Как? — затормошила его Рита.

— Дом закрыт наглухо, в окна никого не видно, все мои крики и стуки остались без ответа. Похоже, Анжелы в доме нет. Или...

— Что «или»? — похолодела Рита.

— Догадайся сама. Агент должен быть догадливым. Возможно, там нет живой Анжелы но нельзя исключить...

— Надо вскрывать дом! — завопила Рита, не дожидаясь продолжения. — Может быть, мы еще успеем спасти ее и малыша!

— Двух — настоящего и будущего, — мрачно поправил Леха и добавил: — Мы не имеем права врываться в чужой дом без ордера на обыск, это тебе не кино.

— Имеем! Тебе что, не хватает четвертого трупа для полного счета? Твоего полковника Жолобова подобная математика вряд ли обрадует!

Алексей крикнул, поднял Риту за талию так высоко, как сумел, и она, с трудом подтянувшись, уселась на заборе. Марго чувствовала себя птичкой на жердочке, с ужасом смотрела вниз и не решалась спрыгнуть. Леха тем временем влез на ящик, подтянулся и ловко спрыгнул на землю с противоположной стороны. Затем он протянул вверх руки и аккуратно принял в них Риту, не забыв на секунду прижать к себе. Пригнувшись и стараясь не попадать в поле зрения видеокамер, расположение которых они запомнили с прошлого раза, сыщики рысцой рванули к дому. Соблюдая осторожность, они обошли коттедж по периметру и увидели, что хлипкая лестница была по-прежнему приставлена к открытому окну на втором этаже. Видимо, хозяйка так поспешно покинула дом, что не обратила на подобную «мелочь» внимания.

Сыщики молча переглянулись, и Рита храбро шагнула на первую ступеньку. Леха придерживал лестницу и страховал ее снизу, потом буквально взлетел следом и гордо взглянул на подругу: дескать, знай наших!

Стараясь ступать как можно тише, они обошли все комнаты. Никого! Затем осторожно спустились на первый этаж. Пусто! Ни Анжелы, ни Костика-младшего... Рита и Алексей молча переглянулись, поднялись в комнату охраны, включили монитор, и перемотали назад запись с действующих камер.

— Смотри! — закричала Рита, показывая пальцем в угол монитора, где появилось изображение одной из камер.

— Куда смотреть-то? — Леха вытянулся в струнку, как гончая собака, почуявшая дичь.

— Вон туда! Видишь угол машины за забором! А вот кто-то в белом плаще быстро идет по дорожке. Лицо закрыто маской и челкой, глаз почти не видно. Смотри: уже этот «кто-то» вместе с Анжелой и с ее сыном выходит из дома. Хозяйка закрывает дом на ключ, затем идет к воротам под руку с сопровождающей ее незнакомкой (или с незнакомцем, под плащом пол не разобрать), усаживает ребенка в детское кресло, затем сама садится в машину — и та срывается с места. В камеру попала только часть номера автомобиля.

Алексей взъерошил волосы и мрачно сообщил:

— Блин, придется прямо сейчас признаться шефу, что я все профукал. Дескать, пока я отдыхал в мой законный выходной, Анжела с сыном уехала неизвестно куда, неизвестно, с кем и неизвестно зачем. Прикинь, что он мне на это скажет?

— Звони уже скорей!

Капитан набрал в грудь побольше воздуха и выпалил:

— Георгий Владимирович, мне удалось попасть в дом Анжелы Карпенко, хотя было непросто. Это хорошая новость.

— Говори быстрее плохую, — проворчал шеф.

— Дом пуст. Анжелу и ее сына куда-то увезли!

Леха сказал это неожиданно тихо. Рита даже слышала, как щебечут за окном птицы. Тишина длилась недолго. Шеф загрохотал в ответ так, что Марго смогла разобрать каждое его слово:

— Кто увез? Куда увез? Вы даже этого не знаете, капитан Пищик! Немедленно разыщи Карпенко и ее сына! Где хочешь и как хочешь! Не хватало еще, чтобы у нас заявители

пропадали! Завтра я должен знать, где она находится.

— Есть! — отозвался капитан и отключился, не дожидаясь более крепких начальственных выражений.

В ту же минуту смартфон ожил.

— Блин, совсем забыл! Это же дэпээсник! — выругался Алексей в сторону и рявкнул:

— Капитан Пищик слушает!

— Капитан, по вашей ориентировке мы задержали Зинаиду и Анатолия Чурбанова, — отрапортовал голос в телефонной трубке. — Вы обещали приехать час назад, почти два уже прошло, а вас все нет. Что прикажете делать с задержанными и с их автомобилем? Мы не можем держать их на посту ГИБДД вечно.

— Задержите их еще на час! Под любым предлогом! Скоро буду! Да, у меня к вам еще одна просьба. Необходимо срочно выяснить, где находится «ниссан» цвета металлик, выехавший из коттеджного поселка «Березки» с двумя взрослыми и с ребенком в автокресле. У меня есть только часть номера... — Пищик назвал цифры, которые были видны на записи с видеокамеры.

— Задачу понял. Будем искать! — бодро отрапортовал голос. — Предупреждаю, капитан, нам потребуется время.

— Ищите быстрее, времени нет вообще! Никакого! — завопил капитан в трубку и отключился.

Неожиданное открытие

Чурбановы сидели на посту ДПС уже несколько часов. Неудивительно, что парочка встретила Алексея и Риту взглядами, полными ненависти. Вид у супругов был измученный и усталый.

— Какого черта нас здесь закрыли? — перешел с порога в наступление Анатолий. — Если вы нас действительно задерживаете, предъявите постановление прокурора.

— Предъявим, даже не сомневайтесь! Когда времечко придет... — Капитан Пищик произнес эти слова уверенно, хотя никакого постановления, разумеется, у него не было, как не было и серьезных улик против семейной пары. Однако отпустить задержанных, не задав им пару вопросов, он не мог.

— Объясните, пожалуйста, почему вы так быстро уехали из дома Анжелы Карпенко, не дождавшись окончания допроса? — спросил капитан.

— У нас были на это личные причины.

Анатолий уставился на потрепанный кроссовок и засопел.

— Какие именно?

— На этот вопрос отвечать не будем, — ринулась на помощь мужу Зинаида. — Мы не крепостные, имеем право ехать, куда хотим. Вы ведь не собираетесь нас арестовывать? Вот именно: не за что! Вы даже подписку о невыезде с нас не взяли.

— Тогда следующий вопрос. Почему в доме Карпенко и на ее участке не работали многие видеокамеры? — не отступал Пищик.

— Это вы у хозяйки спрашиваете, почему она деньги на новые камеры взамен поломанных не выделяла. Мы что, на свою зарплату должны их покупать?

Анатолий злобно зыркнул серыми глазками сначала на Алексея, потом на Риту. Он не собирался сдаваться. Капитан все равно ничего серьезного предъявить не сможет. Мол, знаем мы эти ментовские приемчики — вначале запугать, чтобы потом заставить сознаться в том, чего не совершал.

— Почему мой пес, увидев вас, залаял так, словно обнаружил нарушителя? — спросила Рита. — Кстати, Ватсон — собака рабочая, он четко выполняет все команды и, если указывает на кого-то или что-то, это не пустое гавканье дворового бобика, а работа с предметом.

— Не собираюсь гадать, что ваш кобель обо мне подумал.

— Сейчас поймете! Предварительно я дала Ватсону понюхать листок с угрозами Анжеле, — продолжала Марго, — понюхав вас, пес учуял знакомый запах и подал мне сигнал. Признавайтесь, это вы принесли ночью Карпенко записку с угрозами?

Анатолий обвел Леху и Риту растерянным взглядом, вытер пот, выступивший на лбу крупными каплями, вздохнул и брякнул решительно, словно шапку оземь бросил:

— Ну ладно, хотите правду — ловите. Скажу, а то не отвяжетесь. Да, это я принес записку в дом. И что? Обычный, блин, прикол. Ну не нравятся нам с Зинкой вопли и стоны Анжелы, призывающие всех поголовно чипироваться, вот мы и решили хозяйку чуток припугнуть, чтобы притормозила с агитками о всеобщей вакцинации. Не верим мы в эти ваши вакцины и прививаться не собираемся. Пусть дураки впускают в себя неизученную отраву. Правда, дураков тоже жалко.

— А почему вы так спешно удрали из дома, если вам нечего скрывать? — Рита

перехватила инициативу у капитана Пищика и перевела взгляд с Анатолия на Зинаиду.

— Ладно, скажу, вернее, покажу. Вот, смотрите.

Анатолий раскрыл молнию на большой дорожной сумке. В сумке лежало несколько коробок.

— «Видеокамера» — прочитал вслух Алексей надпись на верхней коробке.

— Что это? — не поняла Рита.

— Специально для вас, девушка, читаю по складам: «Ви-де-о-ка-ме-ра», — раздраженно сказал Анатолий.

Рита застыла на стуле с открытым ртом.

— Чтооо? — спросил капитан, пораженный не меньше Риты.

— Читайте еще раз надпись на коробке, если не верите, — предложил охранник.

— Вы что, решили за свой счет восстановить не работавшие в хозяйском доме видеокамеры? — сообщила Рита. — К чему такое рвение и такие траты?

— Это вы, вы во всем виноваты! Приперлись в дом, стали повсюду рыскать, вынюхивать, копать под нас... Рано или поздно все равно докопались бы, — прошипела Зинаида. — Вот я и сказала Анатолию, чтобы он добровольно восстановил то, что раньше стырил.

— В смысле? Что значит «стырил»? — уставился на нее капитан Пищик.

— В прямом, — пробормотала Зинаида и продолжила. — Калюжный время от времени выделял немалые деньги на закупку новой аппаратуры. Он любил, чтобы в доме было все самое-самое крутое и современное. Как только Константин Васильич убеждался, что камеры установлены в нужных местах и все исправны, мой Толик возвращал на место старые, а новые толкал на рынке — разумеется, со скидкой. Мы с мужем давно решили: а нафига эти камеры вообще нужны, если мы и так постоянно на месте? За нами следить? Нет уж, дудки! Короче, все так хорошо шло, и тут вы явились, да еще принялись со своим кобелем все вынюхивать да выглядывать. Вот мы и подумали: хватит рисковать, дразнить полицию, вызывать лишние подозрения. Короче, решили мы с Толиком купить новые камеры. Подешевле, конечно, прежних, зато работающие. Вот и взяли на рынке несколько штук. Хочу сегодня установить их на прежние точки. Надеюсь, дальше все опять пойдет, как прежде. Анжела, к счастью, ничего не заметила, заявлений на нас не написала. Так что привлекать нас не за что.

— Как не за что? А за воровство? — возмутилась Рита.

— Да ладно, разве это воровство? Так, дележка. Вон наши чиновники миллионами воруют — и то редко попадают. И не только наши. Недавно я услышала по радио: на каком-то саммите у Трампа дорогой кожаный портфель стибрили, там такие всем важным персонам дарили. А вы говорите — видеокамеры! Смех один, а не воровство! Справедливое распределение денежных средств, вот что это! Полиция, учитывая статус хозяйки, подобное заявление от нее даже не примет. Да ей сейчас и не до нас.

— Хорошо, тогда скажите, куда подевалась ваша добрая хозяйка, — вступил в разговор капитан Пищик. — Может, ее тоже кто-то украл?

— А нам почем знать? — пошел в атаку Анатолий. — Анжела Тарасовна — птица вольная — куда хочет, туда летит.

— Анжела Тарасовна не делилась с вами тревогами по поводу своего слабого здоровья? — осторожно спросила Рита. — Вы не замечали изменений в ее психическом состоянии, например, маниакальных страхов или болезненных фантазий?

— Вроде, нет. Правда, Анжела всегда была капризной, характер такой, да и статус позволял, а тут еще такое горе... Шутка ли, сама осталась без мужа, а ребенок без отца. Мы с женой прощаем ей капризы, так сказать, входим в ее состояние. Нет, она не жаловалась на здоровье. С какой стати хозяйке делиться тревогами с прислугой? Ее дело — платить зарплату и отдавать распоряжения, а наше — их четко выполнять.

— Вы можете хотя бы предположить, в какую больницу она поехала? Между прочим, не одна, а с сыном Костиком.

— Понятия не имею. Мы с Анжелой летаем по разным орбитам. Понятное дело, в разных больницах лечимся. Она — ого-го как высоко летает, а мы — низенько-низенько.

— Хорошо, спасибо, вы свободны, — неохотно пробурчал капитан.

— Наконец-то! Замучились тут сидеть. Побросали с утра все в доме и на рынок рванули. За этими чертовыми видеокамерами. Давно пора в нашу избушку возвращаться. Надо к приезду Анжелы Тарасовны дом прибрать и новые видеокамеры вместо поломанных установить.

— Что ж, надолго не прощаемся. У меня к вам еще будут вопросы.

— Да не дай бог! — прошептала Зинаида и перекрестилась.

Рита и Пищик вслед за вороватой парочкой покинули пост ДПС.

В поисках пропавшей вдовы

Первые полчаса Рита и Алексей ехали молча. Расследование уперлось в глухую стену. Что дальше? Чурбановы оказались мелкими жуликами, на хладнокровных убийц они точно не тянут. Тогда кто? Других подозреваемых по-прежнему нет. На вечные вопросы «кто виноват и что делать» ответ, как всегда, незачетный и чисто русский: «Никто не виноват и ничего не поделать».

Алексей вел машину и в красках представлял себе завтрашний вызов на ковер к Жолобову. Ничего хорошего от встречи с полковником ждать не приходилось. Наoret, как физрук на пятиклашку, разбившего мячом школьное окно, отстранит от дела, а в конце еще и обидными словами припечатает. Дескать, ты же, капитан, так рвался в отпуск, вот и лети, голубь, отдыхай! Профессия «отдыхающий» тебе больше подходит, чем должность начальника следственной группы ГУВД по Москве. Хорошо еще, если полковник эти слова один на один скажет, а если на совещании — совсем хреново, парни из отдела потом шутками про пляж и согласных на все курортниц замучают.

Мрачное настроение Алексея передалось Рите. С недавних пор они стали с Лехой как бы сообщающимися сосудами. Мысли и чувства каждого из них, прежде существовавшие отдельно, теперь проникали друг в друга, и в этом «облаке» начиналась бурная химическая реакция. В результате подобной загадочной «диффузии», которую пока не может объяснить ни одна наука, они безошибочно угадывали, о чем думает каждый из них. К изумлению Риты, она теперь нередко смотрела на многие вещи так же, как Алексей. Однако это воображаемое общее облако казалось ей таким хрупким сосудом, словно его выдули из стекла, и любой удар мог разбить его на мелкие осколки. Честно говоря, фиаско с допросом Чурбановых было, ох, как некстати. Завтра на капитана полиции навалятся служебные неприятности, и он расстанется с Ритой, как со свидетельницей своего поражения. Известно ведь: парни любят девушек фартовых, драйвовых — тех, с которыми легко, с кем успех приходит как бы сам собой, словно ниоткуда. К сожалению, у Риты уже был горький опыт. Прежний ее бойфренд Вадик не простил Марго своих неудач. Вернее, того, что она стала их свидетельницей. Казалось бы, ничего особенного не произошло. Типичный журналистский ляп. Вадик не слишком тщательно проверил факты в статье, хотя критиковал очень крупное столичное начальство, и в итоге газету едва не закрыли. Главный редактор расвирепел, устроил показательную головомойку всем сотрудникам и в назидание остальным мгновенно уволил провинившегося журналиста. Поначалу в их отношениях ничего не изменилось, но вскоре карьера Риты резко пошла в гору, ее криминальная колонка быстро стала популярной, под ней стремительно росло количество лайков, комментариев и перепостов... В общем, банальная история: бойфренд не перенес успеха своей девушки...

Резкий звонок прервал молчание Алексея и Риты.

— Капитан Пищик у аппарата! — сообщил Леха как можно солиднее, скосив глаза на входящий номер.

Он молча выслушал доклад неизвестного абонента и отреагировал по-армейски кратко:

— Спасибо, вас понял.

— Как ты думаешь, куда отправилась Анжела на чужой машине, прихватив сына? — спросил Алексей у Марго.

— Откуда же мне знать? — удивилась она.

— В похоронное агентство «Последний путь», — сообщил Леха, саркастически усмехнувшись. — Дэпээсники локацию скинули. Думаю, в ближайшее время нас ожидает немало сюрпризов.

— Да уж, вдова номер два не дает нам скучать!

Капитан быстро нашел по навигатору нужный адрес, и вскоре они припарковались у обычного жилого дома. На первом этаже, как гласила неприметная табличка, располагалась ритуальная контора.

Рита, успевшая, несмотря на юные годы, похоронить бабушку и тетю, уже имела печальный опыт общения с похоронными агентами. В результате этого опыта она пришла к парадоксальному выводу: в ритуальных службах, как правило, работают очень жизнерадостные люди. Когда каждый день имеешь дело со смертью, нетрудно впасть в депрессию, вот психика молодого здорового человека и сопротивляется всеми силами печальным обстоятельствам, а в итоге происходит профессиональная деформация личности. Рита вспомнила, как санитары «труповозки» везли в лифте тело ее бабушки, пока она сама бегом спускалась по лестнице. С восьмого по первый этаж из лифта доносилось веселое пение: «Прощай, прощай! На всех вокзалах поезда уходят в дальние края. Мы расстаемся навсегда под синим небом января». Рита чуть не задохнулась от подобного цинизма, но вскоре поняла, что пение при перевозке трупов для санитаров — своеобразный антидепрессант.

В дирекции столичных кладбищ, как Рита успела убедиться, трудятся тоже весьма веселые люди, причем настоящие философы, под стать Сократу.

— Здесь не обманывают, тут до Господа ближе, — сообщил ей в те грустные дни мастер, выбивавший надпись на памятнике бабушке. И сразу же рассказал соответствующий анекдот:

— Майор вызывает к себе бойца: «Рядовой Петров, ты в загробную жизнь веришь? — ??? — Тебя на КПП бабушка ждет, к которой ты две недели назад на похороны ездил».

— Некоторые думают, что они нас минуют. Зря! — бодро сообщил Рите «Харон» на другом кладбище, когда они пробирались через высокие сугробы к могиле, где должна была упокоиться тетушка.

Одним словом, Марго совершенно не удивилась, когда в ритуальном агентстве «Последний путь» их с Алексеем встретили молодые задорные мужчины. Настроение элегантных красавцев совершенно не омрачал мрачный антураж комнаты. Они со вкусом пили кофе за столом, окруженном крышками гробов всевозможных цветов и фасонов — и солидными, из полированного дерева с бронзовыми ручками, и «народными», обшитыми красной или розовой тканью с рюшами. Попутно они обменивались впечатлениями о предыдущих клиентах, первостатейных жмотах, по их вескому мнению.

— Кого хороним? — бодро спросил следователя брюнет в черном костюме.

— Капитан Пищик, московская полиция, — представился Леха и указал кивком на Риту, — а это криминальный репортер Вездесущая Мышь из портала «Всякая всячина».

Рита никогда прежде не видела, чтобы у обычных людей, не актеров, так быстро менялось выражение лица — с веселого на притворно-скорбное, а потом на испуганно-вопросительное.

— Документики принести? — услужливо предложил рыжий агент в черной рубашке. — Они у нас в полном порядке.

— Пока рано, — остановил его капитан. — Для начала ответьте на несколько вопросов.

По нашим сведениям, у вас сегодня была вдова Константина Калюжного Анжела Карпенко. Чего она хотела?

— Как чего? Зачем к нам люди приходят? Похоронить умершего мужа, причем дорого и со вкусом. Эх, такую клиентку упустили! На неделю потом могли бы закрыться и вообще не работать!

— У нее что, возникли проблемы?

— Еще какие! Без свидетельства о смерти ее гражданского мужа мы ничего не можем сделать, а свидетельство, как и положено, находится у законной вдовы. Об этом сама Карпенко рассказала. Есть еще одна проблема: законная вдова хочет тело кремировать, чтобы захоронить его в Санкт-Петербурге, а вдова, так сказать, гражданская, наоборот, собирается похоронить Калюжного на одном из престижных кладбищ столицы. В общем, непонятно, как жены будут делить мужа после смерти, если не смогли поделить его при жизни.

— Любопытно, — сказал Алексей и в очередной раз попытался дозвониться Анжеле, но опять безуспешно.

— Здесь вообще мобильная связь работает? — поинтересовался он с раздражением в голосе.

— А как же! Хотите анекдот на эту тему? — спросил брюнет.

— Ну как в таком месте да без анекдотов! — сказала Рита со знанием дела и понимающе улыбнулась. Парень продолжил:

— «Извините, какой здесь пароль от вай-фая? — Ты что, здесь же похороны! — А «похороны» — с маленькой или с большой?». Всё. Поняли смысл?

Рита с Алексеем вежливо улыбнулись, простились с веселыми агентами и вышли на улицу, совершенно не представляя, куда теперь ехать и где искать Анжелу с сыном.

Встреча со старым знакомым

— Придется опять звонить дэпээсникам, — сказал Леха, тихо ругнувшись. — Чуйка подсказывает: не больно-то они обрадуются, услышав меня в очередной раз.

Алексей не ошибся. Голос недавнего собеседника теперь звучал не слишком приветливо:

— Капитан, если нашу доблестную полицию так сильно интересуется эта дамочка, могли бы уже сами установить за ней слежку, а не просить нас в очередной раз передавать всем постам ориентировку на ее машину.

— Пацаны, очень надо! — взмолился капитан. — Да я сам, вместо того, чтобы в воскресенье отдыхать, за этой потеряшкой гоняюсь. Кстати, с меня бутылка, если быстро найдете ее машину. Жду!

Вскоре раздался звонок.

— Вот что происходит, когда людей грамотно мотивируешь, — шепнул Леха Рите и, выслушав доклад в телефонной трубке, объявил:

— Поехали!

— Ну, ты сегодня, как Гагарин! — рассмеялась она. — Куда стартуем?

— В нашу любимую клинику «Марфино». Дэпээсники сказали, что «ниссан» находится на стоянке рядом с больницей.

— А кто нам выпишет пропуск? Сегодня же воскресенье.

— Знаешь, в морг пока еще пускают без пропусков, — мрачно пошутил Леха.

Когда они подъехали к клинике, «ниссана» цвета «металлик» на стоянке уже не было. Дверь в морг открыл все тот же мрачный санитар, что и в прошлый раз.

— Скажите, Аркадий Николаевич Кашеев сегодня работает? — поинтересовался Алексей, не слишком веря в удачу.

— Странный вопрос! — пробурчал санитар, окидывая их не слишком трезвым взглядом. — Люди вообще-то умирают без выходных. Проходите, шеф как раз подъехал.

Кашеев, как и в прошлый раз, сидел за рабочим столом. Теперь перед ним стояла фляжка коньяка и лежала символическая закуска в виде яблока и бутерброда с сыром.

— Хотите коньячку, капитан? — спросил патологоанатом Алексея, игнорируя Риту, стоявшую чуть позади Алексея.

— Извините, мы на работе.

Капитан Пищик подошел к столу анатома почти вплотную и перешел на официальный тон:

— Мне известно, что у вас недавно была госпожа Карпенко.

— Ааа, вдова Калюжного! — оживился хозяин кабинета. — Ну как же, как же, заходила. Вот коньячок принесла. Угощайтесь.

— Извините, мы торопимся. Позвольте задать вам один вопрос: вдова приходила с предложением незаконно выдать вам тело ее гражданского мужа?

— Вы угадали. Я как мог разъяснил молодой вдове, что выдать тело без свидетельства о смерти не имею права. Это вообще-то уголовно наказуемое деяние. Я прав, капитан?

— Стопроцентно! Она ведь, наверное, вам деньги предлагала?

— А то! Довольно-таки крупную сумму. Но я хочу еще поработать в этом уютном месте, а не загорать на нарах до пенсии.

— Тело Калюжного К.В. все еще находится у вас?

— Нет, оно пока в морге, в холодильнике. Надеюсь, вдовы в скором времени придут к согласию, и им выдадут тело общего мужа для захоронения. Ну, пусть земля ему будет пухом! — Кащеев опрокинул стопку коньяка и с хрустом закусил яблоком.

— Ой, как вы можете пить коньяк в такой обстановке? — не выдержала Рита.

— Очень даже могу! Наша, как вы говорите, «обстановка» как раз и помогает ценить каждое мгновение и вообще философски относиться к жизни и к смерти, — Кащеев взглянул на Риту веселыми, все понимающими глазами и продолжал, — Возьмем того же Калюжного. Всего месяц назад он загорал под жарким солнцем на Лазурном берегу и пил «Вдову Клико» в дорогом ресторане, а сейчас лежит мертвый и голый у нас в холодильнике. Как говорится, «мemento мори», молодые люди!

— Ну, ладно, слава Богу, вдова номер два нашлась! — обрадовался Алексей и шепнул Рите: — Завтра будет чем шефу отчитаться.

Анатом понимающе хмыкнул.

Простившись с Кащеевым, Рита и Алексей, не стовариваясь, решили пойти к автостоянке длинным путем.

— Неохота опять с каким-нибудь психом в подземном переходе встретиться, — сказал Леха вслух о том, о чем они оба думали. — Да уж, — подхватила Рита, — адреналин тогда зашкаливал. Зато я прокатилась на каталке с ветерком! Кстати, как ты думаешь, кто был этот стрелок?

— Призрак олигарха Калюжного, — сказал Леха загробным голосом.

— А если серьезно?

— А если серьезно, я бы сам хотел это узнать.

— А что еще бы ты хотел? — спросила Рита и лукаво посмотрела на Алексея.

— Тебя! — ответил он без лишних слов и намеков, и Рита счастливо захихикала.

Большинство врачей уже разъехались. На служебной автостоянке поджидал хозяина лишь черный «volvo»

Капитан Пищик нажал на газ, и они помчались обратно — в Москву.

Обманчиво тихий вечер

Едва закрыв дверь, они стали целоваться так неистово, словно не мотались полдня вместе в машине, а тосковали бог знает сколько времени в разлуке. Помогая друг другу избавиться от одежды, они рухнули на кровать, и вдруг поняли, что сил на подробные ласки уже не осталось. Уходящий день опустошил их, вычерпал все силы и эмоции до дна.

Они любили друг друга сильно, грубо, быстро, словно торопились подняться на горную вершину, освещенную лучами заходящего солнца, и скатиться с нее на лыжах до заката. Осталось всего несколько шагов вверх, еще немного... Ух! Рите показалось, что она на секунду застыла на вершине, заряжаясь уходящими лучами, испытала неведомую прежде первобытную радость и, замирая от бешеной скорости, покатила вниз, постепенно возвращаясь в обычную жизнь со всеми ее проблемами.

Рита лежала, прижавшись к плечу Лехи и чувствовала себя абсолютно счастливой. Она повернула голову и увидела, что ее мужчина не спит.

— Как ты думаешь, куда поехала Анжела? — спросил он голосом, не исполненным нежности, как полчаса назад, а обычным, чуть хрипловатым баритоном следователя при исполнении.

— Наверное, домой? — предположила Рита.

— Ну, это легко проверить.

Алексей дотянулся до телефона и нашел нужный номер.

— Да, Анжела Тарасовна и Костик в доме, — отрапортовал Анатолий. Голос его повеселел, видимо, установка камер прошла незаметно, и Чурбановы вздохнули с облегчением: жизнь вернулась в прежнюю колею.

Алексей выключил телефон, потянулся до хруста в суставах и сказал:

— Нашлась, и слава богу! Разберемся с нашей миллионершей завтра. А сейчас придется открыть дверь к тигру в клетку, то бишь, позвонить шефу.

Пищик стремительно, как в армии, оделся и лишь тогда нажал на строку с надписью «шеф». Видимо, он не мог разговаривать с полковником, лежа голым в постели, для рапорта требовалось принять приличный вид.

— Этот твой Жолобов, как я погляжу, экстрасенс! Может по телефону догадаться, чем ты занимаешься и как выглядишь, — съязвила Рита.

— Тссс. — приложил Леха палец к губам и продолжал другим, уже официальным тоном: — Капитан Пищик беспокоит. Георгий Владимирович, простите, что отвлекаю вас в выходной день рабочими вопросами.

— Ну, говори уже, только без длинных предисловий, мы тут шашлыки на даче с гостями затеяли.

— Надо, чтобы наши патологоанатомы произвели повторное вскрытие тела Калюжного и отдали материалы на исследование в нашу лабораторию.

— С какого перепуга? Диагноз же ясен, олигарх умер от ковида.

— Законная вдова хочет кремировать тело, увести прах мужа в Питер и упорно на этом настаивает. Анжела наоборот собирается его похоронить на престижном московском кладбище. Все это кажется мне, Георгий Владимирович, каким-то странным. Одна спешит кремировать, другая затягивает похороны, а время-то идет. А что, если олигарх умер не от ковида? Если тело кремируют, мы уже ничего не узнаем. Надо хотя бы запретить моргу

клиники «Марфино» выдавать родственникам тело Калюжного до исследования его нашими специалистами.

— Ладно, распоряжусь. А что с Анжелой?

— Вернулась домой, — отрапортовал капитан. — Значит, жива. Целый день на звонки не отвечала, колесила по Подмосковию и Москве. Время от времени она попадала в камеры дэпээсников, которых я предупредил.

— Алексей, ты там пошустрее давай, время поджидает. Что б к завтрашнему утру нашел заявительницу и заставил ее мне перезвонить! Все! Мясо горит! — и полковник отключился.

— У него мясо горит, а он в ответ мне пятки поджаривает, — проворчал Леха. — Одевайся, поедем к вдове номер раз.

Дама с портрета

Елена Калюжная встретила капитана Пищика и Марго с явным неудовольствием. Взмокшие волосы прилипли ко лбу, на лице не было и тени улыбки. Так выглядит хозяйка, которую внезапно оторвали от плиты. Поверх нарядного платья на Елене был надет передник, в правой руке дама сжимала половник, на левом плече висело кухонное полотенце.

— Неужели у вас остались ко мне вопросы, капитан? По-моему, в прошлый раз мы с вами все обсудили?

На лице хозяйки проступили пятна гнева. Она отбросила волосы со лба и уставилась на Пищика большими серыми глазами с ярким ободком вокруг радужки. Необычные глаза единственные остались молодыми, все остальное в облике вдовы напоминало о возрасте, который далеко перевалил за «полтинник».

— Елена, не сердитесь, мы буквально на минуточку. Позвольте задать всего один вопрос: у вас сегодня была Анжела Карпенко?

Пищик старался быть учтивым, однако Рита почувствовала, что Калюжная его раздражает. Капитан внезапно подумал, что эта вдова — не такая уж невинная жертва интриг молодой соперницы.

Та в свою очередь взорвалась:

— Кто? Эта психованная дамочка? Была и уехала примерно два часа назад. Поскандалила в холле и отчалила ни с чем. Только нервы мне помотала. Поздновато вы приехали, капитан, ищите ее в другом месте. Где? Наверное, в доме Кости, в который она самовольно заселилась.

— А что хотела Анжела Тарасовна? — Пищик оставил без комментариев банальные наезды на соперницу.

— Требовала, чтобы я отдала ей свидетельство о смерти Константина Васильевича, дабы она могла похоронить его на одном из престижных московских кладбищ. Кажется, на Введенском. Скажите, она вообще нормальная? Никаких прав на тело Константина у нее нет. Я законная жена Калюжного, мы с Костей не были официально разведены, а с этой дамочкой он даже не был расписан. Проживали вместе, ну и что? Кто из мужчин время от времени не сбегает от жен, с которыми прожил всю жизнь? Понятно ведь, что за долгие годы у обеих сторон накопились претензии к супругам. Какое теперь имеет значение ее статус гражданской жены, а попросту — сожительницы? Короче говоря, все вопросы о похоронах моего супруга я буду решать вместе с детьми, а эта буйная особа пускай лечится у психиатра. Да-да, с психикой у нее серьезные проблемы. Вы знаете, что ее преследуют навязчивые страхи? Дескать, Константина убили фанатичные антиваксеры. Чуть несусветная! Мне кажется, она в последнее время стала еще более истеричной. Представьте себе, я беспокоюсь о ее психическом состоянии. Надеюсь, мой адвокат поставит вопрос о ее медицинском освидетельствовании.

— Скажите, а почему вы до сих пор не кремировали тело? — поинтересовался Алексей.

— Потому, что наши с Костей дети должны были прилететь из Лондона еще неделю назад. Но вы же понимаете: ковид, локдаун, санитарные кордоны, непризнание других вакцин нашими странами и так далее... Ничего, деньги, как обычно, помогут им все разрулить. В ближайшее время дети прибудут, и тогда я выполню мой долг перед

Константином.

— Вы не в курсе, Константин Васильевич оставил завещание? — поинтересовалась Марго с самым невинным видом.

— Понятия не имею. Впрочем, даже если и оставил, я как законная вдова, а также наши с ним дети имеем полное право на значительную часть наследства... Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы? Тогда всего доброго.

Елена направилась к двери.

— Почему вы столь решительно настроены кремировать тело умершего мужа? — продолжил задавать вопросы капитан Пищик, игнорируя попытки вдовы выпроводить их с Марго из дома.

— Я родилась в Питере, мы с Константином Васильевичем прожили значительную часть жизни в Санкт-Петербурге. Полагаю, этого достаточно? В общем, мой муж имеет прямое отношение к моему родному городу. Я собираюсь похоронить урну с его прахом в могилу его родителей на Смоленском кладбище. Теперь вы понимаете, что кремация — единственно возможный вариант похорон?

— Ну, это решать родственникам, — уклончиво сказал Алексей и скосил глаза на картину, висевшую в холле. Полотно привлекло его внимание еще в прошлый раз. Он подумал, что вместо Елены Калюжной на холсте легко можно представить Анжелу Карпенко. Во всяком случае, портрет самого олигарха художник писал явно по одной и той же фотографии. Даже поворот головы, да что там голова, — пиджак и рубашка на обеих картинах были одинаковые. Впрочем, покойного олигарха сходство семейных портретов в двух его домах, видимо, мало волновало, коль скоро он дважды оплатил работу художника и позволил женам, прошлой и нынешней, украсить картинами холлы особняков. Видимо, для Константина Калюжного обе женщины были одинаково важны. Недаром, ох, недаром он не спешил разводиться с Еленой. Все же трое детей, прижитых в первом браке — не шутка. Видимо, отец не очень-то хотел из-за развода портить с наследниками отношения. Рита вспомнила, как Анжела с возмущением рассказывала: ее гражданский муж тратит на взрослых уже детей Елены слишком много денег. Между тем, дескать, двум оболтусам и одной дылде давно пора перестать надеяться на богатого папочку и самостоятельно заняться бизнесом.

— Простите, но я вынуждена попрощаться. Отпустила до завтра помощницу и сама готовлю ужин. У меня сейчас на плите всё сгорит.

Алексей кивком головы указал Рите на дверь. Дескать, все ясно, погнались. И, наскоро простившись с хозяйкой, сыщики отправились к вдове Калюжного номер два.

Дом с темными окнами

Особняк Калюжного встретил их темными окнами.

— Странно, вроде спать еще рано? — вслух удивилась Рита.

— Мне эти темные окна тоже не нравятся, — сказал капитан Пищик, в который раз нажимая на звонок под видеокамерой, накрепко прикрученный к калитке.

Прошло минут пять, однако в доме никто не отозвался.

— Ну что, опять через забор? — предложила Рита. — Эту дорожку мы еще в прошлый раз протоптали.

— Да уж, готовься к дачному фитнесу. Пошли за ящиком!

Внезапно замок щелкнул, и в открывшуюся щель выглянул слегка помятый и всклокоченный Анатолий.

— Вот видите, купленные видеокамеры я уже подключил, — отрапортовал он с довольным видом. — Вас я сразу увидел. Сами знаете, чтобы добежать до калитки, требуется время. Да вы проходите, — спохватился Анатолий и замялся, — только вот...

— Что «только вот»?

— Только вот Анжелы Тарасовны дома нет. Внезапно ей стало плохо, она вызвала врача из своей платной поликлиники, и ее увезли.

— А маленький Костик?

— Анжела Тарасовна взяла его с собой.

— Уже поздно. Вы не в курсе, почему они не вернулись?

— Понятия не имею, хозяйка мне не отчитывается. Либо их оставили в больнице, либо они поехали потом в гости, там засиделись и остались ночевать.

— Госпожа Карпенко и раньше уезжала с сыном на целый день и оставалась на ночь в гостях? — вклинилась Рита в разговор.

Анатолий задумался, поскреб затылок и сказал:

— Никогда. После смерти Константина Васильевича она неважно себя чувствовала и редко уезжала в город. Другьям, которые по старой привычке приглашали ее в гости, Анжела каждый раз говорила, что она в трауре. Больница — другое дело: врачи, обследования... Сами понимаете, в таких клиниках обследование быстро не бывает. У тех, кто может платить, стараются побольше болезней найти. Эх, все в наше время хорошо жить хотят...

— А сына она зачем с собой взяла? — снова встряла Рита.

— Она в последнее время боялась с ним расставаться, везде таскала за собой. Сказала, что там, в больнице, есть детское отделение и, если ее положат в стационар, Костик будет рядом. Сейчас ведь, знаете, любой каприз за ихние денежки. Богатым — все, а бедным — помирай без всяких там «новых технологий».

— Анатолий, попросите Анжелу, когда вернется, обязательно набрать меня. В любое время, — сказал капитан и пробормотал, — интересно, кто этот Казбич, укравший нашу Бэлу?

— Что? — не расслышал Анатолий.

— Да нет, ничего, это у меня присказка такая.

Анатолий растерянно кивнул и развел руками. Наскоро простившись с заспанным охранником, капитан и Рита поспешили к машине.

— Ох, — вздохнул Алексей, — не нравится мне все это. — Чуйка подсказывает: ни

сегодня, ни завтра Анжела Карпенко ни мне, ни моему начальству не позвонит. Где она ошивается, черт побери? Ох, завтра Жолоб будет трепать меня, как Тузик грелку. И есть за что, между прочим.

— Кстати, о Тузике, — Рита посмотрела на капитана виноватыми глазами. — Лешенька, мне пора. Ватсон давно под дверью ждет прогулки.

Леха молча кивнул и притопил педаль газа. Рита оглянулась. В приоткрытой калитке по-прежнему стоял, мрачно провожая их взглядом, охранник Анатолий.

Неожиданный адрес

— Капитан Пищик, надеюсь, вы сумели за выходные отыскать мадам Карпенко? Или весь вечер попивали пивко у телека?

Алексей засопел от обиды, но промолчал, поскольку ответить шефу было нечего.

Полковник Жолобов с утра ворвался в отдел так стремительно, словно вел мяч к воротам, и Пищик с тоской понял: сейчас ему «пробьют пенальти». Шеф не только появился в отдел сам, но и перешел с ним на «Вы». Самый плохой признак. А то, что Жолоб стал называть его не Лешей, как обычно, а по имени и отчеству, было совсем скверно.

— Никак нет! — по-военному отрапортовал капитан.

— Чтоooo! — заорал полковник так, словно командовал на плацу, а не вломился утром в понедельник в комнату к следователям, мучительно переживавшим последствия бурных выходных. — Чем же вы занимались вчера, капитан?

«Уж точно не трескал шашлыки под водочку, как некоторые», — подумал Алексец, но вслух сказал:

— Колесил по Подмоскovie в поисках Анжелы Карпенко. К сожалению, пока безуспешно.

— Зайдите через пять минут и доложите по форме! — приказал полковник и, хлопнув дверью так, что стена вздрогнула, тяжело затопал по коридору. Не ожидая ничего хорошего, Алексей поплелся в начальственный кабинет.

Стараясь быть кратким, капитан Пищик отрапортовал шефу о своем извилистом воскресном маршруте: на пост ДПС, в ритуальное агентство, в особняк Анжелы Карпенко, затем к Елене Калюжной, и снова в дом Карпенко.

— В ритуальном агентстве и у Калюжной Анжела побывала незадолго до меня. Затем вернулась домой и снова уехала, теперь уже вместе с врачом и с сынишкой. Наверное, ее быстро отпустили из клиники, потом она отправилась с сыном в гости и осталась там ночевать. Вы же понимаете, у друзей Анжелы такие же просторные дома, в которых можно переночевать, не стесняя хозяев.

— Совсем нюх потеряли, капитан! — проворчал Жолобов. — Телефон Карпенко до сих пор не отвечает. Вряд ли в богатых домах, по которым вы в последнее время разъезжаете, не нашлось зарядки для ее айфона. Быстро выясните, к какому платному лечебному учреждению была прикреплена Карпенко с сыном. Немедленно закажите связистам распечатку всех ее звонков, узнайте, в котором часу и кому она в последний раз звонила... Действуйте, черт побери! Играйте в нападение, а не топчитесь на задней линии!

— А как быть с телом Калюжного?

— Об этом не беспокойтесь, я еще вчера дал указания. Наши судмедэксперты уже с утра работают.

Через час у Пищика на столе была распечатка с мобильного телефона Анжелы. Капитан взглянул на нее и присвистнул: последним пунктом ее воскресного путешествия значилась все та же клиника «Марфино».

«Медом, что ли, им там намазано? — подумал Пищик. — Анжела и Калюжного туда запихнула, и сама к врачу в «Марфино» отправилась. Все правильно: в этом районе Подмоскovie «Марфино» — лучшая клиника, оснащена самыми современными приборами. Разумеется, поэтому и дорогая. Неудивительно, что жители закрытых коттеджных поселков

стараются туда попасть. Двух- и одноместные палаты, почти домашняя обстановка. прекрасное питание... Врачи. может, там и не лучше, чем в государственных больницах, зато бытовые условия не сравнить. Да и престижно при случае прихвастнуть соседям по поселку: мол, поправлял здоровье в «Марфино», дорого, но комфорт стоит того. И все-таки... Неужели Анжелу положили в стационар?

Мышеловка захлопнулась

«Боже, как хочется пить!».

Анжела проснулась и с трудом разлепила глаза.

«Где я?».

Она попыталась сосредоточиться, но не смогла. Голова нестерпимо болела, губы стянуло от сухости, мысли ускользали, словно играли в кошки-мышки, воспоминания не давались, таяли, как призраки, не оставляя даже намека на то, где и как она провела последние часы.

Анжела медленно повела головой из стороны в сторону. Незнакомая комната с белыми кафельными стенами, похожа на медицинский кабинет. Из плохо закрытого крана громко капает вода. Кап, кап, кап... В древности была такая пытка: человеку на голову час за часом падали капли воды, и он медленно сходил с ума...

У Анжелы внезапно разболелась голова. Капли усиливали эту боль, делали ее нестерпимой. Мысли путались, словно кто-то влил в нее разом полбутылки водки. Во рту все пересохло, руки и ноги нестерпимо ныли, спина затекла, а рот...рот вообще не открывался!

Из глаз Анжелы хлынули слезы. В последние дни она рыдала всего три раза: когда узнала о смерти Калюжного и когда услышала о смерти Крымовой и Войцеховской. Женщина попыталась успокоиться и сосредоточиться. В шахтерском городке, где она выросла, нюни не поощрялись. Когда мужчины погибали в шахте, женщины начинали работать за двоих, чтобы поднять детей. Кто бы ни был подонок, похитивший их с малышом, он не должен почувствовать ее слабость.

Анжела попыталась собрать энергию ци в большой золотистый шар в районе живота, как учил ее гуру восточных практик, и почувствовала, как воля капля за каплей наполняет ее. Впрочем, живот Анжелы и так с недавних пор был для нее центром Вселенной. В ее животе росла новая жизнь, и будущая мать — с восточными практиками или без них — обязана была взять себя в руки.

И все-таки... Что с головой? Почему так плохо? Отчего ноги и руки так нестерпимо ноют?

Анжела попыталась опустить голову. В шею больно впилась веревка. Узница увидела, что сидит, прикрученная веревками к железному стулу. Она попыталась закричать, но поняла, что рот заклеен скотчем. Боль вздрогнула тонкой жилкой у виска и хлестнула по глазам. Анжелу била сильная дрожь.

«Где Костик? Он же был со мной, мы вместе уехали из дома...».

Анжела так далеко, как смогла, повернула голову и увидела макушку сына, тихо посапывавшего в углу на узкой кушетке. Это слегка успокоило, боль в глазах немного уменьшилась. Узница вновь попыталась сосредоточиться и вспомнить вчерашний день. Воспоминания ускользали, как большие юркие рыбы, она пыталась их поймать, как обычно бывает во сне, но безуспешно. Рыбки не давались в руки. быстро уплывали, виляя в тумане большими перистыми хвостами.

Анжела тихо застонала, сделала над собой усилие и снова попыталась вспомнить хоть что-то.

«Как я сюда попала? Кто нас привез? Почему я добровольно согласилась уехать из дома и войти с Костиком в эту клетушку, похожую на душ в рабочем общежитии?».

Ясность в голове не появилась. Анжела застонала.

«Если мысли в голову не идут, надо себя пересилить и что-то сделать. Например, дотянуться до капающего крана и умыть лицо. Может, тогда пройдет тошнота и уменьшится головокружение?».

Она попыталась встать на ноги вместе со стулом. Получилось не сразу. Ноги затекли, колени не хотели разгибаться и болели. Наконец она со стоном привстала и доковыляла вместе со стулом, семеня короткими шажками, до раковины. Руки были связаны и тоже затекли, помощи от них ждать было бесполезно. Анжела с трудом нагнула голову и подставила лицо под кран. Холодная вода приятно освежила кожу. Губы, заклеенные скотчем, намочить не получилось, но все же стало немного легче. Анжела подняла голову, глубоко вздохнула и внезапно испытала прилив ярости.

«Подонки! Мерзавцы! А я-то дура, утратила бдительность, не перезвонила в клинику. Знала ведь, что антиваксеры — злобные и агрессивные негодяи, что они готовы на все. Если не разделяешь их убеждений, то ты — враг и тебя надо уничтожить».

Ноги подкашивались, и Анжела опустилась на пол вместе со стулом, к которому была привязана. Она попыталась упорядочить мысли, но они предательски ускользали. Наконец узница вспомнила, что недавно в СМИ промелькнули страшноватые цифры: 20 процентов врачей и вирусологов подверглись травле и угрозам, на некоторых даже совершались покушения. Выходит, в столице орудует средневековая секта! Она убивает людей пачками, а полиции до преступников и дело нет. Ни ментовский чинуша Жолобов, ни молодой самовлюбленный следователь Пищик до сих пор никого не арестовали и ни одно преступление не раскрыли. И, похоже, не собираются это делать. Неудивительно, что мерзавцы-антиваксеры почувствовали полную безнаказанность, окончательно распоясались и стали опасными для общества. Вначале они убили Константина, чтобы задушить фонд «Вакцинация». Потом уничтожили двух его докторш. Бедные женщины активно пропагандировали прививки против ковида — это было первой причиной избавиться от врачей, а второй — то, что они, вероятно, догадались: Константин умер не от короны. Мысли и догадки Анжелы были отрывочны. она с трудом связывала их в предложения, голова по-прежнему раскалывалась, а привязанные руки и ноги нестерпимо ныли.

Внезапно Анжела осознала: она следующая на очереди. Какого черта, полиция бездействует? Членов опасной секты не переубедить, они же безмозглые, необразованные ковидиоты! Почему их не арестуют, не прикроют места тайных сборищ, не запретят агитацию против прививок?

«Но я-то хороша! — подумала Анжела. — После смерти Кости совершенно утратила волю, превратилась в какой-то кисель. Надо было нанять охрану, соблюдать осторожность. Эх, что уж теперь... Только зачем им Костик? Они что, хотят шантажировать меня ребенком? Пусть не надеются! Буду драться, царапаться и кусаться до последнего. Костика я им не позволю пальцем тронуть. Легко сказать, не позволю... Кому — «им»? Кто заказал меня и велел бандитам привезти сюда? Кто связал меня? Заклеил рот? Накачал Костика снотворным? Чего они хотят добиться? Стану тянуть время, пойду на любые уступки, пообещаю закрыть мой фонд и удалить портал «Вакцинация? Да!». Что угодно пообещаю, лишь бы с Костиком все было в порядке. Какой резон антиваксерам убивать меня и сына здесь и сейчас? Без финансирования Калюжного фонд и сам вскоре развалится. Это любому разумному человеку ясно. Впрочем, сумасшедшим логика не нужна. Для них белое это черное, а вакцинация — дорога в ад».

Туман в голове Анжелы рассеялся, и в ее памяти стали медленно всплывать разрозненные эпизоды прошедшего дня. Вечером, вернувшись домой после тяжелой поездки по городу, она неважно почувствовала себя и уже решила вызвать «скорую», но тут раздался звонок. Мобильная трубка заговорила звонким девичьим голосом и представилась врачом из «Марфино», из той самой частной клиники, к которой Анжела была прикреплена вместе с сыном по самой дорогой мед. страховке. Не прошло и получаса, как за ней заехала на «ниссане» молодая докторша в антиковидном комбинизоне, медицинской маске и темных очках. Она сказала, что состояние пациентки Анжелы Тарасовны Карпенко в связи с беременностью и с плохими анализами вызывает у ее лечащего врача серьезное беспокойство, поэтому она обязана немедленно сопроводить пациентку на консультацию. Посоветовала взять с собой сына, чтобы заодно заглянуть с мальчиком к врачам детского отделения. Все это не вызвало у Анжелы ни малейшего подозрения: привычные, рядовые моменты. В дорогой частной клинике, которую она оплачивала для себя и Костики, к VIP-пациентам относились с особой предупредительностью и дорожили высокими взносами, которые те ежегодно вносили за добровольное медицинское страхование в этой клинике.

Что же случилось дальше?

Анжела не могла ничего вспомнить, как ни напрягала память. Кажется, они поехали в «Марфино» другой, неизвестной дорогой. Доктор объяснила, что так будет быстрее. По дороге она сделала Анжеле обезболивающий укол. И дальше все, тишина. Костику, видимо, эта тварь тоже вколола успокоительное, чтобы мальчик не плакал. Но как они потом попали в клетку, обложенную белым кафелем? Анжела не могла вспомнить этот момент, как ни старалась. При малейшем мысленном усилии головная боль делалась просто невыносимой.

«Интересно, сколько мы здесь находимся? Который сейчас час?».

Окон в помещении не было, комнатку освещал ровный электрический свет. Неизвестно, сколько времени они с Костиком проспали здесь, день сейчас или ночь.

Внезапно за дверью раздались шаги. Узница попыталась застонать, но из-за скотча, залепившего рот, звук получился очень тихим, словно писк испуганного зайчонка. Анжела резко встала вместе со стулом, а потом так же резко села. На этот раз ей удалось сделать это с громким стуком. В дверь кто-то постучал, и она повторила свой маневр. Вскоре в коридоре послышались возня, удары и громкий мат. Анжела собрала все свои силы и завывала так пронзительно, как только смогла сделать это с заклеенным ртом. Она не собиралась сдаваться.

Заколдованное место

— Привет!

— Привет!

Услышав голос Риты, Алексей слегка растерялся. После разноса шефа он не был расположен говорить с кем-нибудь, тем более, с любимой девушкой. Все же эти два мира очень разные, а он, капитан полиции, — не музыкант-виртуоз, чтобы сходу переключиться с бравурного марша на джазовую композицию или на лирическую песню.

— Прости, я занят, — сказал он хмуро, — сегодня много работы.

— Ой, — растерялась Рита, — ты тоже прости, пожалуйста, что я не вовремя. Только хотела сказать, что мне очень-очень надо съездить в «Марфино».

— Какое совпадение! — проворчал Пищик. — Мне тоже. — Позволь поинтересоваться, какие у тебя там дела?

— Отца Фотия положили на обследование, — тихо сказала Рита. — Его богатые друзья скинулись, поскольку, как ты понимаешь, пребывание там недешевое. У нашего батюшки подозрение на ковид. Конечно, меня туда не пустят, и все-таки... Хотелось бы вкусную передачку ему отвезти. Немного яблок, конфет, апельсинов... Может, наших знакомых врачей попросить об одолжении?

— Ладно, не суетись! У тебя налицо стокгольмский синдром. Сама же возмущалась, что отец Фотий ярый антиваксер! Вот он и заболел ковидом без прививки. Обычные дела. Ты же сама про его заморочки рассказывала.

— Знаешь, он вообще-то добрый! И красивый. Такая гармоничная внешность бывает только у благородных людей. Чем-то похож на легендарного отца Александра Меня. Родители рассказывали, что в советское время к Меню на проповеди московская интеллигенция аж в Подмосковье ездила. Его беседы были так непохожи на унылые выступления партийных чиновников! Он затрагивал в проповедях совсем другие темы — о душе, о любви, о милосердии... Александр Мень был словно луч света из другого, духовного мира. Он жил как праведник, а погиб как мученик. Вот и отец Фотий... Он тоже учил своих прихожан любви и милосердию. Надеюсь, я оказалась хорошей ученицей.

Алексей замолчал. Чумовая Чувырла проявила характер, и это стало для него не слишком приятным открытием.

— Ладно, подхватчу тебя через два часа возле «Калужской», — проворчал Пищик. — Это чертово «Марфино» — заколдованное место. Мы с тобой постоянно туда возвращаемся, как будто какая-то темная сила водит кругами. Не нравится мне эта больничка, и все тут. Капитан полиции, конечно, не должен верить в плохую ауру и прочую ерунду, но я буквально кожей чувствую, как там неприятно находиться, несмотря на льстивые улыбки персонала и дорогую мебель в холлах.

День выдался хмурым, моросил мелкий дождик. Наверное, поэтому здание больницы, расположенное в лесу, в этот раз показалось Рите похожим на мрачный средневековый замок. Машин на стоянке было мало, видимо, родственники, притащившие пациентам, несмотря на мерзкую погоду, гостинцы, давно разъехались. Впрочем, врачи в разноцветных медицинских костюмах тоже не пробежали как обычно, из корпуса в корпус по бескрайней территории, оживляя жутковатый, почти готический пейзаж.

Хлопнула дверь капитанской машины. Стая ворон с карканьем снялась с деревьев и

сделала круг над автостоянкой. Птицы будто всматривались в поздних посетителей. Рита поежилась и схватила Алексея за локоть.

— Ваш пропуск! — потребовал вахтер.

— Полиция! — сказал Пищик с напором и так уверенно сунул под нос служивому удостоверение, что тот козырнул, почтительно отступил в сторону и пропустил визитеров без лишних вопросов.

В коридоре никого не было, и они без лишних преград дошли быстрым шагом до ординаторской. Молоденькая медсестричка с глубокими вмятинами на лице от защитной маски взглянула на них вопросительно.

— Полиция. Мне сказали, что сегодня дежурит доктор Муромцева. Мы могли бы с ней переговорить?

Теперь медсестра взглянула с удивлением:

— Да, Галина Михайловна скоро выйдет из Красной зоны, присаживайтесь.

Вскоре явилась Муромцева. Она успела снять защитный комбинезон и теперь с недовольством уставилась на Риту и Алексея, расположившихся в ординаторской.

— Сплошное дежавю или «снова здравствуйте». Чем обязана такой чести? — поинтересовалась докторша без тени улыбки. — Извините, мы здесь людей спасаем, так что мне не до болтовни.

— Вы не могли бы нам помочь? — спросил капитан Пищик, стараясь вложить в голос как можно больше теплоты.

— Подскажите, чем, — не слишком любезно отозвалась докторша. Алексей с удивлением отметил, что его мужское обаяние на девушку не подействовало, хотя обычно молодые дамы охотно отзывались на его улыбку.

— Нам стало известно, что в вашу больницу поехала Анжела Карпенко, вдова Калюжного, — продолжал Алексей уже деловым тоном. — помогите, пожалуйста, узнать, в каком отделении она находится.

— Слушайте, у меня суточное дежурство, порой некогда в туалет сходить, а тут вы со своими странными вопросами. Побойтесь бога! Откуда же я могу знать, где находится ваша Анжела Карпенко?

— Но вы ее хотя бы видели сегодня? — подала голос Рита.

— Я же говорю, капитан, мне не до светских встреч и бесед, — голос Муромцевой стал раздраженным. — Простите, мне пора.

— У меня еще один вопрос. Вы могли бы передать мою посылочку в отделение. где лежат пациенты с подозрением на ковид? — спросила Рита и поспешно добавила: — Для отца Фотия.

Марго надеялась, что упоминание необычного пациента растопит суровость молодой докторши.

— Фамилия?

— Ой, а я не знаю его фамилии. Это батюшка из бирюлевского храма. Такой красивый, статный, с бородой и с бархатным баритоном.

— У нас там пациенты под ИВЛ или с кислородными масками лежат, так что их баритонов мы не слышим. Ладно, попробую его по бороде идентифицировать. Скажу, что ему привет передавали. От кого только, уточните, пожалуйста.

Рита хотела сказать, что от Марии, но запнулась. Она вспомнила, что в прошлый раз представилась докторше Маргаритой, это, собственно, и написано в ее удостоверении с

надписью «Пресса».

— От всех прихожан храма, — выкрутилась она.

— Хорошо, передам. А вот передачку обратно заберите. Во время карантина мы продукты не принимаем. Надеюсь, на все вопросы полиции и прессы я ответила и могу идти?

Рита сунула Муромцевой записочку для отца Фотия с пожеланием скорее поправляться и подписанную «Ваши духовные чада из Бирюлево». Затем они с Алексеем вышли за дверь и переглянулись.

— Как ты думаешь, почему докторша в этот раз была такой раздраженной? — спросил следователь.

— Мне она показалась скорее напряженной. Во всяком случае, наш визит ее точно не обрадовал.

— Полагаю, работая в Красной зоне трудно оставаться в хорошем расположении духа. — проворчал капитан. — Там либо начинаешь жалеть все человечество, страдающее от пандемии, либо всех подряд ненавидеть.

— Знаешь, что? — задумчиво сказала Рита. — А не сократить ли нам путь к автостоянке? За окном вон уже и дождь накрапывает, сейчас кааак ливанет... Давай опять рванем подземным ходом? Этот подвал притягивает меня, как страшная сказка в детстве, которую и слушать страшно, и узнать конец очень хочется.

— Детскими страшилками не напугать офицера российской полиции! — усмехнулся капитан и скомандовал: — Погнали!

Они сбежали по лестнице и быстро, почти бегом, зашагали по подвальному коридору. Там, как и в прошлый раз, было пусто и тихо. Необъяснимый страх внезапно наполнил Марго до краев, и пузырьки ужаса побежали мурашками по всему телу.

— Ой, как здесь жутко! — прошептала Рита и схватила Леху за руку.

— Что я слышу! Бравый репортер Мышкина наконец-то испугалась! — расхохотался Алексей. — Ты не безнадежна, Марго! Я-то думал, что ты женщина-робот. Может, Мышкина и мышей боится?

— Ужасно боюсь! — призналась Рита. — Сразу на стул вскакиваю.

— Мышь! — заорал Пищик.

Рита отскочила в сторону, Алексей прижал ее рукой к стене, и, как оказалось, вовремя. Мимо на бешеной скорости пронесся «паровозик» из двух медицинских каталок. Леха и Рита вжались в стену, и «состав» пролетел мимо.

— Уф, пронесло! — прошептала Рита. — Хотела бы я знать, кто этот дедушка-партизан, что до сих пор пускает поезда под откос?

— Хотя война давно кончилась, — продолжил Леха старый анекдот, но ни он, ни она не засмеялись.

— Похоже, как раз здесь война не закончилась, только понять бы, кто и с кем воюет, — тихо сказала Марго и вновь почувствовала, как ее тело покрывается мурашками. — Знаешь, это уже не биатлон, а санный спорт, — попыталась она пошутить, но Алексей не рассмеялся.

— Тихо! — прошептал капитан, и они услышали, как где-то наверху тяжело затопали чьи-то ноги, и вскоре шаги затихли.

— Смылся, гад! — догадалась Марго. Теперь его не догнать. — Интересно, чем мы помешали очередному «партизану»? Или это был тот же стрелок, что атаковал нас в прошлый раз из травмата, только теперь он перешел со стрелкового оружия на

«бронетехнику»?

— Видно, кому-то очень не нравится, что мы не уgomонились, а продолжаем тут появляться и задавать неудобные для некоторых вопросы. Кстати, ты заметила, что пол в подвале идет под уклон? Вот и «наш вагончик покотился под уклончик». Кто-то проследил, что мы отправились в подвал, и точно рассчитал время и место психической атаки. Что ж, тот, кто бросил вызов капитану Пищику, об этом скоро пожалеет!

Пафос Алексея насмешил Риту, но капитан не шутил.

— Работаем! — приказал он с интонацией, позаимствованной у Жолобова.

Алексей и Рита прежним путем выбрались из подвала и вернулись к главному входу. Вахтер на посту уже сменился. Капитан предъявил удостоверение и потребовал у чоповца журнал, где тот регистрировал всех входивших по временным пропускам. Оказалось, что по таким бумажкам в этот день прошло в клинику всего десять человек, и все они уже благополучно покинули здание.

— Простите, а мы можем узнать, кто из сотрудников сегодня был на работе и в какое время ушел? — вежливо поинтересовалась Марго.

— Теоретически в терминале сохраняются номера их пропусков, — неохотно сообщил вахтер, — но...

— Что — но? — перебил капитан Пищик. Вахтер отвел глаза:

— Понимаете, как раз сегодня эта система сломалась.

— А как же вы пропускали на работу персонал клиники?

— Я же почти всех в лицо знаю! Если кого не помнил, звонил в соответствующее отделение, чтобы там подтвердили: это наш сотрудник.

— Вы можете набросать список врачей и мед. персонала, присутствующих сейчас на работе?

— Шутите? Их несколько десятков человек. Да и по фамилиям я всех не знаю.

— Скажите, кто-нибудь сейчас выходил из здания? — поинтересовалась Рита.

— Нет, никого не видел.

— Стоп! Какой же я баран! У морга ведь отдельный вход! Кстати, там не требуют никаких пропусков. За мной! — и капитан Пищик дернул Риту за руку.

Они позвонили в дверь, но никто не вышел. Позвонили еще раз — опять тишина. Подергали за ручку — без толку. Дверь была закрыта.

— Видимо, план по смертям больница сегодня выполнила. — невесело пошутила Рита. Ты же видишь, все ушли. Вон, на стоянке только одна машина, черная «volvo».

В царстве Харона

Капитан Пищик еще раз нажал кнопку звонка. Теперь он звонил не робко и аккуратно, как делали несчастные родственники умерших, а с силой утопил эту несчастную кнопку и держал ее, не отпуская руки. Звонок взорвал вечернюю тишину так звонко, словно в морге объявили большую перемену.

Через пару минут на пороге нарисовался все тот же неопрятный санитар, что и в прошлый раз. Он молча глянул на сыщиков и попытался закрыть дверь, не потрудившись даже изобразить на небритом лице и тени любезности.

— Полиция! — Капитан Пищик просунул ногу в щель двери и сунул санитару под нос полицейское удостоверение.

— Опять? Ну сколько можно, вы же к нам уже приходили! — отвел глаза сотрудник царства мертвых. — И почему так поздно? Кащеев давно ушел. Приходите завтра.

— В интересах следствия мы должны прямо сейчас осмотреть ваши помещения.

— С какой стати, капитан? Мы что, подозреваемые?

— Пока еще свидетели. Но если будете препятствовать следствию, станете подозреваемыми. Вот разрешение на обыск.

Санитар молча пропустил их в дверь и повернулся так, что лицо его оказалось в тени.

— Прощу! — сказал он с некоторой издевкой. — Если, конечно, не боитесь мертвецов.

— Бояться надо живых, — сказал Пищик и внимательно посмотрел на санитаря, стоявшего в позе греческого Харона, перевозившего мертвых через реку Стикс в царство Аида. Вместо весла он опирался о косяк двери. Его лицо с трудом угадывалось в вечернем полумраке.

— Ну, тогда пошли, — проворчал санитар и впустил их впереди себя в коридор, слабо освещенный одной-единственной лампочкой.

Они медленно двигались по коридору, заглядывая по дороге в открытые двери. Рита решила не отводить взгляд от того, что увидит в комнатах. Впрочем, ничего особенного они не встретили: обычные кабинеты и лаборатории. В коридоре стояла пара больничных каталок, подозрительно похожих на те, что едва не сбили с ног Риту и Алексея в подземном переходе. Никаких других примет царства мертвых кроме этого транспорта Харона здесь не наблюдалось.

— А что ты ожидала увидеть? — спросил Леха, угадав ее разочарование. — Танцующие скелеты? Привидения? Графа Дракулу? Нет, матушка, здесь трудятся такие же врачи, только работают они с более спокойными пациентами. В общем, обычная рабочая обстановка.

В комнате, похожей на операционную, под лампой на столе лежал труп, накрытый простыней. Капитан Пищик приподнял ее край и спокойно сказал Рите:

— Не она.

Марго выдохнула с облегчением:

— Ну все, больше здесь ловить нечего.

— Похоже на то, — проворчал Алексей.

Санитар, угадав перемену в настроении следователя, казалось, тоже испытал облегчение и повел поздних посетителей к выходу. Как принято в подобных заведениях, он принялся на ходу сыпать шутками и анекдотами. Стало заметно, что Харона «отпустило» и он заметно повеселел. Зато Рите становилось все более жутко, и она вряд ли смогла бы

объяснить, почему.

Внезапно они услышали странный звук. То ли стон, то ли всхлип. Затем последовал громкий стук, словно кто-то плюхнулся со всего размаха на пол. Рите показалось, что звуки доносятся из-за неприметной двери, окрашенной такой же краской, как и зеленые стены коридора. Она вздрогнула и указала Алексею глазами на дверь.

— Откройте. — потребовал следователь у санитара.

— Сейчас-сейчас, — торопливо пообещал тот, затем постучал руками по карманам и объявил. — Ой, а ключи-то в лаборатории... Неужели будете ждать?

— Даже не сомневайтесь, — сказал Пищик, — мы никуда не спешим.

— Ну, если времени полно, ждите. Только мне на все-про все минут пять потребуется.

Санитар не спеша двинул по коридору обратно, в сторону входа. Алексей тем временем постучал кулаком в дверь, рядом с которой они стояли. В ответ опять раздался сдавленный стон, а следом за ним повторился громкий стук.

— Там кто-то есть! — прошептала Рита, и капитан в ответ молча кивнул.

— Что вы так долго копаетесь? Поторопитесь! Мы ждем! — крикнул Пищик в ту сторону, куда ушел санитар

— Сейчас, сейчас! — наконец отозвался он — Пришлось поискать. Представляете, я случайно уронил ключ в холодильник. Короче, ключ теперь там, вместе с трупами, — прокричал санитар с другого конца коридора.

Видимо, он решил припугнуть непрошенных гостей, чтобы те поскорее убрались восвояси. — Придется вам зайти в холодильник.

— Нет проблем, — бодро сказал капитан Пищик, — мы идем.

— Подождите, я сейчас!

Санитар огромной тенью обозначился в конце коридора. Он медленно приближался, зачем-то пряча руку за спину. Внезапно гонец из царства мертвых издал крик самурая и резво прыгнул на капитана. Тот успел в последнее мгновение отскочить в сторону. Резко развернувшись, он схватил нападавшего за запястье, поддал ему коленом в пах, и внушительный нож, мелькнувший в руке нападавшего, отлетел в сторону.

Рита завизжала от ужаса. Она догадалась, что этим ножом вскрывают трупы.

— Давай, пробуй еще! Готов быть твоим тренером, — с издевкой предложил Пищик и подумал, что не напрасно недавно сдавал нормативы по физ. подготовке. Санитар попытался напасть снова, но от удара противника не удержался и с размаху рухнул на пол. Алексей заломил ему руки за спину и скомандовал Рите:

— Вынимай ремень из джинсов.

— Что? — не поняла она.

— То, что слышала! Быстрее вытаскивай свой ремень. я не могу бесконечно прижимать коленом к полу этого уroda.

Санитар вдруг вырвался и сделал третью, решающую попытку. Он разбежался, чтобы боднуть Алексея головой, но тот ловко увернулся, и агрессивный тип со всего размаху впечатался лбом в стену, а затем медленно осел на пол.

Вдвоем Рита и Алексей с трудом скрутили санитара.

— Что, пневматику дома оставил, биатлонист? — спросил Пищик с легкой издевкой. — Ну, ту «пушку», из которой в нас в подвале пулял?

Санитар в ответ замычал что-то невнятное.

— Надо куда-нибудь закрыть этого опасного психа, — сказала Рита. — А то он скоро

оклемаются и начнет со всей дури лягаться.

Пищик быстро обыскал лежащего на полу санитаря.

— Пустые карманы! Что будем делать? Где искать ключ, этот «самурай» ни за что не скажет. Ох, чую, за дверью нас ждет сюрприз!

Словно в ответ на его слова оттуда опять раздался сдавленный вой.

— Держу пари, покойники не издают подобные звуки, — сказал Алексей. Он отошел на несколько шагов, поднял с пола нож и поковырялся в замке. Через пару секунд капитану удалось подцепить язычок, и, надавав плечом, Пищик ввалился в открывшуюся дверь. Туда же они с Ритой пинками втолкнули утратившего прыть санитаря.

Глаза Анжелы расширились, когда она увидела перед собой всю троицу — Капитана, Риту и своего мучителя со связанными руками. Она вновь застонала, и тут вошедшие заметили, что рот ее заклеен скотчем.

— Это он с вами сделал? — спросил Леха, отклеив скотч и указав глазами на санитаря.

У Анжелы хватило сил только слегка кивнуть.

— Скотина!

Алексей не отказал себе в удовольствии от души двинуть санитаря по морде. Затем он крепко прикрутил его к стулу теми же веревками, которыми недавно была привязана Анжела. Все это время Костик мирно посапывал на кушетке. Пищик потрогал теплую щеку мальчика, убедился, что с ним все в порядке, и повернулся к Анжеле:

— Рассказывайте...

Ничего по-прежнему не ясно

— Дайте попить, — прошептала Анжела. — Во рту пересохло.

Рита оглядела комнату и ничего похожего на кружку, стакан или бутылку не увидела, не говоря уже о фильтре для воды.

— Придется вам пить из собственных ладоней, — сказала она и открыла холодную воду. Затем опомнилась, пустила в раковину теплую и указала Анжеле на мыло:

— Вымойте, пожалуйста, вначале руки. Пандемия в разгаре.

Анжела усмехнулась. После того, что она пережила, какой-то там вирус волновал ее меньше всего. Она сейчас была готова пить откуда угодно, хоть из лужи.

Узница с трудом поднялась со стула и крепко ухватилась руками за раковину. Ноги онемели и отказывались слушаться. Вдова олигарха, еще недавно уверенная в себе, порой надменная, порой снисходительная к людям, в эту минуту выглядела растерянной и подавленной. Она со стоном намылила затекшие руки со следами веревок, быстро сполоснула их и наклонилась к крану, сложив ладони лодочкой. Анжела жадно пила и не могла напиться, словно до этого долго брела по пустыне. Рите стало ее так жалко, что она обняла женщину и погладила по плечу. Хотелось успокоить Анжелу и убедить в том, что все позади.

Наконец узница подняла голову и тихо сказала:

— Теперь я могу говорить.

— Как вы попали сюда? — спросила Рита.

Анжела нахмурилась и наморщила лоб, пытаясь хоть что-то вспомнить. Видимо, мысли ускользали, потому что взгляд у нее стал растерянным и встревоженным. Внезапно вдова расплакалась:

— Ничего не помню. Наверное, в машине этой фальшивой «скорой» мне вкололи сильный антидепрессант. Боже, как путаются мысли! Голова кружится, будто я катаюсь на карусели. Слава богу, что Костик... Взгляните, мой сынок спокойно спит. Надеюсь, когда малыш проснется, с ним будет все в порядке?

— Все будет хорошо, — успокоила ее Рита, стараясь говорить как можно увереннее, хотя никаких оснований для оптимизма у нее не было.

— Как вы думаете, для чего вам вкололи сильнодействующий препарат? — продолжил первичный допрос потерпевшей капитан Пищик.

— Если бы я знала! — слабо улыбнулась Анжела.

— Ну, а этот господин вам известен? — спросил капитан, повернувшись к вяло свисавшей со стула тушке санитаря. Тушка открыла один глаз, но на вопрос не отреагировала. Видимо, удар головой об стену вывел «бойца потусторонних единоборств» из строя.

— Сейчас вспомню, постойте... Да, это он втащил меня сюда, привязал к стулу и ушел, закрыв дверь на ключ, — наконец сказала Анжела. — Этот мерзавец велел мне сидеть тихо. Дескать, скоро за мной придут.

Рита сделала еще одну попытку хоть что-то выяснить и спросила:

— Вы поняли, куда вас привезли?

— Помню только, что мы вдруг свернули на дорожку, ведущую к моргу. Дальше — тишина.

— Как вы думаете, кому и зачем надо было все это проделать с вами?

— Вы что, забыли? Антиваксеры убили моего мужа. Почему бы им и до меня не добраться? — голос Анжелы окреп и стал почти таким же уверенным, как прежде.

— И все-таки, с какой целью?

— Хотелось бы мне самой это узнать!

— Надеюсь, подбитый «камикадзе» оправдает наши надежды и вскоре все расскажет.

Капитан от души встряхнул санитаря, так до конца и не пришедшего в чувства. Из разбитых губ Харона вырвался хрип, похожий на всхлипывание.

Перемены в храме

Рита отправилась в Бирюлево рано утром. Она была почти уверена, что похищение Анжелы и Костика — дело рук антиваксеров. Уж очень они фанатичные и нетерпимые. Самые страшные преступления в мире — дело рук фанатиков. Значит, нельзя выпускать эту публику из поля зрения. Они способны много чего наворотить в борьбе за право других людей болеть и умирать. Агрессия и ограниченность антиваксеров в последнее бесила Марго все больше. Хотят болеть — это их право, но зачем подталкивать других людей к кладбищу?

Служба началась. Рита в первые минуты заняла место у выхода из храма, но затем стала пробираться вглубь, ближе к алтарю, чтобы увидеть знакомых прихожан, обычно молившихся в первых рядах. Что такое? Ни одного знакомого лица! Люди недовольно поглядывали на девушку, перемещавшуюся по проходу туда-сюда и мешавшую им спокойно молиться. Священник принялся скороговоркой читать «Отче наш», и Рита наконец поняла, в чем дело. Службу вел незнакомый батюшка. Как же она могла забыть, что отец Фотий в больнице! Нет, этот священник не шел с ним ни в какое сравнение. Ну, как если бы в театре публике подсунули вместо звездного тенора испуганного стажера, наскоро введенного в роль. Голосу новенького было далеко до бархатных интонаций отца Фотия, о красоте и говорить нечего. Лицо «сменщика» окаймляла жидкая бородка, роста он был ниже среднего, даже бархатная скуфья не возвышала его над паствой, под потрепанным подрясником угадывалось не крепкое, как у отца Фотия, а сухопарое, тонкокостное тельце... Такой батюшка вряд ли смог бы успешно спорить с таким опытным полемистом, как Македонский, и уж, конечно, ему не удалось бы, подобно отцу Фотию, стать одновременно кумиром и набожных старушек, и зрелых матрон, и немолодых ироничных интеллигентов. У «новобранца» не было и десятой доли харизмы прежнего настоятеля, как и его безграничного обаяния, подчинявшего прихожан всех возрастов. Существуют вещи, которым невозможно научиться, и харизма из их числа, она или есть, или ее нет.

«Этому сухарю в рясе люди вряд ли доверят свои тайны, нередко греховные, о которых они прежде охотно рассказывали на исповеди отцу Фотию», — подумала Маргарита.

Марго огляделась и чуть не вскрикнула от радости: критик Македонский! Наконец-то хоть одно знакомое лицо!

Кинокритик грустно смотрел перед собой и тихо повторял слова молитвы. Он быстро понял, что с новым пастырем полемики не получится, и откровенно скучал, не решаясь демонстративно покинуть храм до окончания службы. Македонский считал своим долгом ходить на литургию, хотя со многим в церкви и в проповедях священников был категорически не согласен. Такова уж была его природа. Критический взгляд на вещи сопровождал Македонского не только в кинотеатре, но и в храме, да и вообще в жизни. Впрочем, в бирюлевский храм Александр Ипполитович попал не случайно. Он несколько лет назад последовал туда за отцом Фотием. В столице люди нередко ездят на окраину города, например, к врачу, которому доверяют, даже если сами живут в центре. Вот и Македонский путешествовал, не считаясь со временем, в Бирюлево — к батюшке, которому верил и которого уважал. Он знал, что отец Фотий ведет себя независимо, а это в жестких церковных структурах не слишком приветствуется. К тому же этот священник говорит во время проповеди то, что думает, чем изрядно раздражает церковное начальство.

Македонский был в курсе, что отец Фотий переведен из престижного храма в Столешниковом переулке в бирюлевскую новодельную церковь, и часть прихожан последовала за ним. Так же поступил в итоге и сам Александр Ипполитович.

— Вы в курсе, что отец Фотий в больнице? — поинтересовалась Марго шепотом.

— Разумеется! — удивился Македонский вопросу. — Отец Фотий попал туда с подозрением на ковид. Говорят, друзья скинулись и оплатили ему обследование в частной клинике. Жаль нашего батюшку, и все-таки... Хорошо, что я успел вакцинироваться. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай.

Последнюю фразу Македонский произнес довольно громко, и на них зашикали со всех сторон.

— Давайте выйдем, — попросила Марго. — Мне надо кое-о-чем вас спросить.

Они выбрались через толпу наружу. Критик оперся на тросточку с головой орла на рукояти и внимательно взглянул на Марго. Черт возьми, он выглядел на удивление элегантно! Модные джинсы, легкая светлая курточка, накинутая на черную футболку с хипстерской надписью: «Кино кончилось».

— Ну — с, барышня, спрашивайте, — любезно предложил кинокритик.

Марго не надо было просить дважды. Она обрушила на кино-гуру вопросы, накопившиеся за последние дни: откуда взялся новый священник, кто из прихожан заболел ковидом, появлялся ли в храме Емельян, куда подевались другие церковные активисты?

Македонский отвечал подробно, словно выступал в «Закрытый показ», в которой гости из числа столичной богемы всегда старались предстать перед зрителями интеллектуалами и знатоками. Он рассказал, что епархия временно прислала другого батюшку, который и вел сегодня службу. Что касается Емельяна, то он куда-то пропал, как и другие знакомые прихожане. Наверное, новый священник прежней пастве категорически не понравился, и они в знак протеста перестали ходить в храм.

— Вы что-нибудь слышали о митинге против ковида, который планировал провести отец Фотий? — осторожно спросила Рита.

— Ну, какой теперь митинг, когда в храме столько больных? — вздохнул Македонский. затем помолчал и неожиданно добавил: — А почему бы и нет? Обожаю художественный акционизм. Вы во главе с батюшкой выходите с плакатами против чипирования, я фотографирую и снимаю на видео все происходящее в сторонке, а потом пишу большую статью в Фейсбук про разгон мирного протеста. Ну, как вам мой план?

— Ух, какой вы смелый, аж дух захватывает! — язвительно сказала Рита. Она поняла, что больше от критика ничего не добьется, и, наскоро простившись с Александром Ипполитовичем, поспешила к метро.

Завидная командировка

Александр Ипполитович Македонский не первый день пребывал в мрачном расположении духа. В начале пандемии ему, как и большинству жителей России, да что там России — всей Земли! — казалось: надо лишь немного потерпеть, и вскоре все вернется на круги своя. Как говорится, всю жизнь только и делаем, что терпим, так что еще чуть-чуть погодить не грех. Локдаун — конечно, крупная неприятность, но отнюдь не катастрофа. В ближайшие месяцы кто-то переболеет, кто-то умрет (ужасно, конечно, но пандемий без потерь не бывает), зато большинство разумных людей вакцинируется, переживет временные неудобства и будет вспоминать это время как кошмарный сон. Короче говоря, когда все закончится, для Македонского наступит прежняя интересная и насыщенная жизнь — с международными кинофестивалями, отечественными кино-конкурсами, театральными премьерными, выступлениями на телевидении, и, конечно, с интригами, поскольку в закрытой кинотусовке все всех знают и чужим туда путь заказан. Македонский не сомневался: вскоре все это вернется. Ему претила скучная жизнь обывателя, который боится лишней раз выйти из дома, чтобы не подхватить ковид, сидит сиднем у компа, постоянно что-то ест и попутно сравнивает цены в он-лайн магазинах. В мире кино все пропитано энергией и драйвом, даже сплетни заряжают позитивом. Без бурной киношной жизни Македонский закисал. Ковидные будни казались ему тусклым и бесполезным существованием. Он чувствовал, как время утекает сквозь пальцы. Грела лишь надежда, что скоро все будет по-другому. Киношники переосмысливают период локдауна, в мире появятся фильмы и сериалы на эту тему, может быть, даже новые шедевры, и жизнь опять заискрится яркими красками. Критики начнут писать задиристые обзоры-«обсёры» новых фильмов и сериалов, и все снова станет интересным и вполне комфортным. Во всяком случае, для избранных — «резидентов» большого кино.

Александр Ипполитович не только смотрел кино, изучал это воистину дьявольское искусство, но как истинный интеллигент еще и заботился о душе. Критик регулярно посещал храм в Бирюлеве, хотя сам проживал в центре столицы, в Староконюшенном переулке. Македонский проделывал столь неблизкий путь на окраину Москвы ради проповедей отца Фотия, домашней атмосферы в храме и бесед с духовником после службы. В храме Македонский горячо молился о скорейшем окончании пандемии. Однако дни шли за днями, месяцы за месяцами, а конца и края ковиду не было видно. Александр Македонский с его бурным темпераментом и пытливым умом, требовавшим постоянной подпитки новыми впечатлениями, изнывал от скуки в самоизоляции. Жена удивлялась: и чего Шурик мается? Был бы водителем автобуса, учителем или врачом — тогда еще ладно, тем надо на работу ежедневно ходить, а профессия кинокритика присутствия на рабочем месте не требует. Сиди себе спокойно дома, смотри фильмы и сериалы на разных платформах, кропай свои колонки и обзоры, а то и на сочинение очередной монографии попробуй замахнуться. Даже большую книгу можно начать, время позволяет. Эх, всегда так бывает: когда некуда спешить, работать вообще не хочется, а в цейтнот от идей и умных мыслей отбоя нет, только успевай записывать. В общем, душа критика металась и тосковала по большому кино.

Между тем, жизнь шла своим чередом. В Европе стали потихоньку возрождаться знаменитые кинофестивали, пускай пока и без зрителей. Македонского неодолимо потянуло в Канн и в Венецию. Глядя из окна своей арбатской квартиры на дождливую улицу, критик вспоминал с ностальгией солнечный день, мировых звезд на красной дорожке, споры в баре

с аккредитованными журналистами, просмотры конкурсных фильмов по две штуки в день. Конечно, и роскошные приемы на набережной Круазетт по случаю награждения победителей вспоминал. Еще не так давно он мог невзначай вернуть, сидя в ресторане Дома кино, фразы и фразочки, подтверждавшие, что он вхож в этот блистательный мир, который распахивает двери отнюдь не для всех:

— Помню, на последнем конкурсном показе в Каннах... — мечтательно говорил критик, — или вздыхал: — Боже, как приветствовала эту работу публика в Венеции!.. — или доверительно сообщал: — Представляете, мы чуть не подрались в баре с французским критиком после вручения наград!.. — или насмешливо объяснял: — Что? Как я там общаюсь? Да, у меня свободный французский, впрочем, как и английский с итальянским...

В общем, кинокритик Македонский всеми силами стремился «за бугор». Неудивительно, что Александр Ипполитович сделал прививку одним из первых. А что толку? В Европе российскую вакцину «Спутник» V» признавать по-прежнему отказывались, а Россия в отместку Европе на порог не пускала западные «пфайзер» и «модерну». Когда Македонский услышал, что кто-то из коллег собирается отправиться в Канны окольными путями, с двумя пересадками, он от зависти покрылся крапивницей. Наконец при помощи многоступенчатых расспросов и сложных интриг критику удалось разведать, как самые проницательные мастера культуры нынче попадают в Европу. Большинство пробиралось с пересадками, через Стамбул, Киев и Сербию. Впрочем, французских властей подобными запутанными маршрутами сбить с толку не удавалось, и все «посланцы культуры» безжалостно отправлялись на карантин, причем, за свой счет. Подобная перспектива Македонского не пугала — так же, как и опасность просадить все деньги на обязательную прививку иностранным «пфайзером», бесконечные ПЦР-тесты, еду и гостиницу, хотя зарабатывал критик в рублях, а тратиться на командировку предстояло в евро. Он был готов на многие жертвы, даже влез в долги, хотя смутно представлял, когда сможет их отдать. За время пандемии все киношные журналы обнищали, как церковные мыши, и готовы были отправлять в оплаченные загранкомандировки лишь главных редакторов, которым тоже вдруг захотелось в Европу до кожного зуда.

Вскоре после разговора с Марго критик Македонский отбыл в Канны, не подозревая о том, какие открытия, и отнюдь не киношные, его там ждут.

Мели, Емеля!

Рита давно заметила: когда она влюблялась, все валялось из рук. Этим она кардинально отличалась от сестры Жени, которая, влюбившись, горы готова была свернуть. У сестры в разгар романа силы утраивались, и начальство только диву давалось, с чего бы эта робкая девица, еще недавно серая мышка, вдруг стремительно ворвалась в клан самых эффективных, да что там эффективных — незаменимых сотрудников, и быстро выбилась в лидеры? Более того, если любовь оказывалась взаимной, Женя хорошела на глазах, и вместо одного дыхателя вскоре обретала сразу нескольких.

Рита же в периоды любовной лихорадки совершенно теряла голову. Она становилась рассеянной и бестолковой, хотя прежде это совсем не было ей свойственно. Марго не умела любить вполсилы, все ее мысли и чувства устремлялись на драгоценный «предмет», она буквально грезилась наяву. Неудивительно, что работа в тот период занимала в ее душе почетное последнее место. Она бросалась в любовь, как в омут, а на репортерском фронте трудилась кое-как, лишь бы не уволили. Правда, к счастью или, вернее, к несчастью, ее безумные влюбленности быстро заканчивались, Рита вскоре расставалась с возлюбленным по тем или иным причинам, и жизнь репортера Мышкиной входила в прежнюю колею, где единственным важным делом оставалась ее криминальная колонка.

Телефон резким звонком прервал грезы Марго. В эту минуту она с нежностью и тоской вспоминала близость с Лехой, его плечо со шрамом, их забавные словечки, шепот и смех, ее победный крик, который вырвался сам собой в момент безудержной радости. Конечно, подобные воспоминания не способствовали написанию репортажа. Да что там репортаж, даже первый абзац ей не давался, а тут еще этот звонок... Входящий номер принадлежал не самому приятному человеку, однако Рита все же решила ответить.

— Привет, поповна! Чем занимаешься? — голос Емельяна звучал миролюбиво и даже слегка заискивающе.

— Работаю, Емеля, не поднимая головы. Стучу по «клаве», как дятел. Кропаю очередной лонг-рид, то бишь, статейку о криминальных происшествиях, — почти не соврала Рита и для пущей важности добавила, — не могу долго говорить, завтра дэдлайн.

— Ох, любишь ты иностранные слова, поповна, нехорошо это. Сказала бы просто: длинную статью пишу, завтра сдавать. Ну, ладно, я коротко. Жена нашего батюшки, матушка Ирина, сказала, что отец Фотий прислал записку из больницы. Просит нас не прекращать подготовку к митингу. Ковид у него, к счастью, не подтвердился, и батюшку скоро выпишывают. Так что ты это, не тормози, сочиняй кричалки и лозунги, а я буду рисовать картинки. Наш пастырь даже в больнице о деле думает, так что и нам грех лениться. Негоже батюшку подводить, Машенька.

— Ты серьезно, Емеля? Отец Фотий лежит в «Марфино», где люди умирают от ковида каждый день, и одновременно готовит нас к протестам против вакцины? — завопила Рита. — Слушай, Емеля, это бред какой-то! Как сейчас модно говорить, «биполярочка»! По элементарной логике он должен сейчас выступать за всеобщую принудительную вакцинацию — от младенцев до глубоких стариков. Если нашему батюшке собственная жизнь не дорога, пускай хотя бы о других людях подумает.

— Кто верит в вакцину, тот не верит в Бога, — сказал Емельян с важностью, подражая интонацией пастырю.

— Отец Фотий — искренно верующий, и все же попал в госпиталь. Парадокс! Как ты это объяснишь?

— Да он сам это прекрасно объяснил. Батюшка вчера передал нам через жену, матушку Ирину, что молится о своих духовных чадах и искренне кается. Дескать, пострадал он за грехи свои. Мол, бес попутал, нашептывал: взять в долг деньги, собранные прихожанами на поездку в Италию, а потом отдать. Ну, помнишь, мы скидывались на ту антиваксерную конференцию, которую итальянцы потом отменили? Конечно, отец Фотий соблазн поборол, но, как он считает, Господь дал ему понять: даже в мыслях нельзя грешить. Господь, он ведь карает незамедлительно. Ты слыхала, Мария, что от ковида скоропостижно умерла одна столичная судья? Женщине не было еще и сорока. представляешь? За что же ей выпала такая жестокая кара? Оказалось, эта дамочка многим людям присудила тюремные сроки буквально ни за что, можно сказать, за открытое выражение своего мнения. Даже за участие в одиночных пикетах, представляешь? И вот теперь судья сама отправилась на другой, высший суд... Как говорится, «Господь не Ермошка, видит немножко».

Емельян многозначительно помолчал и продолжал:

— В общем, отец Фотий по-прежнему считает, что вакцина и прививки — это дьявольские происки. Кстати сказать, в «Марфино» немало привитых людей болеют ковидом. Короче, батюшка дважды указал в записке, что повестка митинга остается прежней и что мы должны усилить подготовку к нему. Если ты помнишь, я ответственный. Как только отец Фотий выйдет из больницы, сразу же начнет меня пропесочивать.

— Да уж, и впрямь каждый из нас живет в своем информационном пузыре! — возмутилась Рита. — Вы, антиваксеры, готовы объяснить любое событие с позиции своих взглядов и вообще подогнать под них все, что угодно, а то, что сами эти взгляды могут быть ложными, вам и в голову не приходит. Подумать только! Люди в XXI веке верят, что вакцина доставляет в организм жидкие чипы, а те, в свою очередь, заряжаются от вышек 5 G! Типа как мобильники. Полный бред! Хорош, Емеля, повторять эту чушь. Ты лучше скажи: похищение Анжелы Карпенко — твоих рук дело? Или это проделки твоих дружков-антиваксеров?

— Чтооо? — взревел Емельян. — Ты что мне шьешь, поповна? Думай головой. Допустим, я взломал сайт этой тупой ваксерки Анжелы. Зачем? Затем, что таких, как она, дур учить надо, чтобы людей чипироваться не соблазняли. Но похищать эту богатую идиотку?! Делать мне нечего! Ты видела паству отца Фотия? Антиваксеры в большинстве своем — люди воцерковленные, они на тяжкое преступление не пойдут. Заповеди «не убий» и «не укради» наши прихожане свято чтут. Между прочим, Мария, у воцерковленных другой счет грехов и другая расплата за них. Господь все видит и, как учит отец Фотий, карает незамедлительно. От кары господней не откупишься, как от ментов. Всех нас в конце концов ждет суд страшнее земного...

— Ладно, Емеля, с тобой все ясно. До скорого! Только об одном тебя прошу: хоть немного старайся, когда малюешь своих рогатых чипов-чертиков. А то ерунда какая-то получается. Чао, бамбино!

Разговор с Емельяном разозлил Марго, и она решила «перезагрузиться». Рита свистнула Ватсона, и тот, боясь, что хозяйка опять надолго замрет с этой чертовой штукой возле уха, прибежал из прихожей с поводком в зубах и застыл перед ней, радостно хрюкая и виляя обрубок хвоста.

Отец Фотий лежал в «Марфино» уже несколько дней. От скуки он повторял в уме уравнения и решал задачи для физмат-лицея. Ковид у священника не подтвердился, но его по-прежнему мучил сильный кашель после ОРВИ. Знаменитый бас отца Фотия превратился в сиплый шепот. Голова была чугуной. Он кое-как смог позвонить матушке Ирине и обнадежить ее. Дескать, держись, Ириша! Бог не попустит, чтобы твой супруг и отец детишек умер, а наша большая семья лишилась кормильца.

Нет уж дудки! Умереть и оставить без присмотра не только семью, но и с таким трудом вразумленную и возвращенную паству? Этому отцу Фотию очень не хотелось. Разбегутся ведь все, чада слабые и неразумные, по другим храмам! Тогда пиши пропало. Церковь, объединившая его духовных чад, воскресные проповеди, беседы о будущем детей, о чтении, о цифровом рабстве — все пойдет прахом.

Не так давно он сплотил вокруг себя более-менее вменяемых прихожан, постарался, чтобы у них вошло в привычку собираться по воскресеньям и обмениваться впечатлениями о повседневной жизни и мыслями о Боге. Учил их сопротивляться засилью бесчеловечной цифровизации. Умри он сейчас — все рассыплется, как картонный домик.

Отец Фотий отлично помнил, как однажды укрупнили школу, в которой он прежде работал. Коллектив талантливых педагогов, собранный директором за много лет, распался в одночасье. Молодые учителя перешли в соседние школы, пожилые отправились на пенсию — и вскоре от гремевшего на всю округу учебного заведения, куда родители всеми правдами и неправдами старались запихнуть своих чад, не осталось и следа. Вместо него появилась школа, полностью оправдывавшая свое название «средняя». Вот тогда-то батюшка и принял решение, к которому давно шел: оставить учительское поприще и посвятить свою жизнь служению Богу.

Одним словом, у отца Фотия, неожиданно оказавшегося в «Марфино», были серьезные резоны побороться за жизнь земную. В итоге его воля к выздоровлению и усилия врачей дали свои плоды, и батюшка стал потихоньку поправляться. Впрочем, сам священник свято верил, что избежал смерти благодаря усердным молитвам.

Необычный пациент никак не мог привыкнуть к тому, что в больнице его называют не так, как в храме, — отцом Фотием, а по паспорту — Иванов Иван Моисеевич. Это как бы уравнивало батюшку с другими пациентами, лежавшими с ним в одной палате. Постепенно больные и персонал стали относиться к священнику, как к обычному пациенту, и уже не выказывали батюшке особого почтения. Впрочем, отец Фотий не сетовал на судьбу. Он смиренно принял божью кару в виде болезни и счел ее вполне заслуженной. Пребывание в больнице не изменило отношение отца Фотия к прививкам. Напротив, он стал к ним еще более нетерпим, хотя капельницы и уколы сносил стойко.

«Я попал в больницу, но не умер. Значит, на то была Божья воля, — рассуждал про себя священник, лежа на койке в кислородной маске. — А эти несчастные, слабые люди, добровольно чипированные, — они же все равно болеют. Лежат здесь, в Красной зоне практически у врат Рая и Ада. Во всяком случае, многие из них уже готовы попасть в мир иной, а некоторые умирают, несмотря на все усилия врачей. Значит, ни к чему потакать проискам дьявола и позволять вливать в себя богомерзкие чипы. Кто знает, что за этим последует? Вдруг эти чипы перенастроят весь наш организм и нами станут управлять извне?»

Всеобщая цифровизация грозит бедами, о которых мы еще не подозреваем. Не допущу, чтобы у меня забрали душу, данную мне Богом. и оцифровали ее!».

Наблюдательный батюшка заметил, что персонал в отделении слишком часто меняется. Прежние медики, вероятно, выгорали, на их место вставляли новые врачи и сестры, в общем, всех он и запомнить не мог, тем более, что все были в антиковидных костюмах и в масках. Врачи писали на комбинезонах свои имена, чтобы пациентам было проще их распознать. Работы у медперсонала хватало. Не удивительно, что медики редко интересовались профессиями пациентов, они следили лишь за тем, чтобы вовремя выполнялись все медицинские назначения.

Той ночью отец Фотий никак не мог заснуть. Он лежал с закрытыми глазами и вспоминал основные физические законы. Внезапно батюшка услышал позади себя шепот. Один голос был мужским, хрипловатым, а другой высоким женским.

— Есть серьезный заказ, сумма вас приятно удивит, — говорил мужчина.

— Как скоро его надо выполнить? — по-деловому спросила женщина.

— Тянуть нельзя. Серьезные люди не будут ждать долго.

— Мужчина или женщина? От этого зависит доза препарата.

— Да какая разница! Главное, чтобы клиент заснул и не проснулся.

— Тихо! Нас могут услышать.

— Какое там! Смотри, все доходяги дрыхнут. А если услышат, все равно ничего не поймут. Им бы свое имя вспомнить. Ты же знаешь, на способность соображать ковид влияет в первую очередь. У пациентов потом еще долго мозги всмятку.

— А вдруг кто-то из них не спит, а притворяется? Нет уж, договорим в коридоре. Береженного, сам знаешь... Уходим!

Шаги мужчины и женщины постепенно затихли, затем вошла медсестра и выключила в коридоре свет.

Отец Фотий слышал разговор сквозь сон, но смысл, как ему показалось, уловил.

— Господи. спаси их, ибо не ведают, что творят, — пробормотал он, когда шаги говоривших удалились в сторону ординаторской. Наутро ему полегчало, и батюшка решил, что подслушанный разговор, наверное, приснился. Уж больно он был страшный. В жизни так не бывает.

Вперед, по набережной Круазетт!

Критик Македонский частенько говорил жене:

— Ты меня с собой, Маша, пожалуйста, не ровняй! Если ты удобно устроилась на диване, то просто отдыхаешь и смотришь телек. А когда я лежу на диване, в моей голове идет напряженная работа, рождается очередная статья или даже концепция новой книги.

— А когда ты выпиваешь, в голове тоже идет напряженная работа? — каждый раз ехидно интересовалась жена.

— Вот именно! — ничуть не смутившись, отвечал Македонский. — Алкоголь помогает расширить сознание и избавиться от банальностей. Да и разве сто граммов это доза для мужчины? Так, ерунда.

— Если бы ты писал столько же, сколько пьешь, мы бы давно уже жили в элитном доме, — парировала жена.

Вспоминая упреки строгой Маши, Македонский не спеша прогуливался по набережной Круазетт, вдыхал свежий морской воздух и с любопытством глазел на праздную публику. Мечты, казавшиеся несбыточными еще недавно, наконец стали явью.

Критик присел на лавочку, вытряхнул из портмоне бумажку в десять евро и подумал:

«А не заглянуть ли в бар? Собственно, почему бы и нет? Пропущу бокальчик красного, а потом там же, как делают западные коллеги, забью в ноут репортаж с Каннского фестиваля и перегоню его в редакцию. Говорят, что в барах на набережной отличный вай-фай. Пожалуй, надо срочно связаться с шефом и пожаловаться на цейтнот. Ну, чтобы главный не слишком завидовал. Еще имеет смысл позвонить Маше и предъявить мою трезвую и довольную физиономию. Манечка, небось, по давней, еще советской привычке, ждет какую-нибудь модную шмотку из Франции. Необходимо прямо сейчас ей звякнуть, пожаловаться на местную дороговизну, что чистая правда, и напомнить, что лучшим подарком буду я сам, вернувшийся живым и невредимым из ковидной Европы. Ох, женщины! Морально вас не подготовишь — потом обид не оберешься...».

Критик Македонский, стараясь держать спину прямо, уверенной походкой направился в ближайший бар. В этот миг он чувствовал себя Познером на съемках фильма о Франции.

Играющий тренер

— Леша, зайди!

Голос полковника прозвучал сухо, но Алексей сразу понял: по непонятным причинам шеф к нему подобрел. Во-первых, вызывает в кабинет, а не врывается с руганью в отдел, во-вторых, называет его не капитан Пищик, а Леша, и, в-третьих, наконец перестал обращаться к нему на «вы», что всегда было самым плохим признаком.

«Интересно, что произошло за эту ночь? Хорошо бы открылись новые обстоятельства, а дело, наоборот, удалось бы закрыть и с чистой совестью отправиться в отпуск. Стоп-стоп-стоп! Полететь на юг в одиночку, как раньше планировал? Нафига? Зачем мне отпуск без Риты? Надо ее сагитировать тоже взять отпуск на пару недель и полететь на юг вместе. Да, это было бы классно! Только вот... С кем Марго оставит Ватсона?».

Размышляя подобным образом, Алексей не заметил, как дошел до кабинета полковника Жолобова.

— Леша, садись и слушай, — велел полковник по-отечески.

— Есть новости? — предположил Пищик и до хруста в суставах потянулся на стуле. Он интуитивно почувствовал, что сегодня подобные вольности допустимы.

— В деле Калюжного открылись новые обстоятельства. Догадываешься, какие?

— Даже представить себе не могу, — пожал плечами Леша.

— Эх, память девичья! Сам же еще вчера настаивал на том, чтобы труп Калюжного исследовали криминалисты. Ну и вот. Я отдал приказ срочно провести суд. мед. экспертизу и уже получил первые результаты. Если коротко, Анжела оказалась права.

— В смысле?

— Калюжный, конечно, болел ковидом, но умер не от него и даже не от его последствий. Его отравили. В крови олигарха нашли лекарство, допустимая доза которого была превышена в несколько раз.

— Выходит, этот яд ему ввели в Красной зоне?

— Конечно! Он же лежал под ИВЛ.

— Георгий Владимирович, так это же хорошо!

— Не вижу ничего хорошего, капитан Пищик!

— Но ведь новые обстоятельства означают, что круг подозреваемых сильно сужается. Значит, преступника надо искать в «Марфино», а, возможно, не только преступника... Ой, какой же я болван! — сказал Алексей и едва не подпрыгнул на стуле.

— Ну, в этом я никогда не сомневался, — ласково улыбнулся полковник, — а конкретнее?

— Чтобы ответить конкретнее, я должен прошвырнуться по старым адресам и кое-что проверить, — сказал Алексей и нервно взъерошил волосы. — Рассчитываю на вашу поддержку, Георгий Владимирович. Надо срочно получить разрешения на обыски нескольких объектов. Разрешите выполнять?

— Жду скорого доклада по этому делу, капитан Пищик! — перешел полковник на уставную лексику, и Алексей, отозвавшись «Есть!», рысью помчался на служебную автостоянку.

Мятежный пастырь

Отец Фотий, в миру Иван Моисеевич Иванов с детства ненавидел праздность. Он всегда был чем-то занят, куда-то спешил, вечно решал неотложные вопросы. Когда у батюшки поднялась температура, начался кашель и появилось подозрение на ковид, друзьям еле-еле удалось уговорить его лечь в больницу на обследование. В городские больницы в пик ковида госпитализировали только с температурой выше 38, а у батюшки градусник стабильно показывал 37, 8. Возраст у отца Фотия давно перевалил за полтинник, хронических болезней набралось немало, поэтому друзья и, в первую очередь, матушка Ирина, решили, что оставаться ему дома рискованно. Среди духовных сыновей отца Фотия были люди весьма обеспеченные, они-то и настояли на срочной госпитализации, оплатили МРТ и тщательное обследование священника в «Марфино».

В больнице у отца Фотия появилось достаточно времени, чтобы с головой погрузиться в воспоминания. Картины прошлого помогали отвлечься от плохого самочувствия и от больничного окружения, пусть и в коммерческом исполнении. Конечно, отец Фотий не раз соборовал умирающих и отпевал усопших, однако видеть столько людей на пороге смерти ему прежде не доводилось. Он горячо молился за всех болевших ковидом и просил Господа послать им исцеление.

Когда кашель утихал, Отец Фотий вспоминал прежние, казалось, давно забытые годы. Издалека, а точнее, с высоты солидного возраста детство казалось ему счастливым и безмятежным. Родителям, Моисею Евгеньевичу и Анне Ивановне, дали квартиру в Новых Черемушках в начале семидесятых. В те годы столичный район, прежде считавшийся окраинным и состоявший из одинаковых хрущевок, к которым раньше можно было пробраться лишь в резиновых сапогах, с годами превратился в уютный зеленый городок. Там и дышалось легче, чем в центре столицы или в окраинных промзонах, и мест для прогулок было полно. В нескольких автобусных остановках был Битцевский парк, в то время еще настоящий лес с грибами осенью и ландышами по весне. Станции метро «Калужская» тогда еще не было, маршрут заканчивался остановкой «Депо «Калужская». Район стремительно разрастался в сторону Окружной, прежние деревни Беляево, Коньково, Зюзино стремительно застраивались высотными домами.

Липы, тополя, березы и клены, посаженные на субботниках родителями юных новоселов, за десять лет подросли, а у школ и детских садов появились уютные дворы. Ване Иванову с первых дней в первом классе понравилась школа номер девятнадцать с барельефами классиков над входом, а в третьем появились друзья на всю жизнь. Дивное было время! Лыжные прогулки в Битцевском парке, летние походы с учительницей литературы по подмосковным лесам, школьные дискотеки с песнями битлов, новогодние карнавалы... Иногда в актовом зале школы выступал знаменитый писатель Виктор Драгунский, чьи веселые рассказы о Дениске Ваня обожал. Правда, ему казалось странным что от лица Дениски его рассказы читает на сцене пожилой грузный дядечка в слегка помятом костюме. Иногда Ваня думал, что дядечка украл у Дениски тетрадку и теперь притворяется мальчиком. Зачем? Чтобы выступать с его рассказами со сцены и кланяться, когда все третьи классы во главе с учителями громко хлопают уморительным Денискиным сочинениям.

Все мальчишки в классе были влюблены в Леночку Королеву. Эта веселая, хорошенькая

и умненькая девочка жила в другом, таинственном мире. В младших классах Королева казалась мальчикам принцессой из сказочного дворца. Если бы отец Леночки, ответственный работник ЦК КПСС, узнал в те годы о столь странном сравнении, он бы не просто удивился, но, возможно даже испугался, поскольку дворцы и принцессы были классово чуждыми его высокой партийной должности. Тем не менее, дети инстинктивно уловили различия между ними: семья Леночки жила не в хрущевке, как большинство ребят и девочек в их классе, а в красивых, недавно построенных кирпичных домах возле метро «Новые Черемушки», которые народ метко окрестил «Царским селом».

Ваня Иванов уже классе в седьмом сообразил, что в конкурентной борьбе за сердце Леночки у него, сына бедных советских интеллигентов, шансов нет, и в выпускном классе внезапно стал «бегать», как тогда говорили, за Иришкой Левиной. Тоненькая, с длинной пушистой косой и насмешливыми серыми глазами, она в одном из школьных походов запала Ване в душу и с тех пор уютно расположилась в ней навсегда. Если бы кто-то в те далекие годы сказал Ирине, что когда-нибудь она станет матушкой, женой настоятеля храма, она бы безжалостно высмеяла шутника. Да никто и не решился бы над ней так подшутить. Ироничную и свободолюбивую Ирину невозможно было представить встроеной в жесткие рамки православной церкви и добровольно натянувшей длинную юбку и платок вместо стильных нарядов. Тем более, нереально было представить любительницу современной американской литературы, театра и джаза матерью аж пятерых детей.

Они поженились сразу после института. Ваня Иванов окончил МИФИ, Ирина Левина — биофак МГУ. Вскоре у них родился первенец Степан, через полтора года после него — Катерина.... В общем, все как у всех. Жизнь обрушила на молодую семью лавину проблем. Они боролись с безденежьем, сражались с непростым в те годы бытом, в перерывах между семейными обязанностями писали диссертации, встречались со школьными друзьями, а когда дети подросли, стали брать их в походы на байдарках. С каждым годом Иван Моисеевич все больше убеждался, что ему повезло с избранницей. Надежная, верная, хорошая жена и мать, а в довершение всего — прекрасная хозяйка. Но был еще один немаловажный фактор, скреплявший брак. С женой Ивану никогда не было скучно. Ирина оказалась такой же отчаянной спорщицей, как и сам Иван Моисеевич. Они спорили всегда и обо всем на свете и не слишком часто приходили к согласию. У каждого были свои взгляды абсолютно на все: на зарождение жизни на Земле, на этапы покорение Космоса, на процессы в биосфере и на проблемы глобального потепления, на опасность перенаселения Земли. Дискуссии, отточенные в семейных спорах, выносились на посиделки с друзьями. Много материалов для интеллектуальных бесед давали в девяностые популярные журналы «Химия и жизнь» и «Знание — сила». Словом, дружеские застолья проходили в бесконечных дискуссиях.

— Вам известно, что жизнь на Земле зародилась из звездного вещества? — ошарашивал гостей Иван Моисеевич после третьей рюмки.

— Это всего лишь одна из гипотез, — парировала Ирина и предлагала гостям свою загадку. — Кто из русских классиков подошел ближе всех к детективному жанру?

Когда кто-то из гостей наконец называл имя Достоевского, Иван опять пытался перетянуть внимание слушателей на естественно-научные проблемы. Жену он обожал, но считал ее увлечения оперой и художественной литературой чрезмерными, не дающими пищи для аналитического ума. Еще Ивана, математика до мозга костей, раздражало, что СМИ интересуются исключительно пустыми актрисульками и разряженными, как павлины,

поп-идолами, а про успехи российской науки пишут до обидного мало, хотя толку от этих безголосых певцов и глупеньких актрис, в отличие от открытий ученых, для общества никакого, один вред.

— Я-то понимаю все, что кропают в интернете и вещают из телека эти твои филологи и разные «веды», зато ни ты, ни они, не решите ни одной, даже самой простой математической задачи! — горячился Иван Моисеевич и заключал. — Надо правильно расставлять приоритеты! Государство погибнет, если не будет уважать ученых и не финансировать науку!

Всю первую половину жизни отец Фотий был агностиком и атеистом. Казалось, ничто не способно поколебать его научное мировоззрение. Но недаром говорят, что каждый приходит к вере своим путем. Ивана Моисеевича к вере в Бога подтолкнуло чудесное исцеление близкого друга. Александр Барановский таинственным образом выжил после жуткой автомобильной аварии, хотя, по всем прогнозам, должен был непременно умереть. Саша даже не стал инвалидом, хотя медики не давали ему никаких шансов остаться живым и, тем более, здоровым. Видимо, Александр так хотел увидеть сына, который должен был вскоре родиться, что буквально вытащил себя из лап смерти. Или, может быть, высшие силы пожелали оставить его на этой земле для того, чтобы он смог воспитать своего отпрыска.

Одним словом, Иван Моисеевич в середине жизни понял, что наука, перед которой он преклонялся, не в состоянии объяснить до конца все загадочные процессы и явления, происходившие на Земле и в организме человека. Ирину волновали другие жгучие вопросы бытия. Например, великая загадка искусства, которую тоже без привлечения высших сил разгадать невозможно. Как у талантливых людей буквально из ничего, из воздуха, рождаются идеи их великих сочинений? Где они черпают вдохновение? Как создают музыканты свои шедевры из семи нот, а писатели выдумывают новые миры из тридцати трех (а в английском и того меньше) букв? Как Моцарт мог написать гениальные вещи для оркестра в том возрасте, когда дети еще читать не умеют? Неужели гении и вправду — проводники Божьего промысла? Почему и кем мозг человека был создан как процессор компьютера, в котором записываются все события и воспоминания человека от рождения до смерти?

В общем, к сорока годам Иван Моисеевич, к изумлению друзей и родственников, уверовал в Бога. Он дал себе зарок «дойти до самой сути», как всегда доходил в решении задач, и пошел учиться в православную семинарию. Через несколько лет после ее окончания математик Иван Моисеевич Иванов был рукоположен в сан священника, обрел новое имя Фотий и вскоре был отправлен в один из приходо в центре Москвы — помогать старенькому батюшке. По неопытности он взялся за дело слишком рьяно, наговорил прихожанам то, что не понравилось церковному начальству, наконец повздорил с этим самым начальством и в итоге был «сослан» в храм на окраине столицы.

Став приходским священником, отец Фотий во время застольных дискуссий со школьными друзьями нередко приводил в качестве аргумента шутливую формулу, выведенную писателем Зиновьевым:

— «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях... Богом».

И вот теперь отец Фотий лежал под кислородным аппаратом и подробно вспоминал всю прошедшую жизнь — детство и юность, институтские годы и ушедших из жизни друзей, научные споры, которые теперь казались не такими значительными, как в те далекие годы. Потом батюшка начал думать о своих детях, вспоминать их забавные словечки, когда те

были совсем маленькими, их домашние чтения, задорные глаза матушки Ирины и ее до сих пор красивые стройные ноги, скрытые под длинной юбкой.

Спокойно перелистывать в уме страницы воспоминаний отцу Фотию обычно удавалось не долго. Ему почему-то мешало какое-то гадкое чувство. Точнее, предчувствие. Священнослужитель пробовал молиться, но неприятные мысли не покидали его, наоборот постепенно захватывали мозг, измученный ковидом, и нагло вытесняли светлые воспоминания.

Иван Моисеевич лежал и сердился на себя, не в силах сообразить, что внушает ему тревогу. Наконец мысленные усилия дали свои плоды, и пациент вспомнил слова, услышанные прошедшей ночью:

— Мужчина или женщина? От этого зависит доза препарата.

— Да какая разница! Главное, чтобы клиент уснул и не проснулся.

Когда отца Фотия наконец освободили от кислородной трубки, он нащупал на тумбочке смартфон и послал СМС жене Ирине:

«Забери меня отсюда, матушка! Так скоро, как это будет возможно».

Что хотел сказать художник?

Капитан Пищик вел машину молча, на пределе допустимой скорости. Ему не терпелось проверить странную догадку, которая осенила его с утра в кабинете начальства. Алексей решил взять Риту собой «на объект», поскольку могли потребоваться понятые. Впрочем, это была, так сказать, официальная версия, а на самом деле он просто успел соскучиться. Уговаривать Марго составить ему компанию, разумеется, не пришлось, так же, как и просить ее не разговаривать по дороге. Марго сразу уловила напряжение любимого мужчины и всю дорогу ехала молча, стараясь не мешать ему думать.

Дом Анжелы был слабо освещен, там горело всего одно окно, однако Анатолий на этот раз быстро отозвался на звонок в дверь и вопросительно уставился на капитана.

— Хозяйка отдыхает, — сказал он тихо. — Намучилась она, теперь приходит в себя.

— Зовите Зинаиду, — потребовал Алексей, — нам надо осмотреть дом при свидетелях. Вот разрешение на обыск.

Алексей решительно направился к входной двери. Рита засемила следом, стараясь не отставать.

Изумление Анатолия, Зинаиды и Риты нарастало с каждой секундой. Что хочет найти в доме капитан? Почему он действует столь четко и уверенно? Все трое терялись в догадках и не находили ответа.

Анатолий немного поковырялся в трудных замках, толкнул дверь, и они вошли в дом. Рита почувствовала легкий запах пыли и вздрогнула от звенящей тишины. Похоже, Зинаида давно не являлась сюда с уборкой, видимо, не решаясь долго оставаться в доме в отсутствие хозяйки. Она шепотом умоляла вошедших действовать тихо, чтобы не побеспокоить приболевшую Анжелу. Троица вошедших не спускала глаз с Алексея, а он, к их изумлению, и не думал идти далеко. Уверенным шагом Пищик подошел к картине, висевшей в холле, встал на стул и решительно снял со стены портрет Калюжного и Анжелы.

— Так и знал! — сказал капитан с удовлетворением, повернув картину обратной стороной. На изнанке холста была прикреплена плоская папка с кнопкой. Капитан Пищик, не торопясь, открыл ее, достал листок формата А4 и удовлетворенно хмыкнул:

— Я так и думал! Вот оно, завещание Калюжного!.. На гербовой бумаге и заверено у нотариуса... — Алексей пробежал бумагу глазами. — Все свое имущество, в чем бы оно ни состояло, Константин Васильевич завещал Анжеле Карпенко и их сыну Константину Калюжному. Минуточку, я должен сфотографировать этот документ. Теперь прошу свидетелей расписаться здесь и здесь. Анжела пусть не волнуется. Думаю, копия документа прольет свет на подробности этого дела.

— Как ты догадался? — спросила Рита, когда они отправились в обратный путь.

— Меня мучил вопрос: какого черта этот олигарх повесил в домах своих женщин одинаковые картины? И там, и там изображен он сам, только с разными женами. Даже поворот его головы на обеих картинах идентичный, даже пиджак и рубашка те же... Явно Калюжный что-то хотел этим сказать. Или дать знак будущим наследникам... Один ребус мы разгадали, но остался второй. Теперь необходимо выяснить, что умерший олигарх спрятал за картиной, которая висит в холле у его законной жены Елены Калюжной. Возможно, нас и там ожидают сюрпризы. Помнишь, у Лермонтова:

«Все куплю, — сказала злато.

Все возьму, — сказал булат».

— Прости, Лешенька, но это Пушкин, — улыбнулась Рита и попросила:

— Если ехать — то ехать, а то поздно будет.

Бояре, а мы к вам пришли

— Господа, вы смотрели на часы? В такое время я уже никому не открываю, — услышали Рита и Пищик недовольный голос в домофоне. Голос был женским, однако неожиданно низким, с завораживающими бархатными обертонами.

— Откройте, полиция! — рявкнул Леха так грозно, как мог. — У меня есть постановление на осмотр вашего дома.

— Вы с ума сошли, капитан Пищик! Почему именно сейчас, на ночь глядя? — возмутился все тот же голос, в котором Леха узнал неповторимый низкий тембр Елены Калюжной.

— Скажите спасибо, что не в шесть утра. В последнее время наши полицейские выбирают именно это время для обыска. Кстати, они вламываются к людям и по менее значительным поводам. Вам повезло, Елена Петровна, что мы приехали вечером.

— Подождите минутку, сейчас открою.

«Нет, я не Байрон, я другой», — пробормотал Леха, но внезапно смутился и замолчал.

Капитан Пищик и Вездесущая Мышь стояли у калитки и молча ждали. Солнце зашло за лес, поднялся сильный ветер, и Марго почувствовала, что дрожит от холода в легком платье. Длинные волосы лезли в глаза, пугались на ветру, и Рита подобрала их заколкой.

Хозяйка дома явно тянула время, выдерживала характер. Видимо, она наблюдала за ними все это время в глазок видеокамеры. Дескать, им надо — пускай стоят и ждут на холоде. Наконец замок щелкнул, и калитка отворилась. Марго внезапно сделалось страшно, она взяла капитана за руку, и тот крепко сжал ее пальцы.

На лужайке перед крыльцом тускло светил одинокий фонарь, но уже в паре метров от него начиналась полная темнота. За деревьями вскрикнула ночная птица, где-то завыла собака.

Ночные шорохи и звуки не прибавили Марго уверенности. Она поняла, что дрожит вовсе не от холода, и еще крепче сжала руку капитана. Нельзя было позволить ледяному ужасу, разраставшемуся в груди, сковать ее целиком — от волос до пальцев ног с красным лаком, лишить способности здраво рассуждать и парализовать остатки воли. Пищик снова сжал ее пальцы, и тепло его руки вернуло Риту к реальности.

«Моя рука тяжелая и теплая». — вспомнила Рита занятия йогой и невольно улыбнулась.

Марго огляделась. Ничего страшного, кроме темноты и позднего часа. Как обычно, ужас находится не снаружи, а внутри нас и подогревается нашей фантазией. Во всяком случае, за дверью их ожидает не полоумный санитар с ножом, а интеллигентная дама преклонных лет.

«Нам не страшен серый волк!» — прошептала Рита и рассмеялась. Ужас съежился в маленькую точку и наконец пропал, уступив место веселой решимости.

Когда они вошли в холл, Марго решила сыграть роль «доброго полицейского». Так сказать, на контрасте с капитаном полиции при исполнении. Она обаятельно улыбнулась хозяйке и негромко сказала:

— Елена Петровна, извините нас за позднее вторжение. Капитана служба обязывает, а меня — профессия журналиста. Вообще-то мы всего лишь хотим вас расспросить, не заезжала ли сюда случайно Ангела Карпенко?

— Карпенко, говорите? А что, простите, здесь делать этой проститутке? — изумилась мадам Калюжная,

— Ну, к примеру, Анжеле давно пора решить наконец с вами вопрос о похоронах Константина Васильевича Калюжного. Согласитесь, время идет, а тело вашего супруга по-прежнему лежит в морге.

— Обойдусь без ее указаний. Я уже приняла решение хоронить урну в Питере, так и буду действовать на правах законной вдовы.

— Боюсь, что придется поменять ваши планы, — встрял в женскую перепалку Пищик.

— В смысле? — искренне удивилась Калюжная.

— Судебно-медицинские эксперты нашли в теле вашего мужа следы сильного яда, имитирующего сердечный приступ. Требуются еще несколько экспертиз, так что похороны придется пока отложить.

Елена молча опустила на диван, стоявший в холле. Новость потрясла ее, однако волнение вдовы выдавали лишь руки. Правой хозяйка разглаживала невидимые складки на диване, а левой то и дело поправляла выбившуюся из прически золотисто-русую прядь.

Воспользовавшись ее замешательством, Пищик решительно шагнул к стене, снял портрет супругов Калюжных и перевернул его изнанкой наружу.

— Это самоуправство! — взвизгнула Елена Петровна, неожиданно перескочив с низких нот на высокую колоратуру.

— Ого! — обрадовался капитан, рассматривая изнанку холста. — Как писали в старых книжках для школьников: «Портреты заговорили».

К задней стороне картины был прилеплен скотчем листок, на котором чья-то рука неуклюже нацарапала телефон. Ниже в столбик шли цифры, главным образом с шестью нулями. Пищик обернулся к Рите с пояснениями:

— Взгляните, Маргарита! Константин Калюжный явно вел теневую бухгалтерию и прятал ее у законной жены. Видимо, не хотел втягивать молодую сожительницу в свои темные делишки.

Рита кивнула и почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Ход Королевой

Елена Королева родилась, как говорится, «с золотой ложкой во рту». Единственная дочь крупного партийного чиновника, она с детства привыкла получать от жизни все, что хотела, и даже больше. Хорошенькая, модно и со вкусом одетая девочка, дочка влиятельного отца... Кто же не захочет с такой дружить? Кто такую не полюбит?

Привилегии, положенные партийной номенклатуре, конечно, были несравнимы с «ништзяками» нынешней буржуазии, однако жизнь чиновного семейства Королевых отличалась от скудного быта тогдашней советской интеллигенции примерно так же, как унылые платья «Мосшвейпрома» от шмоток, купленных в валютном магазине «Березка». Едва возле метро «Новые Черемушки» на месте прежнего оврага выросли первые кирпичные корпуса элитного квартала, государство в лице ЦК КПСС выделило отцу Леночки в одном из домов просторную «трешку». Планировка и отделка квартиры были несравнимы с теснотой соседних «хрущевок», и одноклассники, изредка забежавшие к ним в гости, с удивлением и восторгом поглядывали на хоромы, в которых, как принцесса, проживала хорошенькая Леночка Королева. К тому времени слухи о шикарных квартирах в новых кирпичных домах успели разползтись по району, и многие аборигены Новых Черемушек мечтали побывать в таинственных апартаментах «Царского села».

Школьные ухажеры бегали за красивой одноклассницей пестрым табунком. Летом они наперебой приглашали Леночку в Парк Горького, расположенный по столичным масштабам рядом — на той же оранжевой ветке метро. Летом они катались там на аттракционах и ели мороженое, а зимой кружились на катке. Еще их кампания любила завалиться в кино. К тому времени в районе появились кинотеатры «Тбилиси» и «Черемушки», там каждую неделю шли новые фильмы. Билеты на французские комедии, к примеру, на «Высокого блондина в черном ботинке», купить было непросто, но мальчишки ухитрились отстоять длинную очередь в кассу и позвонить Леночке в дверь, победно размахивая билетами.

Мать одновременно радовалась тому, что дочка пользуется успехом у мальчиков, и опасалась: как бы потом эти мальчишки из «рабоче-крестьянских» семей не возомнили себя женихами Леночки. Увы, в обычной городской школе, где училась дочка, «принцев» не наблюдалось, так что матери пришлось смириться с неподобающей компанией. Она с отцом была занята на работе с утра до вечера, возить Леночку в престижную «центровую» спецшколу было некому, а эта школа номер девятнадцать, расположенная аккурат между хрущевками и «Царским селом», была рядом, из окна видна. В общем, жизнь иногда диктует свои условия, и родителям пришлось смириться с дочкиными ухажерами из девятого, а потом и десятого «А». Однако при всяком удобном случае предки напоминали Леночке, что ее ждет блестящее будущее — то, которое никогда не смогут обеспечить надежные, но «не перспективные» школьные приятели.

Училась Леночка хорошо, однако нос не задирала, участвовала в походах и «огоньках», давала мальчишкам списывать домашку. Ну, а те наперегонки помогали ей с математикой. Особенно усердствовал Ваня Иванов. Он успевал до звонка с контрольной написать оба варианта: и свой, и Королевой. В итоге Леночка получила по математике твердую четверку в аттестате, которая ей не светила бы без помощи верного Иванова. Она в последствии радовалась, что ЕГЭ в те годы еще не придумали, а то вряд ли удалось бы получить необходимые баллы для поступления в приличный вуз, который наметили родители.

В семействе Королевых над будущим дочери долго не раздумывали. Есть возможность поступить в МГИМО — значит, глупо ее не использовать. С языками у девочки было все в порядке — с восьмого класса Леночка занималась с репетиторами по английскому и по русскому, сочинения писала лучше всех в школе, разок даже заняла третье место на городской олимпиаде по литературе. Одним словом, абитуриентка Королева легко сдала вступительные экзамены и была зачислена в самый крутой вуз страны.

Первого сентября Лена Королева взглянула на однокурсников и поняла, что детство закончилось. Вокруг стояли не школьные друзья, как бывало каждый год на торжественной линейке в девятнадцатой школе, а чужие, дорого и модно одетые юноши и девушки. Простые, понятные и надежные одноклассники остались в прошлом. Как же так? Разве можно одним махом взять и вычеркнуть из жизни целые десять лет, проведенные вместе? Все эти субботники, прогулки в лес, дискотеки, шалости на уроках, походы в кино и на каток в Парке Горького... Нет, ничего не кончено! Они будут по-прежнему встречаться, проводить вместе каникулы, устраивать вечеринки! Они же друзья! Мальчишки ведь не разъехались кто куда, все по-прежнему живут в тех же Черемушках, в своих хрущевках.

Увы, все получилось совсем не так, как мечтала Леночка. Как говорили родители, «жизнь все расставила по местам». Одноклассники вскоре завели в своих институтах студенческие компании, закрутили взрослые романы и больше уже не звонили Лене от консьержки с просьбой выйти на лестницу. Королева расстраивалась, попыталась вернуть прежних поклонников, без которых не чувствовала себя королевой, но, увы, их дороги разошлись, и теперь Лена встречала бывших одноклассников лишь изредка, да и то случайно. Через пару лет она увидела в скверике Ваньку Иванова. Бывший ее ухажер катил коляску и вид имел неприлично счастливый.

— Отпусти ты мальчишек, не названивай им по вечерам, у ребят теперь тоже новая жизнь, — советовала мудрая мама.

— С кем будешь учиться, с тем и пойдешь дальше по жизни, — внушал Леночке папа. Кто-кто, а он давно усвоил, что без связей в нашей стране, впрочем, как и в любой другой, далеко не шагнешь, будь ты хоть семи пядей во лбу.

Кстати сказать, папе пришлось изрядно раскошелиться. Вскоре оказалось, что учиться в МГИМО — совсем не то, что в каком-нибудь «заборостроительном» институте. Леночкины однокашники развлекались в «правильных» клубах и ресторанах, а не в кинотеатре «Черемушки» и в Парке Горького. В подобные заведения в туфлях фабрики «Скорород» не ходят, требуются фирменные шузы и трузера.

На Костю Калюжного Лена обратила внимание в первые же дни занятий. Симпатичный, активный, не тушует под взглядами строгих преподавателей, даже изредка вступает с ними в споры. Одет модно, но не вызывающе. Очень быстро Калюжный выбился в комсомольские активисты, и Лене стало ясно, что он далеко пойдет.

Когда Леночка чрез год привела Костика знакомиться с родителями, те уже все про него знали. Папа — начальник управления в министерстве внешней торговли, мама домохозяйка. Детство Костя провел в Венгрии, где отец находился в длительной командировке. Владеет тремя иностранными языками, недавно избран в бюро комитета комсомола МГИМО. Одним словом, во всех отношениях подходящая партия для дочери партийного функционера.

Пьянящий воздух свободы

Критик Македонский уселся на высокий стул у барной стойки, мысленно подсчитывая, сколько выпивки он может себе позволить за твердую валюту. Для начала представитель московской богемы заказал виски с колой и со льдом.

— О, коктейль! — подмигнул бармен.

Кинокритик выпил и повторил заказ. Бармен взглянул на него с уважением. Македонский вспомнил фразу из старого советского фильма и сказал:

— Заладил: «Коктейль, коктейль! ... Хиппи лохматый!».

Бармен сообразил, что гость русский, и выставил на стойку шот — маленькую стопку водки от заведения. Наметанным глазом бармен оценил возможности гостя и догадался, что вскоре последует продолжение.

Между тем критик Македонский, сидя за стойкой бара в Каннах, представлял себя одновременно Хэмингуэем и Фитцджеральдом, успешно совмещавшими алкоголь и сочинительство. Впрочем, русские классики трезвостью тоже не отличались. После второй порции виски в голове всплыла фраза из фильма про Штирлица: «Пьянящий воздух свободы сыграл с ним злую шутку».

Критик пересел за столик, быстро накропал феерический отчет о первом дне фестиваля и отправил его по e-мэйлу в редакцию. Как-никак он был профи, и подобную работу делал почти на автопилоте.

Александр Ипполитович остался собой доволен: алкоголь подстегнул эмоции, к рабочим навыкам добавилось вдохновение, в общем, писалось ему легко и весело. Затем спецкорр киножурнала А. Македонский по ватсапу переговорил с Главным. Шеф выглядел на экране хмурым и невыспавшимся. Проворчал, «мне бы твои проблемы» и «много не пей, могут быть провокации», а потом и вовсе отсоединился. Затем Македонский, воодушевившись хорошо работающим вай-фаем, вызвал по ватсапу супругу. Маша подозрительно взглянула на мужа с экрана и вместо того, чтобы зануть, как скучает по нему, стала давать разные глупые задания. Например, быстро сказать «корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали». Македонский обиделся и сказал, что она и сама язык на подобной чуши сломает. Затем послал ей пару видов Средиземного моря с белоснежными яхтами, выдал домашнюю заготовку про дороговизну на Лазурном берегу и быстро завершил сеанс связи.

После общения с Родиной Македонский загрустил и попросил у бармена еще водки. Алкоголь ускорил покаянную стадию. Внезапно критику захотелось всплакнуть о смерти отечественного кинематографа и о своей незавидной доле его могильщика. Он тихонько пропел: «Вернулся я на Родину, шумят березки встречные», но под удивленным взглядом бармена опомнился, осекся и замолчал.

Уходить из заведения не хотелось, и Македонский стал исподволь поглядывать по сторонам.

Бар в этот дневной час был почти пуст, лишь в дальнем углу у окна сидели двое. Александр Ипполитович прислушался. Все-таки критик обязан копить впечатления для будущих книг. Недаром же он с молодых лет блокнотик в рюкзаке таскает, чтобы записывать все, что придет в голову.

Говорили по-русски. Вначале Македонский почти ничего не слышал, но потом разговор

пошел на повышенных тонах, и критик наострил уши.

— Какого черта ты вернулся во Францию, не выполнив заказ? — спросил бритый тип в черной футболке с надписью: «Пошли все на...». На его лице без тени улыбки выделялись стальные, почти немигающие глаза.

Невзрачный парень с ранними залысинами, сидевший напротив бритого, ринулся в атаку:

— Так ведь тот баран все испортил! Я предупреждал: не надо посредников. Все они идиоты! Без исключения.

— Чем длиннее цепочка исполнителей, тем больше шансов, что на нас не выйдут. Ты же знаешь, серьезные люди свидетелей не оставляют.

— Блин, всегда говорил: хочешь сделать хорошо, сделай сам.

— Этот идиот выведет на нас полицию!

Бритый повысил голос. Во взгляде невзрачного промелькнул испуг:

— Успокойся! Он никого не видел, заказ ему передали через третьи руки какие-то гопники. Придется залечь на дно. Блин, где бы бабла срубить?

— Расслабься, мы уже все просрали! — глаза бритого сузились и потемнели, превратившись из стальных в свинцовые. Македонский догадался, что в этом тандеме бритый играет главную роль. Тот тем временем продолжал:

— Заказчик говорит, что для него важно решить вопрос именно сейчас, потом заказ теряет смысл. А как решить, если мы здесь, а объект там.

— Валим на Родину! Отыщем там эту богатую бабенку и...

— Заказчик велел оставаться здесь и ждать указаний. Дамочка скоро прилетит сюда. Стресс, блин, снимать. У нее здесь дом имеется. Говорят, ее прислуга в подмосковном особняке ремонт делать собирается. закупает стройматериалы. Верный признак того, что хозяйка скоро свалит из Москвы в эти края.

— Ну, мы с тобой попали!

— А ты думал, будешь тут вечно развлекаться, как эти?

— Кто «эти»?

— Бездельники. Понаехали киношку смотреть, на полуголых девок пялиться и по фуршетам таскаться. Глянь на того облезлого чудака, что сидит за стойкой.

— Прикольный чувак. То строчит что-то в планшете, то виски заказывает. Видать, денег куры не клюют. С барменом щебечет по-ихнему, а сам по ватсапу только что трепался с бабой по-русски. Ясный пень, он тоже понаехал на эти фуршеты. Трындеть — не мешки ворочать.

— И не в яблочко попадать! — подхватил бритый без тени улыбки. Он сузил глаза и процедил сквозь зубы. — Летают в Канны импортную киношку смотреть, а потом таким же бездельникам мозги пудрить. Как будто по интернету сериалы не показывают. Нет, ты погляди! Бармен опять ему наливает. Ценники в евро, а мужику по барабану. Прикинь, бедные за бугор не летают. Особенно сейчас. Поживи две недели на карантине за свой счет, сдай все эти платные тесты — и все, ты банкрот! Да на одном виски разоришься! Лично у меня все денежки тью-тью, и завтра их никто в клюве не принесет.

— Нет, ты глянь, этот Невменько евриками опять сыплет. Может, намекнем, что Господь велел делиться?

— Ты охренел?! Международного скандала не хватает? Французы в два счета вышибут нас в объятия родной ментуры. Лягушатники ведь только политических не выдают, а нас,

братву, — в два счета.

Македонский расслышал не все, что обсуждали соотечественники, однако эпитет «облезлый» не на шутку его разозлил.

— Мы еще посмотрим, кто из нас облезлый! — проворчал он себе под нос.

Критик расплатился с барменом, нарочито громко пожелал ему по-французски удачного дня и, стараясь держаться прямо, двинул походкой Алена Делона в сторону Дворца фестивалей.

Жолобов бьет пенальти

Шеф в ярости ворвался в комнату следователей и закричал с порога, не выбирая выражений:

— Какого черта, капитан, вы не вызвали в клинику наряд, а решили геройствовать в одиночку? Немедленно зайдите ко мне.

Капитан Пищик стоял навтыжку перед полковником и, как школьник, оправдывался, хотя в душе был уверен, что все сделал правильно:

— Георгий Владимирович, я посчитал, что смогу сам справиться с единственным, к тому же, не слишком тренированным противником. Так, кстати, и получилось. Медлить с захватом санитара было нельзя. Явись мы чуть позже, скорее всего, не застали бы Карпенко и ее сына в живых. Санитар ждал каких-то «серьезных людей», которые и организовали похищение Анжелы.

— А что говорит этот идиот? То есть, санитар?

— Ни в чем не признается, несет какую-то чушь. Он очень напуган. Трясется и бубнит, что ему теперь не жить. Типа не оправдал доверия все тех же «серьезных людей». Просит оставить его до суда за решеткой, точнее — спрятать от мести заказчиков.

— Во дает! Как будто кто-то собирается выпускать его после тяжкого преступления — похищения человека, женщины, вдовы олигарха, наконец! Ладно, уже не до шуток. Этот придурок понял, что влип по самое не могу?

— Ну, конечно! Он сказал, что охотно поменялся бы местами с трупами в холодильнике морга.

— Надо усилить наблюдение за ним. Ты ему доходчиво объяснил, что в его интересах дать признательные показания?

— Более чем. У меня есть свидетель, что этот тип на меня с ножом кидался, так что его дела плохи. Я уверен, это он обстрелял из пневматики меня ... ну, и моего свидетеля в подвале больницы.

— Хороший у тебя свидетель, надежный, — усмехнулся полковник, и Алексей подумал, что Жолобову уже известно про Риту.

— И что, этот «Джек-потрошитель» хоть в чем-то признался? — невозмутимо продолжил шеф.

— Только в том, что один гопник попросил его за хорошие денежки спрятать и удерживать Карпенко и ее сына, которых привезут на «скорой». До тех пор, пока не появятся все те же «серьезные люди». Дескать, покойный муж Анжелы задолжал их шефу крупную сумму и приказал любыми способами вытащить денежки у вдовы. Мерзавцы решили: если рядом будет ее сынок, дамочка окажется сговорчивой и подпишет любые бумаги.

— Отчего же эти «серьезные люди» так и не появились? — поинтересовался полковник не без ехидства и добавил. — Сомневаюсь, что у них заговорила совесть.

— Они должны были прийти той ночью, но, видимо, заметили освещенные окна морга, слышали крики внутри и решили не рисковать: слишком много свидетелей. Да, еще один существенный момент. Санитар сказал, что тех, кто должен был разговаривать с Карпенко, скорее всего в стране уже нет. А, может, уже нет и в живых. Подобные заказчики, мол, за собой хвостов не оставляют. И недоделанных заказов тоже. Они всегда возвращаются. Иначе не были бы мафией. Поэтому наш храбрец с ножом трясется, как заливное, при одной мысли

о тех бандитах.

— Короче, капитан Пищик, вы нам подкинули очередной висяк. — перешел полковник на официальный тон, и Алексей неожиданно для себя встал. — Что за таинственные «серьезные люди»? — продолжал Жолобов. — Почему они обратились к этому придурковатому потрошителю трупов? Ни-че-го не по-нят-но! Короче, мы с тобой, Алеша, оказались в полной заднице. Все, как в футболе: сильная команда позорно продула более слабой из-за сущего пустяка.

— И что теперь? — растерянно спросил Алексей.

— Как что? Работать! — заорал полковник и метким щелчком забил скрепку в ворота, сооруженные на столе из трех положенных буквой «П» карандашей.

Богатые тоже плачут

— Анжела Тарасовна, у меня для вас плохие новости.

Анжела подняла на гостя измученный взгляд. Она выглядела так скверно, что Алексею стало ее жаль. Бледные губы, синяки под глазами, полное отсутствие косметики. Между тем, еще недавно следователя встречала здесь совсем другая женщина — красивая, ухоженная, уверенная в себе. Лишь тихая грусть в глазах выдавала тогда ее горе.

— Что еще, капитан Пищик? Мне кажется, хуже той ночи уже ничего быть не может, — тихо сказала она.

Хозяйка закуталась в пушистый плед и взглянула на Алексея темно-фиалковыми глазами, которые только одни и остались прекрасными на ее осунувшемся лице.

— Ой, я ведь не поблагодарила вас, капитан, за наше с Костиком освобождение, — спохватилась Анжела. — Если бы не вы...

Она выдвинула ящик из стола и протянула Алексею небольшую коробочку.

— Что это? — оторопел Пищик.

— Часы моего покойного мужа, — сказала Анжела, — они стоят целое состояние. Берите, Алексей, это вам.

— Большое спасибо за сердечный порыв, — церемонно поблагодарил капитан, — но вы, Анжела Тарасовна, видимо, по-прежнему считаете меня простачком или дурачком-неудачником. В этом доме полно видеокамер, и одна из них наверняка сейчас направлена на нас с вами. Допустим, я возьму презент, потом вам что-то не понравится в ходе следствия, вы опять нажалуетесь на меня начальству, и тогда уже простым вызовом на ковер я не отделаюсь.

Анжела попыталась возразить, но Леха решительно убрал коробочку в ящик, где она лежала, и задвинул его со стуком обратно. Он секунду помолчал для внушительности и продолжал:

— Честно говоря, благодарить и одаривать меня не за что. Я ведь пока не нашел того мерзавца, который заказал вас и вашего мужа.

— Это и есть ваши плохие новости?

— Вам недостаточно? Настоятельно советую: пока будет идти следствие, поезжайте с сыном за границу. Уверен, что Зинаида и Анатолий присмотрят за домом самым лучшим образом. Тем более, что на участке столько видеокамер...

Говоря последнюю фразу, Пищик красноречиво взглянул на Зинаиду.

Помощница, как обычно, драила пол в холле. Перехватив взгляд капитана, она энергично закивала головой и быстро ретировалась на второй этаж.

— Неужели бегство из дома — единственный выход? — на глазах Анжелы показались слезы.

— Простите, Анжела Тарасовна, но в вашем положении...

Леха кинул мимолетный взгляд на ее живот и смутился.

— Вы в курсе? — удивленно перехватила его взгляд Анжела.

— Работаем... — скромно сказал капитан и продолжил: — Это, конечно, не мое дело, но в вашем положении желательно избегать стрессов. Дать вам твердую гарантию, что та ужасная ночь не повторится, я, к сожалению, не могу. Кстати сказать, от санитара мы получили важную информацию. Дескать, ваш покойный муж задолжал кому-то большие

деньги, и этот «кто-то» нанял бандитов, чтобы выбить из вас долги, а те уже наняли нашего Харона.

— Я понятия не имею о его долгах. Константин не посвящал меня в свои финансовые дела. Все годы, что мы с ним были знакомы, он выглядел весьма успешным предпринимателем. По его словам, бизнес приносил нам хороший доход, у меня даже была доля в этом бизнесе. Я ему верила. Знаете, если у мужа и остались долги, я узнаю о них только тогда, когда официально вступлю в наследство.

— С похоронами уже определились? — поинтересовался капитан.

— Бывшая жена по-прежнему настаивает на кремации, но ее мнение волнует меня меньше всего. У меня есть нотариально заверенная воля Константина Васильевича Калюжного. Муж завещал похоронить его на Введенском кладбище, где покоятся его бабушка и дедушка. Поверьте, у меня достаточно средств, чтобы выполнить его волю в ближайшее время. Костя хотел, чтобы я и наш сын, когда подрастет, могли часто навещать его могилу. Калюжный тогда еще не знал, что я жду нашего второго малыша...

— А кто знал?

— Доктор Крымова. Надежда Петровна. Ее убили в «Марфино», как и Костю. Ну, ; позже о мой беременности догадалась Войцеховская. Клянусь, больше я никому не говорила. Срок был маленький, я не была уверена, решусь ли рожать. Решила в память о Косте оставить ребенка. Денег, чтобы вырастить двоих малышей, у меня хватит. Если бы я могла предвидеть ту страшную ночь! Удивительно, что после нее у меня не случился выкидыш. Видимо, Богу угодно, чтобы у нас с Константином родился еще один малыш.

— Берегите себя, — искренне попросил капитан. — Если все же решитесь уехать, дайте мне, пожалуйста, знать.

Анжела улыбнулась одними глазами и еле заметно кивнула.

Отец Фотий вернулся

— Машенька, добрый вечер!

Марго сразу узнала в смартфоне голос Емельяна, однако совсем не обрадовалась. Отнюдь. Из-за последних событий и бирюлевский храм, и прихожане отодвинулись в памяти куда-то далеко, и у Марго не было никакого желания вновь открывать страницу, казалось, уже перевернутую и забытую. Даже писать о прихожанах храма расхотелось. Пускай эти милые, недалекие люди несут в трапезной очередную чушь про чипирование. Она-то тут при чем? Уже ясно, что версия об убийцах-антиваксерах, мягко говоря, несостоятельная. Как она могла поверить в эту чушь и потерять зря столько времени?

Из-за работы под прикрытием у репортера Мышкиной накопились долги перед порталом «Всякая всячина». В пятницу Вездесущая Мышь впервые пропустила еженедельную колонку, о чем с неудовольствием сообщил на планерке главный редактор. Оказывается, на сайт пошли письма от недовольных читателей. Шпажкин пригрозил: если подобное повторится, редакции придется расстаться с Мышкиной.

Рита пришла в уныние: на что тогда жить? Накоплений нет, приличное место работы сразу не найдешь, а платить за съемную квартиру, кормить Ватсона и питаться самой надо ежедневно. Не говоря уже о том, что в двадцать три года хочется иногда и тряпку модную купить. В общем, чтобы вернуть расположение шефа, придется поднажать и накопать криминальную колонку, которая соберет кучу лайков и перепостов.

Однако Емельян по-прежнему сопел в трубку, и дальше молчать было невозможно.

— Какие новости? — спросила Марго самым нейтральным тоном.

— Приходи завтра в храм, — сказал он, — у нас праздник. Отец Фотий. слава Богу, быстро поправился. Оказалось, у него не ковид, а обычная простуда. Короче, батюшку уже выписали из больницы, и он ждет всех наших на литургию, а потом на чаепитие, как обычно. Говорит, Господь вразумил его на впечатляющую проповедь.

Слова Емельяна заинтриговали Марго, и она решила съездить в храм, послушать отца Фотия. Кто знает, может быть, в последний раз. Честно говоря, работа агента под прикрытием оказалась не слишком результативной, отняла кучу времени и, наверное, ее пора уже сворачивать. Рита подумала, что ей будет жаль расставаться с новыми знакомыми. Она успела привязаться к отцу Фотию. серьезному философу и богослову, человеку с добрым сердцем, и к его ближнему кругу. Да, эти люди во многом наивны, им присущи человеческие слабости (а у кого их нет?), зато они искренние и неравнодушные. В отличие от многих успешных ее знакомых прихожане, входящие в окружение отца Фотия, не циники. не прониры и не карьеристы. Они готовы отстаивать свои убеждения, даже рисковать ради них, а если порой и грешат, как все, то стараются как можно скорее искупить свою вину.

Марго с вечера приготовила белую кружевную блузку и черную шелковую юбку чуть ниже колен, в которой раньше ходила только на концерты в зал Чайковского. На голову вместо скромного платочка решила накинуть кремовую шаль. Рита вытащила из шкафа небольшую сумочку, в которую как раз поместилась пара шоколадок для чаепития. Рюкзак пускай в этот раз поскучает дома. «Выздоровление отца Фотия — событие радостное, надо выглядеть торжественно», — думала она.

Настроение у прихожан было и вправду праздничным. Нарядно одетые люди улыбались и поздравляли друг друга с чудесным исцелением пастыря.

Настоятель появился в храме эффектно, словно любимый артист, которого устала дожидаться публика. Все затихли. Было заметно, как исхудал отец Фотий, слышно, как ослаб его голос. Пребывание в больнице не прошло для него бесследно. Однако антипрививочный дух не покинул мятежного священника. Видимо, отец Фотий был по натуре диссидентом. Настоятель терпеть не мог мчаться по жизни прямо, он предпочитал пробираться партизанскими тропами, даже если они порой обрывались на краю пропасти...

Кстати сказать, у отца Фотия была своя, очень личная причина ненавидеть всеобщую вакцинацию. Клавдия однажды по секрету рассказала Рите, что когда-то давно у маленького сыночка священника развился после какой-то рядовой детской прививки отек Квинке, и спасти мальчика не смогли.

Рита вспомнила это и подумала, что пугать неистового священника разгоном мирного митинга бесполезно. Если отец Фотий что-то задумал, добьется своего непременно. Да что там полиция! Инквизиция, и та бы его не испугала! Ради борьбы за веру он готов пойти на риск и даже подвергнуть опасности своих духовных чад.

Марго напрасно надеялась, что, побывав в больнице, батюшка будет агитировать прихожан прививаться. Не тут-то было! После окончания службы священник произнес пламенную проповедь, в которой клеймил слабых духом братьев и сестер, которые не верят в Бога и предпочитают чипировать себя сомнительной вакциной, которая, к тому же, не дает стопроцентной гарантии не заболеть короной. Дескать, он слышал в больнице немало историй о том, как даже привитые люди тяжело болели этой «проклятой чумой нашего века».

— Братья и сестры! Я немного поболел, однако не умер. Этого мифического ковида у меня и вовсе не обнаружили. Оказалось, обычная ОРВИ. Спасли вера и молитва. Лишнее доказательство того, что все в руках Господа, в том числе, и жизнь, и смерть нас, грешных. Господь, как огромный процессор, прогнозирует наши судьбы и составляет каждому программу его жизни, — внес отец Фотий современную нотку в свою проповедь. Прихожане смотрели на пастыря с любовью и подпевали церковному хору, не отвлекаясь в этот раз на перешептывания.

В трапезной настоятель перешел к более интимным рассказам:

— Друзья мои, в больнице я убедился: дьявол разными способами испытывает мою веру в Господа. Например, подсовывает бредовые, воистину кошмарные видения, чтобы искушить меня грешного. Один раз мне даже показалось, что медработники обсуждали убийство пациента. Как такое может быть в лечебном учреждении? Теперь понятно, что это был бред больного, но тогда я лежал в жару, почти без сознания и читал «Отче наш». Одним словом, готовился к смерти. Когда на следующий день температура спала, я с трудом мог вспомнить тот ночной кошмар.

Марго, расслабленно попивавшая чай с домашним яблочным мармеладом, выставленным на общий стол Клавдией, на этих словах напряглась и не слишком вежливо перебила священника:

— Отец Фотий, а вы могли бы описать тех, кто приходил к вам в том кошмарном видении? —

— Один голос был мужской, другой женский, — сказал отец Фотий и добавил, — больше я ничего не помню. Видимо, бесы испугались, что их кто-то может услышать, и быстро исчезли. Хотя... Кажется, они обсуждали, какая доза лекарства смертельна для мужчины, а какая — для женщины.

Марго затаила дыхание. Она поняла, что вот сейчас, буквально в эту минуту услышит что-то важное...

— Пожалуйста, отец Фотий, остановитесь на этом моменте подробнее. Иногда в моих снах тоже причудливо повторяются события минувших дней. Может быть, вы прежде слышали эти голоса в реанимации?

— Я думал об этом. Времени-то, братья и сестры, было полно: лежи себе под кислородом, читай в уме молитвы и думай. Так вот, пытливая дочь моя, женский голос мне показался знакомым, но я решил, что это нечистая сила со мной играет. Женские голоса, они ведь все похожи, тем более, у врачей в масках. А вот мужской дребезжащий тенорок я никогда прежде не слышал.

Отец Фотий помрачнел, достал большой клетчатый платок и вытер пот со лба. Стало заметно, что болезнь не прошла для него даром.

Люди, присутствовавшие в трапезной, зашевелились, зароптали. Дескать, вот же нахальная девчонка! Без году неделя как прихожанка храма, по недогляду допущенная в круг избранных, а туда же! Отвлекает отца Фотия от общей душеполезной беседы.

— Зачем вспоминать то, что уже прошло, — сказала Клавдия, бросив недовольный взгляд на Риту. — Уныние тяжкий грех. Лучше съешь, Маргарита, пирожок с капустой. Ночью пекла. А для вас, отец Фотий, для матушки Ирины и ваших детишек я пирожные безе состряпала. В честь вашего чудесного исцеления. — Клавдия указала глазами на блюдо, прикрытое вышитой салфеткой. Она и сама, белокожая, румяная, в розовой шелковой кофточке и в белой кружевной накидке выглядела, как пирожное-безе с бело-розовым кремом.

— Спасибо, растрогала ты меня, Клавдия!

Отец Фотий в первый раз улыбнулся, и сразу стало заметно, что на его похудевшем, обтянутом желтоватой кожей лице прибавилось морщин.

— Можно я задам отцу Фотию последний, очень короткий вопрос? — Рита виновато обвела взглядом присутствующих и, несмотря на их недовольные вздохи, продолжала, — Вы не могли бы вспомнить, какого числа слышали тот разговор о смертельной дозе?

— Ну, ты слишком многого хочешь от пожилого человека, дочь моя, — усмехнулся отец Фотий. — Хотя... Постой... Кажется, в тот день в реанимации дежурила молоденькая докторша Галина. Все, больше ничего не вспомню, хоть огнем жги. А теперь перейдем к главному. Наш антипрививочный митинг в мэрии не согласовали. Им дана сверху команда активно агитировать за вакцинацию. Что ж, значит встанем в одиночные пикеты вокруг памятника Пушкину. Пикеты пока разрешены. Вот сейчас и проверим, что вы тут без меня делали. Плакаты готовы?

Емельян подошел к священнику и показал ему в смартфоне фотографии.

— Отлично, — похвалил отец Фотий. — Откладывать далее наше богоугодное дело нельзя. Из-за моей болезни и так уйму времени потеряли! О дате и часе проведения пикетов против повальной вакцинации сообщу дополнительно. Настраивайтесь на самое ближайшее время.

Все заговорили одновременно, затем вскочили, задвигали стульями. Воспользовавшись общим оживлением, Рита выскочила из трапезной и позвонила Алексею.

— Привет! — сказала она.

— Привет! Я работаю! — откликнулся Пищик не слишком любезно.

— А я что делаю? — слегка обиделась Рита.

— Наверное, где-то гуляешь, воскресенье же, — сказал Алексей уже другим тоном, в котором проскользнули нежные нотки. Рита догадалась, что любимый соскучился, и почувствовала, как по телу разливается приятное тепло, словно она сделала глоток горячего чая с малиной.

— Нет, ты ошибся, капитан, агент Мышкина на задании, — отрапортовала она деловым тоном. — Работаю под прикрытием в логове антиваксеров. Отец Фотий уже вышел из больницы, ковид у него не подтвердился. Тем не менее, за несколько дней пребывания в «Марфино» наш священник узнал много полезного. Представляешь, батюшка только что поведал пастве странную историю. Типа он слышал, как в реанимации «Марфино» два голоса, женский и мужской, обсуждали, какая доза препарата смертельна для мужчины, а какая — для женщины, и каким образом можно усыпить пациента навеки. Ох, боюсь, как бы кто-то из этих «гуманистов» не вколол смертельную дозу нашему олигарху, а потом и его врачам.

— Врачам-то зачем?

— Ну, мало ли... Возможно, они засомневались в причине смерти Калюжного или случайно стали свидетелями этого преступления... Страшно поверить в такие совпадения, но, знаешь, чуйка меня редко подводит.

— Ну, и как мисс Интуиция предлагает действовать ввиду вновь открывшихся обстоятельств? Батюшке приснилось покушение на убийство... Его замышлял неизвестно кто, неизвестно, когда, и неизвестно, где... Задачку с таким количеством неизвестных сам отец Фотий не решит, хоть он и математик! Зато полковник Жолобов быстро объяснит мне, что деление на ноль невозможно.

— Кстати сказать, батюшка вспомнил, что в тот день дежурила Галина Муромцева. Помнишь, та молодая докторша-интерн из «Марфино»? Мы с ней уже пару раз беседовали в больнице.

— И что?

— А то, что как раз в день ее дежурства на нас спускал каталки этот псих с ножом, то есть, наш знакомый санитар. Тот, что в итоге закрыл в морге Анжелу и Костика, а еще раньше обстреливал нас из пневматики. Ты при случае поинтересуйся, знает ли он интерна Муромцеву, и какие задания она ему давала.

— Поучи капитана Пищика вести допросы! — проворчал Леха. Он помолчал и спросил: — А что агент Мышкина делает сегодня вечером?

— Собираюсь выгулять Ватсона, а потом немного поработать. Колонка сама себя не напишет.

— Приеду помогать, — пообещал Леха, — могу подкинуть тебе парочку любопытных криминальных фактов.

— Поучи репортера Кошкину писать! До вечера!

Рита отключила связь и счастливо засмеялась:

Фуршет и Круазетт

Критик Македонский прогуливался в ожидании вечернего приема по набережной Круазетт в светло-сером льняном костюме. Пиджак был небрежно накинут на черную футболку. Служитель музыки Синема с гордостью поглядывал на свое отражение в витринах дорогих бутиков, любовался закатом и размышлял о судьбах кинематографа:

«В последние годы кино снимают либо психи, либо извращенцы, — думал он. — Не видел ни одной фестивальной картины без убийств, насилия или нетрадиционного секса. Про обычных людей с их проблемами давно снимать не модно. Мало того, что я смотрю в день по два таких фильма с подвывертами, действующими мне на психику, так еще и писать о них приходится. Как говорят англичане, «too much», то бишь, ребята, это чересчур. Как достало всю эту патологическую хрень анализировать! Поневоле задумаешься, стоит ли командировка в Канн подобным мук? Ясный пень, редакционная бухгалтерия оплатит далеко не все расходы, так что я еще и в минусе останусь. Слава богу, на приемы по случаю премьер и вручения Пальмовой ветви пока еще по аккредитации пускают. Хотя бы поем и выпью тут на халяву. Не все же проституткам и хипстерам на подобных мероприятиях светиться, надо для приличия и профессионалов иногда приглашать».

Небрежно предьявив бейдж с аккредитацией, Македонский ловким маневром, отработанным годами, ввинтился в нарядную толпу, окружившую фуршетные столы. Народ уже вовсю выпивал и закусывал, так что на столах с едой оставалось не так много достойных блюд. К тому же ковидная эпоха сказалось на фестивальных «ништяках» не лучшим образом. Никаких тебе лобстеров, семги, ананасов и дорогих сыров, как прежде. Тарталетки с овощным салатом, маринованные огурчики, прозрачная колбаска с маслинами на канапе, бананы и виноград — в общем, все скромно, в духе сурового времени. Винишко тоже было из недорогих, не то, что прежде. Похоже, кинопродюсеры, устраивавшие в былые годы шикарные фуршеты, теперь не собирались пускать руководству фестиваля пыль в глаза. Локдаун в кинотеатрах изрядно их подкосил. На входе у всех проверяли маски, но вскоре участники мероприятия либо надевали их на руку, либо прятали в карман. Во-первых, в маске невозможно выпивать и закусывать, а, во-вторых, когда вокруг то и дело работают вспышки фото- и кинокамер, кому захочется предстать на фотографии или в клипе ютуба с намордником на красиво оштукатуренном лице?

Критик Македонский тем временем не только выпивал и закусывал, он работал.

«Видела бы меня сейчас Маша! Столько звезд вокруг! Она просто обалдела бы и дома уже не спрашивала, чем я тут занимаюсь», — самодовольно подумал критик.

Македонский небрежно перекинулся с зарубежными коллегами впечатлениями о главных фестивальных фильмах, затем постарался попасть в объектив к знакомому фотографу, ловившему эффектные кадры для киножурнала, потом дал интервью для известного ютуб блогера и наконец поболтал с одной из отечественных актрис, залетевшей яркой бабочкой на этот праздник жизни...

То, что Македонский увидел, отойдя от актрисы, заставило критика замереть на месте. В дорогой кожаной сумке одного из продюсеров шарил чья-то вороватая рука. Продюсер был увлечен разговором с модным корейским режиссером, и его сумка, оказавшись без присмотра, болталась где-то у него за спиной. Хозяин руки ловко извлек из сумки портмоне и тут же спрятал его в карман. Он поднял голову, и Македонский оторопел. Это был тот

самый тип, что обозвал его «облезлым». Критик сразу узнал его, хотя воришка был в темных очках. К счастью, вор не заметил Македонского, поскольку смотрел в другую сторону. Критик проследил за его взглядом и с ужасом увидел, что поделец воришки опустошает рюкзачок французской журналистки, незаметно подкравшись к ней сзади.

Македонского охватила паника: что делать? Сообщить об увиденном полиции? В этом случае он превратится в свидетеля, а их, как известно, мафия в живых не оставляет. Бежать? Слишком поздно, все уже произошло, он это видел, значит, стал невольным соучастником.

Все разрешилось наилучшим образом. В сторонке от гламурной публики топталась охрана в штатском, нанятая для соблюдения порядка. Как оказалось, эти «шкафы» все прекрасно видели. Вскоре они подхватили неудачливых грабителей под руки и поволокли к выходу. Не прошло и пяти минут, как подъехал полицейский фургон, куда охранники и затолкали неблагодарных «гостей фуршета».

— Надо же, не только наши режиссеры и актеры сюда понаехали, самые нахальные бандиты — тоже наши! — подумал критик даже с некоторой патриотической гордостью...

Отечество нам «Царское село»

На последнем курсе МГИМО Леночка и Костя, к радости и ее, и его родителей, наконец решили пожениться. Во-первых, они действительно любили друг друга, а, во-вторых, наступало ответственное время — государственные экзамены, а потом — направление на работу за рубеж. Разумеется, не всех, а избранных. Как говорили тогда, «по распределению». В советское время, чтобы получить место где-нибудь в посольстве, пусть даже в одной из стран Африки, требовались не только связи в МИДе. Для начала надо было создать крепкую семью. Неженатых в советское время не любили отправлять за границу. Не дай бог, закрутят роман в «стране потенциального противника», пиши потом объяснительные, отзывай их домой, утирай слезы, вспоминай за рюмкой виски пьесу Леонида Зорина «Варшавская мелодия» ... Одним словом, сплошная мелодрама вместо серьезной работы. Ну, а молодую семью, да еще и выпускников МГИМО, можно отправлять на стажировку куда угодно, хоть в Тунис, хоть во Вьетнам, благо французский, не говоря об английском, у выпускников этого ВУЗа на должном уровне. Молодых супругов никто кроме друг друга пока не интересуется, значит, очередная скандальная аморалка министерству не угрожает. К тому же молодожены нацелены на карьеру, будут работать, как звери, а не пить виски до поросычьего визга и шиться на сомнительные шоу, как большинство посольских.

Длительная командировка в Тунис показалась Калюжным восточной сказкой. Солнце, пальмы, Средиземное море, старый город Медина в центре современной столицы, античные руины знаменитого Карфагена, пряные блюда и экзотические фрукты, красавцы белые верблюды, женщины в длинных платьях и мужчины в национальных одеждах... Советские студенты Калюжные раньше видели такое только в кино.

Довольно быстро Леночка забеременела — к радости мужа, родителей и свекра со свекровью. Дочку она родила в Москве, но вскоре вернулась в Тунис. Мать доходчиво объяснила ей, что не стоит надолго оставлять молодого мужчину в тесном посольском городке, среди незамужних стенографисток и секретарш. Жизнь в замкнутом пространстве советского посольства и впрямь была довольно скучной, но для молодой семьи с маленьким ребенком — самое то. Когда командировка мужа закончилась, Леночке очень не хотелось возвращаться в холодную Москву, где в то время отсутствовали самые необходимые для ребенка вещи. О памперсах в СССР никто слыхом не слыхивал, впрочем, как и об удобных боди для младенцев, о красивых комбинезончиках и тому подобной роскоши. Однако граница в то время была на замке, оставалось приспособиваться к жизни на Родине.

При помощи родителей, да и свои накопления уже были, они с Костей купили кооператив. Лена стала жить в московской квартире и с нетерпением ждать, как и другие жены дипломатов, следующую длительную заграничную командировку. Через год Калюжные уехали в Алжир, где вновь почувствовали себя важными белыми господами, а еще через год Елена родила мальчика. Она по-прежнему радовалась, что их семья за границей избавлена от бесконечных бытовых проблем, в отличие от миллионов семей на Родине. Однако тягучая посольская скука через несколько лет догнала и их молодую семью. В Северной Африке, конечно, жилось комфортно, все вокруг было словно раскрашено яркими южными красками, изобилие фруктов после Москвы, где за апельсинами выстраивались очереди, удивляло и радовало. Однако и южные красоты в конце концов приедаются. Через несколько лет все эти пальмы, бассейны и вечерние коктейли надоели супругам до смерти. Леночка внезапно

стала тосковать по снегу, лыжам, московским друзьям, варить борщ и жарить картошку, начала просить коллег, приехавших из Москвы, привезти бородинского хлеба, сала и селедки. Костя тоже изнывал от тоски и в конце концов завел интрижку на стороне. Разумеется, не с иностранкой, это было строго запрещено, а внутри посольской диаспоры. Леночка узнала об измене мужа позже всех посольских кумушек, устроила скандал, написала заявление в парторганизацию, и разлучницу по-тихому отправили на Родину. Чтобы сохранить семью, Елена Калюжная решила родить третьего ребенка. На свет появился мальчик, и они в очередной раз зажили, как крепкая советская семья.

— Когда уже тебя направят в Европу? — вздыхала Елена, сидя вечером с мужем у бассейна и потягивая джин с тоником. — Надоела эта нищая Африка до смерти. По-моему, Константин, ты заслуживаешь большего. Мне кажется, дипломат Калюжный давно подтвердил свои деловые качества. Боже, как хочется в Париж!

Однако мечты и планы Леночки попали, как говорится, под колесо истории. В 1991 году Советский Союз прекратил свое существование, и МИД основательно перетряхнули. В Париж вопреки обещаниям, данным Косте в министерских кабинетах, отправили других — тех, у кого были связи в верхних этажах новой власти. Константин обиделся и принял самое важное решение в жизни — уйти с дипломатической службы в бизнес. Он понимал: если дело выгорит, доход окажется намного большим, чем самая завидная зарплата в министерстве.

Открыть филиал нефтяной компании в Африке оказалось не слишком сложно, Калюжный и прежде общался на черном континенте с серьезными людьми. Неожиданно бизнес пошел в гору, и в семье с тремя детьми, в последние годы жившей на мидовскую зарплату мужа, впервые появились свободные деньги. Константин смог свозить Елену в Париж, как когда-то обещал, и на этом посчитал свой супружеский долг выполненным, причем навсегда. Спустя годы он не забыл о письме жены в партком и считал, что подобный удар в спину навсегда развязал ему руки. К тому же у новоявленного бизнесмена появились неучтенные супругой деньги, которых становилось все больше. Стресс, усталость и постоянное напряжение Константин, по примеру деловых партнеров, снимал алкоголем и сексом. Одна, другая, третья интрижка... Елена, занятая детьми, смотрела на измены мужа сквозь пальцы. Любовь, как известно, живет три года, а они состояли в браке уже десять лет. Супруга привыкла к его кратким загулам и к мыслям, что муж, всю жизнь озадаченный карьерой, никуда не денется. Да и где он возьмет время и силы на новую семью, на дележ имущества и на другие немалые хлопоты? К тому же дети подросли, на них требуется все больше сил, внимания и денег.

За домашней суетой Елена упустила из вида, что ни парткомов, ни месткомов, этих прежних институтов, зорко стоявших на страже нравственности советских людей, в новой России давно уже нет...

Ребятунки, где же ваши пушки?

— Колян, пипец! Так глупо запалиться... Я же говорил, что крысятничать не время и не место. А ты все: «На что бухать будем? Чем закусывать?». Дозакусывались, блин! Теперь во французской ментуре баланды в миски плеснут и в морду заедут для ясности. Будет тебе и выпивка, и закусон — короче, шведский стол по-французски.

— Хорош лечить, мы не в больнице! Ты, Михась, тоже не цветочки нюхал на этой пьянке, а голимым щипачом заделался. Кто первым запалился с лопатником того жирного пидера, а?

— А кто в рюкзак той бабы полез под самым фонарем? Хоть бы дождался, когда она в темноту отползет с киношным красавчиком обниматься!

— Ну, ладно, замнем для ясности. Только нафига же ты орал вчера, нажравшись, что мы «международные гангстеры»? Сглазил, урод! Теперь мы не гангстеры, а российские идиоты у параши! Вначале тут позагораем, только не на лежаках, а на нарах, а потом нас домой отправят. Вот тогда все, финиш. Родные менты примут нас. как родных, и сразу же начнут с нами интересную игру. Знаешь, какую?

— «Дай взятку?».

— Нет, мой дорогой! Игру «Что? Где? Когда?»! Будут выпыгивать, зачем мы в Канны приперлись, что там делали, с кем виделись и, главное, кто дал денежки на поездку. Сам знаешь, бедные сейчас сюда не шляют, да они и раньше на курорты за бугор не ездили. В общем, готовься, будут острые вопросы. Слыхал, небось, что кое-кто начальство силовиков спалил ... ну, этот... тот, кого нельзя называть. Короче, менты в последнее время озверели. Им сейчас за границу выезд закрыт, а мы такие... в Каннах загораем... Втыкай, наши будут свирепствовать намного круче французских копов!

— Ты, главное, притворяйся, что не бельмеса по-французски не понимаешь. Мне-то хорошо, я только три слова знаю, и те со словарем. Ну, а у тебя все же за спиной французская спецшкола, лопочешь по-ихнему не хуже французов. С африканцами этими черными запросто перетираешь про дела наши скорбные. Короче, будем требовать переводчика. Все же тут цивилизованная Европа, его нам по-любому обязаны предоставить. Поиск толмача займет у них время. А мы пока что покумекаем, что врать на допросах. Не впервой!

— Не ссы, друган, бесплатный ужин нам в камере обеспечен!

— Слушай, а где мы стволы оставили?

— Как где? В той берлоге, которую сняли по букингу. В синей спортивной сумке. Мы же только вчера купили пушки у черных ребятишек. Адресок их малины верным оказался. Через границу хрен пулялки провезешь. Ты чо, в деменции, ни фи́га не помнишь?!

— Во, блин! Теперь стволы точно найдут. Копы ихние на нашу хату смотаются в первую очередь. С такими пушками нам и тут, и в Рашке хана.

— Блин, придумал! Давай косить под политических! Будем тупо бубнить, что нам в России пипец. Может, тогда домой не отправят. По-любому, братан, лучше сидеть во французской тюрьме, чем в нашем СИЗО. По крайней мере, тут и теплее, и хавчик стопудово лучше...

Внезапно завизжали тормоза, машину дернуло, и она остановилась.

— На выход! — рявкнули полицейские. Рявкнули-то они, конечно. по-французски, но смысл их требования был предельно ясен. Арестанты хмуро переглянулись и поплелись в

местное отделение полиции.

Выйти замуж за олигарха

Уезжая в Москву из южного городка, Анжела твердо знала: обратно она не вернется. Все улицы и закоулки родного городишки с его пыльной зеленью летом и лужами на разбитых дорогах зимой она давно могла обойти с закрытыми глазами. Вечером они с подружками гуляли «на районе» без тени страха: всех местных хулиганов, как, впрочем, и их родителей, она знала с детства. Школа с крашеными щелястыми полами и туалетами, в которых вместо унитазов были дырки, спортзал с обшарпанными стульями и пожелтевшими баннерами... Все это навевало тоску и буквально кричало о том, что надо валить отсюда как можно скорее. Не дай бог, выскочишь в восемнадцать замуж, как многие подружки, и застрянешь в этой дыре навсегда.

Все, что видела Анжела в родном городе, резко контрастировало с прекрасным миром богачей и красавиц, который она пристально изучала в глянцевах журналах и в интернете. Воздушные нимфы развлекались шопингом, путешествовали по миру бизнес-классом, пили шампанское на яхтах, летали на кинофестивали, покупали сумочки за сотни тысяч рублей. Тем временем подружки Анжелы, которые, если честно, выглядели ничуть не хуже гламурных девиц, развешивали пеленки во дворе, мешали борщи и щи на плите, бегали с детскими колясками по магазинам и к вечеру валялись с ног от усталости.

Случалось, болтая вечером с Анжелой по телефону, то одна, то другая подружка детства нещадно зевала и вскоре засыпала, уронив трубку на кровать. Разве это жизнь? Анжела критически оглядывала себя в зеркале и понимала, что она ничуть не хуже глянцевах журнальных красавиц. Высокая, тоненькая, длинноногая, с густыми светлыми волосами и глазищами в пол-лица. Эх, были бы деньги! С такими шмотками и макияжем, как у популярных красоток, она смотрелась бы не хуже на какой-нибудь яхте или даже на «Кинотавре» — например, в ложе почетных гостей.

Анжела любила перед сном полистать «Караван историй» или «Hello», которые иногда привозили в единственный супермаркет в их городке. Этот магазин с забавным названием «Счастливый» недавно открылся на главной городской площади и в первый же день сразил жителей яркостью витрин и многочисленными бутиками с товарами, на которые у большинства из горожан не было денег. Анжела тоже не могла себе позволить дорогие шмотки, однако на глянцевах журналы кое-как наскребала, экономя на школьных завтраках. Читала и «на ус мотала». Почти все истории в тех журналах начинались одинаково. Бедная Золушка приезжала в Москву с тысячей рублей в кармане, зато потом... «Потом» начиналось с того момента, когда Золушка встречала Его. Того самого Принца. Щедрого, богатого, решившего превратить ее убогую прежде жизнь в настоящую сказку. Скучных историй о том, как красавица вначале долго училась, преуспела в профессии и лишь потом, годам к сорока, стала успешной и обеспеченной, в таких журналах не печатали. Это самое «потом», редакторам глянца было неинтересно. Им требовались истории, в которых присутствовало чудо, сказочное везение — иначе никто не стал бы покупать их скороспелые и недешевые издания. Справедливости ради надо сказать, что героини глянца тоже не бездельничали. Таланты помогли им поступить в столичный театральный вуз или в музыкальное училище. Однако вскоре становилось ясно, что честным трудом много денег не заработаешь. Без богатого мужа, в крайнем случае, влиятельного покровителя, провинциалке в столице не пробиться. Требуется счастливый случай, главное, быть к нему готовой. И случай, как

правило, не заставлял себя ждать. Ну, а дальшие судьба «понаехавших» красоток, судя по глянцу, складывалась самым завидным образом.

Не удивительно, что, сдав ЕГЭ и отплясав на выпускном, Анжела отправилась в столицу. Она улетала из родного города, не раздумывая и не оглядываясь назад — туда, где остались родной дом, родители и школьные подруги, — словно боялась, оглянувшись, превратиться в соляной столп, как библейская жена Лота. Анжела знала: стоит немного замешкаться, как ее решимость поменять судьбу испарится, а жизнь вернется в прежнюю заезженную и надоевшую до зевоты колею бедноватого, но такого родного и знакомого с детства городка.

В Москве перед Анжелой со всей остротой встал вопрос: чем заняться в городе, где у нее нет ни друзей, ни родных? Талантов к драматическому искусству, а тем более к пению и танцам у Анжелы Карпенко не наблюдалось. В довершение всего, ее южный говорок уничтожал и так невеликие шансы попасть на сцену. Зато у девушки были высокий рост, отличная фигура и необычное лицо, на котором опытный стилист мог рисовать все, что угодно, и в итоге образ каждый раз получался новым и выразительным.

В школу моделей Анжелу приняли без проблем и быстро научили ходить «веревочкой» по «языку», то есть подиуму, смотреть сквозь зрителей и загадочно улыбаться. Чтобы успокоить родителей, Анжела поступила на бюджет в какой-то третьестепенный институт, благо ЕГЭ сдала неплохо, но сразу поняла, что учиться там три года или даже целых пять лет, а потом сидеть за копейки младшим специалистом в какой-нибудь конторе по проверке чистоты воды или еды — не ее путь. Основное время Анжела посвящала теперь показам и рекламным съемкам. Глядя на ухоженных девушек из модельного агентства и слушая их удивительные рассказы о путешествиях по миру и о богатых любовниках, Анжела замирала: вот она, настоящая жизнь! Завтрак в пятизвездочном отеле в Хельсинки, ужин на бульваре в Париже, поездка на «Кинотавр» или на Петербургский экономический форум... Конечно, на этих форумах и конференциях обычно выступают с докладами скучные пожилые тетki в деловых костюмах, однако смотреть-то мужчины будут не на них, а на нее — молодую, красивую, эффектно одетую и причесанную лучшими столичными стилистами.

Возможность поехать на модный показ «в рамках культурной программы экономического форума» Анжела восприняла с восторгом. Хозяйка модельного агентства провернула многоходовую интригу, чтобы модное дефиле появилось в каталогах и на афишах форума. Впрочем, в дирекции не слишком возражали: им важно было привлечь как можно больше богатой публики, поскольку билеты на мероприятие стоили огромных денег, а модный показ — неплохая вишенка на торте, такая пикантная завлекалочка для толстосумов.

Один из таких толстосумов Константин Калюжный решил отправиться на форум в последний момент, хотя зарегистрировался как участник круглого стола месяц назад. Последним аргументом в пользу его поездки стал звонок из Алжира. Деловой партнер Константина, нефтяной магнат, предложил воспользоваться удобным случаем, встретиться в Питере и перетереть за столом кое какие вопросы касательно нового проекта.

Какими судьбами он попал в тот вечер на модный показ, Калюжный потом не мог вспомнить, как ни пытался. После делового обеда с арабским бизнесменом он посидел в ресторанчике с давними питерскими приятелями. Захотелось продолжить этот фестиваль, и ноги сами привели его на праздник молодых полуобнаженных женских тел, жадной до зрелищ публики и толпы фотографов, ловивших на дефиле лучшие кадры для глянцевого

журналов.

Девушка, открывавшая показ весенней одежды будущего года, сразу привлекла его внимание. Она и впрямь была похожей на Весну, словно сошедшую с картины Боттичелли. Видимо, в ее внешности был тот самый «генетический ключ», который встречается нечасто и вопреки любым правилам открывает сердце мужчины с самой первой секунды. Смех молодой матери, глаза любимой девочки из пятого «Б», фигура школьной учительницы физкультуры — да кто же его знает, какие мимолетные счастливые моменты из прошлого, причудливо соединившиеся в девушке из модельного агентства, поразили Калюжного. Словно и впрямь в тот миг стрела шаловливого Амура пронзила это немолодое уже сердце со всеми его клапанами и сосудами и заставила изменить налаженную жизнь.

Калюжный позже говорил, что, едва увидев Анжелу на подиуме, с изумлением понял: любовь с первого взгляда существует. Алкоголь придал Константину Васильевичу уверенности, и он отправился знакомиться с девушкой. Правда, возникло неожиданное препятствие. Охранник, стороживший кулисы, рявкнул, что девушки одеваются, и преградил олигарху путь своим накачанным телом. Константин сказал, что никуда не спешит, и сунул охраннику визитку. Ознакомившись с текстом на картонке, вышибала чудесным образом преобразился. Непробиваемый шкаф с наушником в бритой башке и рацией в огромной лапе буквально через минуту стал улыбочивым и расположенным к гостю. Вскоре он подвел Константина к высокой тоненькой девочке, успевшей переодеться в джинсы и простую белую футболку.

В жизни Анжела оказалась еще красивее, чем в сценическом образе неприступной нимфы. Пышные светло-русые волосы, безупречно белая кожа, симпатичные веснушки, проступавшие сквозь слой грима, удивленные фиалковые глазищи на наивном, почти детском лице. Девушка слегка смущалась, оказавшись в центре общего внимания, но одновременно наслаждалась первым настоящим успехом. Еще бы! В тот вечер на нее была устремлена не одна пара восхищенных мужских глаз.

— Разрешите пригласить вас на ужин в гостиницу «Европейская», — пошел с козырей Калюжный.

Анжела еще больше смутилась, покраснела и пробормотала:

— Ой, извините, уже поздно, пора возвращаться в гостиницу. Я же не питерская, из Москвы. Меня поселили в номер еще с одной девочкой. Боюсь, она будет волноваться, сообщит директрисе агентства о моем отсутствии, и в итоге меня вышибут с работы.

Ее трогательное смущение и смешные, какие-то школьные страхи еще больше очаровали Калюжного.

— Да не переживайте вы так, Анжела, я всего лишь приглашаю вас на ужин! — рассмеялся Калюжный. Алкоголь всегда делал его раскованным и очень обаятельным, и девушка улыбнулась ему в ответ. — Берите с собой эту вашу соседку по комнате. Девочки, вы сегодня хорошо поработали и заслужили отдых. К тому же, — он лукаво окинул взглядом Анжелу, — модели. я слышал, много не пьют и не едят. Так что вы меня не слишком разорите.

Говоря эти слова, Калюжный сам себе удивлялся. Прежде ему были не свойственны подобные «цирлих-манирлих». Большие деньги приучили олигарха не церемониться с девушками, тем более, что недостатка в них не наблюдалось. Раньше он думал так: «Не захочет эта, ну и пусть. Значит, сама дура, упустила возможность перейти в «высшую лигу». Наплевать, завтра появится другая, еще лучше». Молодые красотки сами, как мотыльки на

огонь, слетались на его денежки... Однако в тот вечер он вдруг стал таким учтивым — ну просто принц крови! Секрет подобного преобразования был прост: Калюжный «запал» на девушку с первого взгляда и испугался потерять ее из-за привычного кавалерийского наскока. Имея в подобных амурных делах немалый опыт, он почувствовал: Анжела непохожа на охотницу за олигархами. На него смотрела наивная восторженная девочка, которую можно было осчастливить и воспитать в своем вкусе.

Анжела потом вспоминала тот вечер, как один из самых чудесных в ее жизни. Они с Константином Васильевичем и с подружкой Кристиной пили розовое шампанское, разглядывали роскошные интерьеры ресторана и много хохотали, а гости за соседними столиками с интересом поглядывали на представительного мужчину и двух его молодых и красивых спутниц. Наконец Константин расплатился с официантом, усадил девушек в такси, записал их телефоны и пообещав разыскать в Москве. Разумеется, разыскивать он собирался только Анжелу, а телефон Кристины забил в мобильник из вежливости. Когда он чмокнул Анжелу в щечку и шепнул, что скоро позвонит, девушка вдруг поняла, что в ее жизни наступил тот самый счастливый случай, о котором она мечтала еще в школе.

Привычка записывать

— Знаешь, когда мы беседовали с Муромцевой в ординаторской, я по старой журналистской привычке включила диктофон, — призналась Рита Пищiku. Леха взглянул на нее с изумлением. Парочка присела на скамейку в сквере, у ног Марго пристроился Ватсон, которого они взяли на прогулку. Пес с укором поглядывал то на Марго, то на Алексея, пытаясь содрать лапой намордник, но Рита строго пресекала эти попытки. По скверу бегали мелкие собачонки, с недавних пор вошедшие в моду у москвичей: чихуа-хуа, карликовые пинчеры, крошечные шпицы, йорки и прочие собачьи недоразумения. Ватсон относился к ним с нескрываемым презрением, но порой мелкие твари так доставали его своим пискливым тьяканьем и наскоками, что пес рвался с ними поквитаться. Рита намотала на руку поводок и еще раз проверила, прочно ли закреплено на плоской физиономии пса ненавистное ему приспособление.

— Ты непокобелима! — пошутил Леха и добавил: — Не обижайся, но я не вижу особого толка в твоей аудиозаписи. Ничего особенного ни про Крымову, ни про Войцеховскую эта мымра не рассказала. Можешь этот звуковой файл спокойно стереть. Ты же помнишь: Муромцева ушла в полное отрицалово. Дескать, файлы умерших докторш она не читала, ничего про беременность Анжелы не слышала и вообще мы мешаем ей спасать людей своими дурацкими вопросами.

— Ты что, не понял? — улыбнулась Рита и потрепала встрепенувшегося Ватсона по загривку. — Это я не тебе, дурачок, а капитану. В данном случае, Леша, важны не слова Галины Муромцевой, а ее голос.

— В смысле? — не понял Леха.

— Щи прокисли! Ты хоть помнишь, о чем я тебе рассказывала по телефону?

— О каких-то ковидных сновидениях отца Фотия.

Алексей усмехнулся, пожал плечами и тоже потрепал Ватсона по загривку. Пес энергично завилял обрубком хвоста. Его преданный взгляд говорил о том, что он сию же секунду облизывал бы физиономию капитана полиции, если бы не проклятый намордник.

— В том-то и дело, что у батюшки не обнаружили ковида, да и рассказ его не похож на ковидный бред. Настоятель явственно слышал в палате голоса медиков. Эти люди, мужчина и женщина, обсуждали дозы препаратов, способные убить взрослого человека — мужчину или женщину.

— И что с того? — продолжал тупить Леха.

— А то, что я под каким-нибудь предлогом предложу отцу Фотию послушать запись голоса Муромцевой. Вдруг он сможет его опознать?

— Ну, а как мы узнаем, кому принадлежит мужской голос?

— У меня несколько вариантов. Когда мы были в «Марфино», я не один раз нажимала на кнопку диктофона в смартфоне. Короче, надеюсь, что в самое ближайшее время нас ждет немало сюрпризов.

Гримаса судьбы

Критик Македонский был ошарашен сценой ареста двух карманников, которая разыгралась у него на глазах. Больше всего Александра Ипполитовича поразило, что воришки нагло орудовали на фестивальной вечеринке, где было полно телохранителей звезд и обычной охраны. Еще больше он изумился, когда узнал в карманниках русских «гастролеров». Тех самых! Он встретил их утром в кафе, куда зашел пропустить стаканчик и позвонить в Москву. «И что я там забыл? Ну точно черти занесли! — подумал Македонский с неожиданной злостью на самого себя. — Богемной жизни возжаждал, Хэмингуэй хренов!», — продолжил он самобичевание. Македонский вспомнил, что один из этих карманников (вот скотина!) насмеялся над ним и даже обозвал «облезлым».

«Теперь посмотрим, кто из нас облезлый!» — мстительно подумал Македонский.

— Месье, — неожиданно обратился к Македонскому скромно одетый француз, — просим вас проехать с нами. Тут недалеко, к тому же мы вас надолго не задержим.

— Куда? Зачем? — опешил критик.

— В полицию, как свидетеля ограбления, — сообщил незнакомец. — По нашим сведениям, вы заметили противоправные действия русских гангстеров и можете подтвердить их преступные намерения. Мне только что звонили из участка. Эти уроды утверждают, будто случайно перепутали сумку и рюкзак, куда залезли их шаловливые ручки, со своей ручной кладью. Надо поставить воришек на место.

Македонский по выправке, строгому взгляду и отрывистой речи угадал в собеседнике полицейского в штатском.

— Вот тебе, блин, и фестивальное кино, — устало подумал критик, — даже толком выпить не успел...

Бандиты, видимо, смирились с временной неудачей, освоились в маленькой комнатухе и теперь держались там довольно развязно.

— Слышь, Колян, тут Европа, права человека и все такое... Пускай они, блин, комфорт обеспечивают иностранцам.

— Господин полицейский, мы хотим пить, — сказал тот, который владел французским. Он объявил это не просительным, а весьма уверенным тоном, немало удивив подельника.

— Вот что значит — Европа! У нас за такие заявы могут и по роже! — восторженно прошептал тот.

Полицейский что-то злобное буркнул себе под нос, однако достал из ящика на подоконнике две бутылки воды, два одноразовых стаканчика и подал арестантам.

— Мы ничего не скажем без русского адвоката. — разошелся Колян. — По закону вы обязаны объяснить, за что мы арестованы.

— Немного терпения, месье, — проворчал полицейский, — будут вам и адвокаты, и официанты, и девочки по вызову.

На этих словах в комнатуху вошел в сопровождении человека в штатском утренний знакомец бандитов.

— О, Облезлого тоже арестовали! — обрадовался Колян. — Видать, как и мы, щипачом на фесте заделался. Привет, соотечественник!

— Так вы знакомы? — удивился полицейский.

— Уи, месье, — продолжал Колян на школьном французском. — Только утром

виделись.

— Наглая ложь! — возмутился Македонский, тоже по-французски. — Я не имею с этими месье ничего общего.

— А кто с нами в кабаке чалился и виски квасил! — парировал Колян. — Там наверняка видеокамеры стоят, затребуйте с них записи. Это же Облезлый! Наш корешок из Москвы.

— Что ж, это меняет дело, — сказал полицейский. — из свидетеля вы, месье Облезлый, становитесь соучастником преступления.

Критик попытался вспомнить, как будет по-французски «беспредел», но так и не смог, однако потребовал пригласить начальника участка.

— Будут тебе и начальник, и красная дорожка, и «Пальмовая ветвь», — проворчал полицейский, гордясь своим остроумием. — А пока тебе придется чалиться в камере с этими месье.

Провести сутки в камере с «этими месье», то бишь, с русскими бандитами, совершенно не улыбалось Македонскому, но никто его мнения спрашивать не собирался.

«Ладно, переживу. В конце концов, в компании сильно пьющих продюсеров и режиссеров, как правило, обсирающих чужой успех, тоже бывает не слишком уютно», — подумал критик.

— Слышь, Облезлый, если покатишь на нас бочку, то скоро рыб в Средиземном море будешь кормить, — предупредил второй бандюган по кличке Михась. — Запомни, ты ничего не видел и ничего не знаешь.

Тут дверь отворилась, и всех троих вывели на очную ставку. Посреди комнаты лежала большая спортивная сумка. Полицейский открыл молнию, и перед взором изумленного Македонского предстали внушительные стволы.

— Мы нашли это квартире, которую вы, месье арестанты, снимали. Чье это оружие? — спросил полицейский.

— Вот его! — сказал Колян, не моргнув глазом и ткнул в критика длинным корявым пальцем.

— Это правда, месье Облезлый? — спросил полицейский.

Македонский охнул и стал медленно сползать на пол.

О пользе абсолютного слуха

— Отец Фотий, вы когда-нибудь занимались вокалом? — спросила Рита священника. Литургия уже полчаса как закончилась, настоятель успел переодеться «в штатское» — черные брюки, темно-синюю рубашку, летнюю бежевую куртку и собирался уходить. Он уже несколько раз попрощался с разговорчивыми прихожанками, но те все не отпускали любимого батюшку, обволакивая его волнами восторга и обожания, из которых не так-то легко вырваться, словно из штормящего моря. Новой преграде в лице Риты священник, понятное дело, не обрадовался. Он шутливо замахал на нее руками, размашисто перекрестил и степенно двинул к выходу. Марго сообразила: надо действовать. Сейчас или никогда.

Вопрос прозвучал неуместно, но ничего другого для начала важного разговора Рите придумать не удалось:

— Так где вы учились пению? — повторила она.

Отцу Фотию отступать было некуда, и он ответил:

— В студенческие годы я пел в хоре МИФИ, потом в хоре семинарии. Это было важной частью учебы на приходского священника. А почему тебя, дочь моя, так интересуют мои вокальные способности?

— Если у вас есть музыкальный слух, вы должны хорошо различать голоса, — сказала Рита. — Мне очень важно, чтобы вы узнали два голоса — мужской и женский. Можно я включу запись на пару секунд?

— Ох, и настырная ты, Мария! Ладно, включай, только быстро, меня матушка Ирина к обеду ждет, — проворчал отец Фотий. Рита нажала кнопку в смартфоне. Зазвучал голос Муромцевой:

«Извините, но мне некогда читать чужие записи и ставить диагнозы частным пациенткам. Своей работы выше крыши».

— Узнаете этот голос? спросила Марго.

— Знаешь, дочь моя, все женские голоса похожи, так что я не могу сказать определенно. А в чем дело?

— Очень важно, чтобы вы узнали голоса, которые слышали в реанимации. Послушайте теперь мужской. — и Рита снова включила запись:

«Опять? Ну сколько можно, вы же к нам уже приходили! И почему так поздно? Приходите завтра».

— Постойте-постойте.... Ну, конечно! Этот визгливый тенорок я не спутаю ни с каким другим, — сказал священник, — именно он звучал тогда в палате интенсивной терапии. Выходит, я слышал голоса не в бреду? Трудно поверить. А откуда у тебя эти записи? Ты что, была в Марфино?

— Скоро все узнаете, — сказала Рита. — Спасибо, вы мне очень помогли.

Рита быстрым шагом направилась в сторону метро, а отец Фотий застыл на пороге храма в полнейшем недоумении.

Муж — категория временная

Елена Калюжная была уверена: муж никогда ее не покинет, какие бы романы ни крутил. Официальный развод с женой, родившей ему троих детей, дело хлопотное и, главное, дорогое. Константин денежки считать умел, иначе не стал бы олигархом. Рассуждая примерно таким образом, Елена закрывала глаза на многочисленные увлечения супруга молоденькими девушками, хотя это давалось нелегко. Семейное благополучие Елена ставила выше обид и ревности. Жизнь научила ее терпению. В самом деле, кому из мужчин «за полтинник» не стучался бес в ребро? Кто из них не мечтал продлить молодость и прожить вторую жизнь — с молодой и эффектной женой? Однако в этом возрасте любые серьезные перемены — стресс и в конце концов депрессия. Чувство вины перед женой, неловкость перед детьми, тоска по привычному укладу жизни. Все знакомые мужчины Елены, сходявшие на сторону между сорока и пятьюдесятью, в итоге благополучно вернулись в лоно семьи. Недаром «наше все» когда-то написал: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

Однако с любовного фронта вернулись все — да не все. В один далеко не прекрасный для Елены день Константин Васильевич решительно объявил жене, что встретил настоящую любовь и уходит из семьи. Дескать, жизнь у него одна, и пройти оставшуюся треть пути он собирается так, чтобы «не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Жене и детям он оставляет особняк на Новой Риге, пару квартир в Москве, машину, ну и кое-что еще, по мелочи. Дескать, слава богу, денег у него хватит на две семьи, и в жизни Елены и их троих детей все останется прежним, никто не пострадает материально. Тем более, что детишки давно выросли, пора бы им и поработать немножко.

От подобных заявлений супруга, от новых, молодежных тряпок в его гардеробе, а также от давно забытого блеска в потускневших, казалось, навсегда мужниных глазах Елена пришла в бешенство. То есть как это — ничего не изменится? А статус? А прибыль от бизнеса? А возможность путешествовать? Одно дело, когда она — жена олигарха, с которой все считаются и с которой супруг разъезжает по миру, и совсем другое — никому не интересная разведенка. Проклятый эгоист, видите ли, решил прожить новую счастливую жизнь. А как же она? Одно дело — крепкий и подтянутый пятидесятилетний мужчина, завсегдатай спортзала, и совсем другое — брошенка в районе полтинника. Кому она теперь нужна — с нажитыми недугами и с кучей наследников? С нервами, расшатанными непростой семейной жизнью и с испорченным от множества житейских проблем характером? Да и вообще... Зачем смешить людей и заводить новые отношения в возрасте, когда пора ждать внуков? Получается, она осталась у разбитого корыта, а годы, отданные семье и мужу, спущены в унитаз? Грустные размышления приводили Елену в ярость и не давали покоя ни днем, ни ночью.

Впоследствии она ругала себя за то, что не пресекла связь супруга с провинциальной девицей в самом начале, когда все еще можно было исправить. Ведь как бывает? В первое время интрижка кажется любовникам легким развлечением, а для мужчины — еще и возможностью снять стресс, неизменный спутник большого бизнеса. Устрой она на том этапе небольшой семейный скандалчик — и муж, как дрессированный пес, услышав команду «ко мне», отказался бы от сладкой конфетки и вернулся к хозяйке. Однако Елена, как обычно, не вдавалась в подробности нового увлечения супруга. Ну, а потом стало поздно.

Дело зашло слишком далеко, множество невидимых нитей привязали любовников друг к другу крепче любого штампа в паспорте. На высшей точке взлета и любовной эйфории загулявшего супруга обычно остановить невозможно. Словно капризный ребенок, зажавший в кулаке любимую игрушку, он отказывается выпустить ее из рук в обмен на любые посулы. Немолодой Ромео на этой стадии романа готов биться за свежие и сильные эмоции, за приток новой энергии, за вторую или третью молодость до последнего.

«Что ж, Костику этот фортель дорого обойдется! Я себя не на помойке нашла! Работала в МИДе, растила детей, много лет была женой дипломата!», — распаляла себя Елена, вспоминая «Царское село», учебу в МГИМО и годы, проведенные в посольских городках за границей. Она поклялась себе, что жестоко отомстит супругу и его молодой любовнице. Отомстит, чего бы это ни стоило.

— Спокойно, месье, сейчас разберемся, кто из вас тут Тарантино и где здесь «Криминальное чтиво», — проворчал веселый полицейский, затаскивая белого от ужаса Македонского вновь на стул, с которого тот грохнулся в обморок. Коп обвел глазами троицу арестантов и объявил:

— Сейчас «прокатаем пальчики», и сразу станет ясно, кому принадлежит оружие в сумке.

Однако ясность неожиданно внес Колян:

— Все на пол, суки! — заорал он, выхватывая из сумки «калаш». — Если только посмеете приблизиться, застрелю Облезлого. Он теперь наш заложник. — Для пущей убедительности Колян схватил обмершего от ужаса критика и поволок его к двери. Одновременно он выпучил глаза и рывкнул: — А ты, Михась, чего застыл! Хватай сумку и шевели помидорами! Быстро!

Колян водил дулом «калаша» туда-сюда, и полицейский решил не рисковать. Русский гангстер одной рукой сжимал автомат, другой цепко держал Македонского за тощую шею и отступал с ним из комнаты, не упуская из вида всю честную компанию. Критик с ужасом понял, что из железных тисков бандита ему не вырваться, и плелся впереди похитителя, что-то сдавленно вереща. Голос его звучал не громче, чем писк цыпленка в когтях коршуна и слышать что он шептал было невозможно.

«Блин, это же блокбастер! — внезапно подумал критик. — Вот бы сценарий написать!.. Если, конечно, останусь в живых.»

Держа полицейского под прицелом, Колян вместе с заложником быстро пробирался к выходу. За ним тяжело ступал с дорожной сумкой, до краев забитой оружием, мрачный Михась.

Едва троица выбралась из участка, на улице раздался вой полицейских сирен. Не выпуская Македонского из железных объятий, Колян рванул во двор, крикнув Михасю, чтобы тот не отставал.

— Давай, Облезлый, поднимайся первым! — приказал Колян, указывая на пожарную лестницу.

— Я боюсь высоты! — прошептал Македонский.

— А пули ты не боишься? — поинтересовался Колян и передернул затвор.

Македонский застонал и быстро полез вверх. Поднявшись на крышу, он огляделся. Критику открылась панорама — столь прекрасная, будто ее снял выдающийся оператор: белые домики с крошечными зелеными палисадниками, набережная Круазетт, пальмы, искрящееся под солнечными лучами море... Все было такое нарядно-европейское, что у Македонского перехватило дыхание. Эта картина еще недавно привела бы его в восторг и заставила позвонить жене, чтобы поделиться потрясающими впечатлениями. Однако сейчас роскошный вид на набережную слишком резко контрастировал с незавидным положением заложника.

«Хоть посмотрюсь напоследок на красивое», — с тоской подумал Македонский.

— Чего рот раззявил! Бежим! — скомандовал Колян и ткнул критика дулом автомата в бок.

— Куда? — оторопел Македонский.

— За мной! И не думай сбежать! Один шаг в сторону — и сыграешь в Икара! Короче, полетишь на мостовую.

Они бежали по крышам, и ржавое железо грохотало у них под ногами. Прохожие внизу поднимали головы и с изумлением наблюдали за тем, как странная троица пробирается по раскаленным крышам. Македонский удивился: откуда вдруг взялись силы у него, не слишком молодого и здорового человека? Если бы он рассказал врачу-неврологу, давно и не слишком успешно лечащему его больные суставы и позвоночник, об этом «кроссе» по крышам, тот бы сразу же отправил его к коллеге-психиатру.

«Сколько раз видел подобные сцены в кино! Они всегда казались фальшивыми и пошлыми, — на ходу думал критик, глазами выискивая место, куда можно поставить ногу, чтобы не соскользнуть вниз. — А ведь поди ж ты... Реализм чистой воды!».

Критик подумал, что для бандитов бег по крышам такая же привычная прогулка, как для него еженедельная поездка в Бирюлево.

Внезапно у дома, на крыше которого они затормозили, раздумывая, куда бежать дальше, остановилась полицейская машина. Полицейский, казавшийся сверху игрушечным человечком, неожиданно громко заорал в мегафон:

— Эй, русские гангстеры! Слезайте! Вам все равно далеко не уйти.

— Ага, разбежались! — усмехнулся Колян и передразнил жандарма голосом актера из старого фильма: «Я найду тебя, Фантомас!». — Он поймал кураж и показал полицейским, стоявшим внизу, средний палец. — Фиг вам! Не из таких передраг выбирались!

Затем Колян с сожалением взглянул на критика и сказал:

— Ладно, Облезлый, вали в болото! Ты связываешь нам руки. Свободен, кинотавр! Дальше выбирайся сам. Михась, не ссы! Рвем когти через чердак. Я знаю черный ход в этом подъезде. Прощай, киношник! Не вздумай о нас трепаться копам. Скоро объявимся в Москве, и тогда многим не поздоровится.

В один прыжок Колян с калашом в руках достиг дверцы на чердак. Михась полез следом за ним, с трудом таща по железу тяжелую сумку. Критик остался на крыше один и застыл там в полной растерянности. Он взглянул вниз и от ужаса едва не свалился на плитку, которой была вымощена набережная. Люди отсюда казались букашками, а полицейская машина — детской игрушкой. Он же не птица, чтобы спокойно спланировать на землю, а как по-другому выбираться с крыши — неизвестно.

Внезапно на улице появилась пожарная машина. Она остановилась рядом с полицейской и стала мееедленно выдвигать длинную лестницу. Македонский дождался, когда перед ним появится верхняя ступенька, и, испытывая леденящий ужас, шагнул на нее с крыши. Полицейские и несколько зевак наблюдали за его неловкими передвижениями, как зрители в цирке, — со страхом, любопытством и с восхищением.

Когда Македонский оказался на земле, потирая онемевшие пальцы и стараясь унять дрожь в коленях, полицейские почти по-родственному приняли его в свои объятия. Один из них вежливо попросил проехать с ними в участок для составления протокола. Копы, к изумлению «канатоходца», выглядели довольными. Конечно, с одной стороны, они упустили гангстеров с целым арсеналом оружия, но зато с другой — освободили заложника, который даже не пострадал. Между прочим, это не шутка, тянет на повышение по званию.

Когда наконец все аккредитации и документы критика были тщательно изучены, полицейские извинились перед Македонским и даже предложили отвезти его во Дворец фестивалей.

— Спасибо, нафестивалился, — мрачно сказал Македонский и попросил, — Отвезите-ка лучше меня в аэропорт. Пока эти два бандито-мафиозо гастролируют в Каннах, я не смогу не только работать в вашем городе, но и спать спокойно.

— Не волнуйтесь, месье Обл..., пардон, Македонский — успокоил его один из копов. — Эти типы теперь надолго залягут на дно.

Усики полицейского забавно загибались кверху, как у Пуаро в старом сериале. Македонский впервые за последнее время улыбнулся, а коп продолжал: — Думаю, вам нет смысла торопиться в Москву. Каннский фестиваль, несмотря на ковид, в зените. Вы же знаете, этот праздник кино бывает только раз в году. Короче, работайте спокойно, господин Тарковский, все под контролем.

— Возможно, вы правы, господин Пуаро, — подыграл ему Македонский. Полицейский подкрутил усики и расхохотался, а критик продолжал: — Прощайте, господа полисмены! Пойду-ка я прогуляюсь, подышу наконец воздухом Средиземного моря и Каннского фестиваля... — и Македонский вальяжно отправился по набережной Круазетт навстречу солнечному дню.

Едва он вышел на улицу, в полицейском участке состоялся следующий диалог:

— Похоже, Франсуа, этот чудик и впрямь ни при чем. Он такой же придурочный, как все кинодеятели. Нафига же ты сюда притащил этого психа?

— Возможно, это и так, Поль, — задумчиво сказал «Пуаро». — Однако во всех этих скучных фестивальных лентах недаром любят говорить: «Никогда не говори никогда». Если вдруг окажется, что этот простофиля все же связан с теми двумя русскими гангстерами, он сыграет для нас роль наживки, и мы тогда без труда поймем остальных. Учись, Поль, пока я жив! — сказав это, «Пуаро» заржал раскатисто и звонко, как полковая лошадь.

Капитан Пищик заметно нервничал. Никогда еще ему не приходилось допрашивать священника. Вот теперь сиди и думай, как обращаться к этому солидному мужчине: то ли отец Фотий, то ли батюшка, то ли вообще, как на гражданке — гражданин Иванов или просто — Иван Моисеевич?

Алексей искоса поглядывал на необычного свидетеля и не знал, с чего начать допрос. Отец Фотий, напротив, взирал на полицейского доброжелательно, ибо его сан велел окормлять всех, в том числе и полицейских, среди которых, как было известно отцу Фотию из исповедей прихожан, грешников ничуть не меньше, а то и больше, чем среди обычных людей. Леху смущало, что священник без церковного облачения выглядел как солидный менеджер среднего звена возрастом за полтинник: аккуратно подстриженные борода и усы, черные брюки модного покроя, отглаженная рубашка и светлая курточка. Однако пронизательный, не лишенный любопытства взгляд выдавал мудреца, знающего о человеческой натуре намного больше, чем любой, даже самый продвинутый менеджер.

Наконец капитан взял себя в руки и, солидно откашлявшись, сказал:

— Гражданин Иванов, нам стало известно, что вы можете оказать существенную помощь следствию, так как узнали голос одного из сотрудников больницы. Этот человек подозревается нами в совершении ряда тяжких преступлений. Вы могли бы в общих чертах повторить слова, которые слышали, проходя медицинское обследование в «Марфино»?

Отец Фотий поколебался, но потом кивнул и сказал:

— Помогу всем, чем смогу, — и затем кратко, под запись, пересказал то, что Пищику успела сообщить Рита.

— Сейчас я вызову подозреваемого в комнату для допросов. Он вас не будет видеть, зато вы сможете наблюдать за ним и слышать его голос, — предупредил капитан.

Священник снова молча кивнул. Все происходившее было для него в новинку, а отец Фотий всегда отличался любознательностью.

В помещении, куда привели свидетеля, двое полицейских резались на компьютере в какую-то увлекательную игру и не сразу оторвались от экрана. Наконец, заметив незнакомца и сопровождавшего его сотрудника, игроки встрепенулись, выключили монитор и придали лицам суровое выражение. Затем они перезагрузили программу и включили на мониторе изображения с видеокамер. Священник с волнением увидел, как в хорошо освещенную комнату вошел капитан Пищик. а затем конвоир ввел санитаря из «Марфино». Вид у того после схватки с капитаном был неважный. Ссадины на руках еще не зажили, а под глазом красовался огромный синяк.

— Итак, гражданин Окорочков, вы утверждаете, что похищение гражданки Карпенко — ваше единственное преступление? — спросил Пищик.

Санитар кивнул.

— И с кем же вы его провернули?

— Чо, групповуху пьешь, начальник? Не выгорит! Я действовал в одиночку, — пробормотал подследственный.

— Я вам не верю! — сообщил Пищик. Он вспомнил, что за ними наблюдает священник, и «включил интеллигента»: — Так когда-то говорил Станиславский. Слышал о таком?

Окорочков пробормотал что-то невнятное, и капитан продолжал:

— Вы, подследственный, пытаетесь играть роль разбойника-одиночки, но получается это у вас из рук вон плохо. Я надеюсь, что в ближайшее время вы поделитесь с нами подробностями похищения Анжелы Карпенко и сообщите о ваших подельниках, но пока я хочу спросить о другом. — В голосе капитана прибавилось металла, и он продолжал: — Нам стало известно, что пациент Калюжный, доктор Крымова и заведующая отделением «Марфино» Войцеховская ушли из жизни при вашем содействии.

— Это беспредел, гражданин начальник! — завопил санитар визгливым тенорком. — Я протестую! Вы хотите повесить на меня всю мокруху Москвы и Московской области! Никогда не признаюсь в том, чего не совершал!

— Протестовать будешь на зоне, — жестко сказал Пищик, переходя на «ты», — а пока сиди и слушай. — Наши криминалисты нашли в крови Калюжного сильнейший яд, который вызывает сердечный приступ со смертельным исходом. Есть серьезные основания предполагать, что его убил ты при помощи одного из врачей, работавшего в Красной зоне. Сейчас я расскажу тебе, что было дальше. Надежда Петровна Крымова, вероятно заподозрила кого-то из медперсонала в том, что они помогли ее пациенту покинуть этот мир. На свою беду она поделилась с кем-то из коллег своими догадками. Это стало ее роковой ошибкой. Нам удалось найти кое-какие вещи из ее кабинета, которые не успели утилизировать. На них обнаружены следы того самого яда. Однако преступники, убив ее, на этом не остановились. Ирина Борисовна Войцеховская, разумеется, была в курсе всего, что происходило в ее отделении. Смерть Калюжного, который к тому времени стал выздоравливать, показалась ей подозрительной, как и скоропостижная кончина от сердечного приступа доктора Крымовой. Думаю, Войцеховская сказала кому-то из больничного персонала, что собирается обратиться в полицию. Видимо, это её и погубило. Мне важно узнать, с кем могли поделиться своими подозрениями Крымова и Войцеховская. Что скажешь?

— Я вообще не в курсах, начальник, — пробормотал Окорочков. — По беспределу дело шьешь.

Леха не на шутку разозлился и стукнул кулаком по столу:

— Советую, Окорочков, немедленно во всем сознаться. Тебе по-любому терять нечего. И так, и этак светит пожизненное. Если дашь признательные показания, это поможет облегчить твою участь. По крайней мере, до суда будешь жить в нормальных условиях.

— Надо обмозговать, — сказал подозреваемый. — Сейчас я не готов. Ну, типа языком проложить себе дорожку на тот свет.

— Подумай, Окорочков, — сказал капитан, — хорошо подумай. Мои бока еще помнят каталку, которую ты спустил на нас в подземке, а в стенах того перехода остались следы от пуль, выпущенных тобой из пневматики. Также у нас есть главный вещдок с отпечатками твоих пальцев — нож, которым ты размахивал перед моим носом, и показания свидетеля. В общем, советую обмозговывать недолго, а то никаких смягчающих обстоятельств не будет.

Когда Окорочкова увели, капитан поднялся в комнату, где отец Фотий с интересом наблюдал за «реалити-шоу».

— Ну что? — спросил Пищик священника.

— Это он! Да, точно он! Такой специфический, надтреснутый тенорок ни с чем не спутаешь, — сказал отец Фотий и тихо добавил: — буду молиться спасению души этого грешника.

— О душе убийцы? — не удержавшись, ехидно спросил Алексей.

— Господь милостив, — сказал священник, — Он прощает всех раскаявшихся.

Полицейские, еще недавно игравшие в «стрелялку», с любопытством и недоумением взглянули на необычного свидетеля.

— Спасибо за помощь, отец Фотий, — искренне поблагодарил Алексей.

Отец Фотий перекрестил бравого капитана Пищика, затем его грешных коллег-игроманов, внезапно попросивших у батюшки благословения, и уверенной походкой покинул здание на Петровке

Африканские страсти

Константин Калюжный неплохо знал Африку и понимал, что безоглядно доверять выходцам с этого континента нельзя, особенно в бизнесе. Он это понял давным-давно, еще в бытность дипломатом, когда путешествовал по бесконечным восточным базарам Туниса, Алжира, Египта и Ливии. Ах, какие там были пряные запахи, какие яркие краски! Специи, ткани, экзотические фрукты — все было другим, чем в родной, черно-белой тогда Москве, все щекотало ноздри и радовало взор.

Константин еще в те годы понял: смуглые лавочники в принципе не уважают белых туристов, а тех, кто не торгуется, вообще в грош не ставят. Они всегда называли цену выше реальной и ждали представления — ожесточенного торга с покупателем. Южные торговцы — совсем не то же самое, что европейские продавцы по другую сторону Средиземного моря и уж, тем более, не немцы, все рассчитывающие до копейки. Костя в те годы часто цитировал Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут».

Покинув МИД, Константин решил начать бизнес в Алжире — строить там нефтеперерабатывающие заводы и поставлять для них оборудование. В этой стране геологи открывали все новые нефтяные месторождения, связи у бывшего мидовца в деловых кругах Алжира и в российском нефтяном бизнесе были налажены... В общем, препон бизнесу Калюжного в Африке не предвиделось.

Став бизнесменом, сэр Калюжный (впрочем, в Алжире к нему обращались по-французски, «месье») принялся активно вести дела с учетом местной специфики. Он знал, что процентов на двадцать его попытаются надуть, поэтому при каждой сделке Константин закладывал в смету дополнительные расходы и рассчитывал на меньшие доходы, чем выходило по «официальным», то есть, «белым» расчетам. Неудивительно, что он выставял африканцам ценник выше, чем другим партнерам, с учетом дальнейшей «усушки и утруски». Короче говоря, Калюжный вел двойную бухгалтерию, которая помогала ему успешно маневрировать в бурном море бизнеса. Без нее компания русского предпринимателя была обречена на банкротство. По сравнению с этим деловым морем, которое регулярно штормило, Средиземное теперь казалось Константину тихой лужицей. Однако Калюжный хорошо усвоил правила ведения бизнеса в Африке и в итоге всегда оказывался в прибыли. Его фирма «Ойл автоматик» была посредником между немецкими и африканскими компаниями, так что работала практически за комиссионные. Алжирских партнеров это мало волновало, им было комфортно вести дела с давним знакомым. В Африке связи решают все. Там никто никуда не спешит.

Константину было важно, чтобы грузовые суда не шли обратно из Африки в Россию пустыми. Их загружали под завязку соблазнительными и экзотическими для россиян восточными товарами: пряностями, драгоценными камнями и даже золотом...

Бизнес Калюжного много лет процветал. Строго говоря, машины Константин Васильевич закупал в Европе по оптовым ценам, а продавал в Африку по розничным. Всех все поначалу устраивало. Константин и черные бизнесмены досконально изучили друг друга. Они успешно приумножали капиталы и с одной, и с другой стороны, и много лет были довольны партнерством. Счета месье Калюжного в офшорах пополнялись регулярно, трасты были оформлены на него и молодую подругу Анжелу, недавно родившую сына. Калюжный хотел обеспечить ей и малышу достойное будущее и решил выделить Анжеле долю в бизнесе.

Константин строил грандиозные планы об увеличении объемов закупок и мечтал о новых детишках от молодой подруги. Но однажды, как говорится, «что-то пошло не так»...

Все началось с того, что партнеры не заказали в «Ойл автоматик» очередную партию машин, хотя геологи открыли в Алжире новое перспективное месторождение. Константину про новые залежи нефти было известно, неудивительно, что он слегка напрягся. На все расспросы партнеры вежливо улыбались, угощали его вкусным чаем с восточными сладостями и фруктами, подносили кальян, ссылались на какие-то малозначительные обстоятельства и бесконечно переносили день подписания договора. Не сразу, где-то через пару месяцев русский бизнесмен понял, что его попросту водят за нос, причем с африканским коварством и приторной восточной учтивостью. Он попытался разузнать причину заминки через знакомых немцев, и те вскоре сообщили весьма неприятные новости. Прежний партнер Константина Омар Абдель Рифхат серьезно заболел и практически отошел от дел, а должность генерального директора и право подписи передал младшему сыну — Али Омар Рифхату. Тот окончил английскую бизнес-школу и прекрасно разбирался в тонкостях внешнеэкономической деятельности. Али не составило труда напрямую выйти на немецкую компанию и понять, что русский предприниматель — лишнее звено в их торговой цепочке и благодаря этому звену семейный бизнес теряет кучу денег. Сообразив это, Али отправил одряхлевшего папашу и дальше пудрить мозги русскому партнеру, чтобы тот не успел помешать его замыслу, а сам тем временем полетел в Германию и не вылезал оттуда, пока не заключил с немцами выгодный контракт. В неметчине Али так понравилось, что он вскоре открыл там филиал фирмы. Оставшись без присмотра благочестивых родственников, молодой предприниматель пристрастился к немецкому пиву и выучил десяток немецких ругательств, что оказалось весьма полезно, хотя и его блестящего английского для ведения дел было вполне достаточно.

Когда Калюжный узнал о том, что его банально кинули, он впал в бешенство и стал обдумывать план дальнейших действий. Константин был не из тех, кто отступает при первых же трудностях. Впрочем, в большой бизнес слабаки не попадают, отсеиваются на более низких этажах. Миллионами ворочают другие люди — те, что «со стальными яйцами». Калюжный был как раз из таких. Он потребовал от Али заплатить неустойку, на которую имел по всем понятиям, да и по договору, полное право, поскольку партнер не предупредил поставщика заранее, и тот потерял кучу денег. Коварный папаша Омар кивал, подливал чай в пиалу Калюжного и льстиво улыбался. На прощание, словно издеваясь, он не сказал бывшему партнеру ни слова о неустойке, лишь подарил Константину дорогой табак и красивый кальян. Калюжный все понял и пришел в ярость. Он запустил стеклянным, затейливо разукрашенным сосудом в стенку, и кальян разлетелся на мелкие кусочки. Затем русский бизнесмен разразился матерной тирадой, понятной на всех континентах, и покинул коварного партнера, громко хлопнув дверью. Основания для ярости у Калюжного были более чем серьезные. Он, как обычно, взял большой кредит для закупки оборудования, и теперь надо было думать, как и чем его отдавать.

После встречи с Али Константин Васильевич впал в уныние. Он понимал: банкир Серега Пылесов по кличке Пылесос, которого Калюжный знал много лет, не будет ждать возврата кредита дольше, чем было оговорено и подписано на бумаге. В Ореховской группировке, куда когда-то входил Серега, конкретные пацаны не позволяли себе «рассиропливаться», «входить в положение» и «проявлять понимание» — короче говоря, вести себя, как бабы. Для серьезного разговора с Пылесосом Константин Васильевич и

отбыл из Ниццы в Москву, прихватив с собой молодую подругу и сынишку. Калюжный надеялся довольно быстро все разрулить, продав кое-что из недвижимости. Знал бы он, что больше не вернется на Лазурный берег и вскоре найдет покой на московском кладбище, а в том лучшем из миров, куда он попадет, никакие кредиторы его уже не достанут... Эх, как говорится, знал бы прикуп, жил бы в Сочи — то бишь, на любимом юге Франции.

Критикессы получают лайки

Македонский внезапно понял, что впервые в жизни не получает от прогулок по набережной Круазетт никакого удовольствия. В прошлые приезды он обожал не спеша пройтись вдоль моря, придирчиво разглядывая белые яхты и круизные лайнеры, и размышляя о том, что коль скоро он гуляет здесь, а не в дождливой Москве, значит, жизнь удалась. А теперь...

Критик шел по набережной, постоянно оглядываясь и опасаясь увидеть в любую минуту новых знакомых. Отвратительных типов, что ни говори! В каждом прохожем ему чудились Колян или Михась. Те и впрямь могли легко замаскироваться, поскольку французы, все, как один, прогуливались по набережной в медицинских масках. Европа, блин! Заметив подобное «маскобесие», критик похолодел: в такой толпе русские бандиты легко могут затеряться и в любой момент опять схватить его за шкуру, как котенка.

Македонский попытался взять себя в руки и оценить ситуацию реально. Зачем он этим костоломам? Еще в кафе те просветили его опытным взглядом, словно рентгеном, и поняли, что у критика за душой максимум сто евриков. Недаром же они обозвали его Облезлым! Эх, напрасно он поддался на уговоры полицейских остаться на фестивале! Вечером был бы дома, пил водочку под хорошую закуску и рассказывал жене байки о фестивальных Каннах в эпоху ковида.

«Нет, это уже паранойя! Надо срочно заняться работой!»

Македонский попытался волевым усилием изгнать из головы навязчивые страхи. В конце концов, он приехал в Канны не бегать по крышам, а смотреть лучшее европейское кино, записывать впечатления, анализировать их и оперативно переправлять репортажи в редакцию. Если он немедленно не возьмет себя в руки, конкуренты тут же обскачут на повороте, начальство даст ему пинка под зад, и что тогда? Изданий, посвященных кино, раздва и обчелся, да и в тех засели свои бодрые предпенсионеры и вросшие по пояс в редакционные столы пожилые пенсы. Придется кропать давно задуманную книгу о новой этике в кино. Интересная работа, конечно. Вот только кто сейчас платит за книги, в особенности за такие — с маленькими тиражами, для узкой целевой аудитории? Да и сколько человек ее прочитают...

Александр Ипполитович подвел промежуточные итоги. Пока удалось передать в журнал всего один репортаж. Маловато, как ни крути. Между тем, бойкие критикессы строчили из Канн пост за постом для своих сайтов и снимали бесконечные ролики для ютуба. Македонского в первый же день потрясла одна перезрелая дамочка возраста 50+. Известная критикесса Марианна Сурайкина рассуждала о новых тенденциях в европейском кино, сидя на веранде отеля с бокалом вина. Рядом с ней на столике стояла почти пустая бутылка и банка с оливками. Это бы еще ладно, кино и вино всегда хорошо рифмовались. Македонского удивило другое. На критикессе был надет купальник весьма смелого покроя, да и поза дамочки в шезлонге показалась Александру Ипполитовичу весьма вольной. Он подумал, что зрители, включившие ютуб, не особенно вслушивались в ее щебетание, а с недоумением разглядывали перезрелые формы кино-критикессы и опустошенную ею в одиночку бутылку вина.

«Подобный эпатаж был задуман дамой не случайно. Он отвлекает зрителя от смысла сказанного, поскольку у этой дамочки одна рецензия глупее другой! — ядовито подумал

Македонский и спохватился: — Надо срочно готовить отчет о фестивале в очередной номер, а то, когда вернусь, бухгалтерия может и командировку не оплатить! Рассказ о бандитах и их стволах в Москве никто в расчет не примет. Все решат, что это очередные искусствоведческие байки для повышения рейтинга моей колонки».

Вскоре на набережной сделалось нестерпимо жарко, и Македонский огляделся в поисках тени. Похоже, самое прохладное и безопасное сейчас место в Каннах — Дворец фестивалей. Конкурсное кино вряд ли заинтересует знакомых бандитов, им рецензии не писать. Рассуждая таким образом, кинокритик повесил на шею аккредитацию и двинул на просмотр очередного конкурсного фильма.

При входе в здание извивалась привычная очередь эпохи ковида: проверка всех этих ПЦР-тестов, прививочных сертификатов и так далее... Как ни странно, подобная рутина отняла у Македонского довольно много времени. Он с тоской подумал, как отличается нынешняя атмосфера во Дворце фестивалей от праздничной обстановки доковидной эпохи! Зрители и участники каннского феста теперь при встрече не целовались и не обнимались, а стукались локтями или кулаками и довольно-таки мрачно зыркали друг на друга глазами над медицинскими масками.

Сравнивая судьбы мира и кино в доковидную и ковидную эпоху, критик окончательно расстроился, с отвращением натянул маску на нос и поплелся искать места, забронированные для прессы в зале, пустовавшем на треть из-за ковидных ограничений.

Давно не виделись!

Македонскому долго не удавалось сосредоточиться на хитросплетениях сюжета. Он честно пялился на экран, однако продолжал думать о скрывающихся неведомо куда русских гангстерах. Интересно, где сейчас прячется кровожадная парочка? Даже если они залегли на дно, куда дели боевые стволы? А вдруг уже пустили их в ход? От этих мыслей по спине критика побежали мурашки.

«Черт побери, какое мне дело до этих уродов? Я им не заботливый папочка!» — сердито подумал Александр Ипполитович. Он понял, что пропускает половину реплик на экране, и волевым усилием попытался уловить сюжет. Это оказалось не слишком сложно: действие в фильме развивалось медленно, а главных героев было всего трое: две женщины и один мужчина. Они трудились в разных сферах и через тридцать лет с какого-то перепугу решили поведать городу и миру правду, от которой человечество должно, по их мнению, вздрогнуть. Правда состояла том, что эту троицу тридцать лет назад домогались разные начальники, от которых они зависели. Македонский время от времени засыпал в удобном кресле, но это не помешало ему придумать концепцию новой заметки: новая искренность наступает, мир уже никогда не будет прежним. Заголовок родился легко: «Однажды тридцать лет спустя». Обдумывать эссе мешал храп за спиной. Критик уже собирался оглянуться и разбудить спящего, но тут услышал то, что заставило его похолодеть.

— Эй, Михась, кончай храпеть! — громко зашептал знакомый голос. Разумеется, это был Колян. — Мы для чего купили билеты? Между прочим, за еврики, блин!

— Ясный пень, чтобы пересидеть до темноты! — сказал, потянувшись, Михась и сладко зевнул.

— Ну, так и сиди тихо, а то нас выведут. Храпеть будешь в Москве. Вон французы уже на нас поглядывают. Если попрут отсюда, мы конкретно спалимся. Солнце еще высоко, менты нас все еще ищут, а не спят в своей ментовке.

— Дай, Колян, хоть на полчаса придавить! Во французской ментовке так воняло чем-

то, что даже подремать не удалось. Наверное, ихним вонючим сыром с вахты тянуло.

— Твоими носками воняло, дурень!

— Слышь, Колян, а как мы в темноте найдем нашу сумку со стволами?

— Без проблем! Не ссы! Я ее надежно спрятал. Отсыпал сторожу на пляже евриков и сказал, что как только стемнеет, мы за ней вернемся. Поездил ему слегка по ушам. Типа мы тоже работаем на кинофестивале, как Облезлый. Он, кстати, рассказывал, что в эту киношку с большим багажом не пускают. Вот я и брякнул: присмотри, мол, парень, за коробками с фильмами. Дескать, мы на фест их привезли. Короче, пацан завалил нашу сумку лежаками и зуб дал, что все будет тип-топ, как в камере хранения.

— Может, надежнее было бы сдать стволы именно в камеру хранения?

— Ты больной? На вокзале повсюду видеокамеры, а мы наверняка уже в розыске. Короче, сиди спокойно! Здесь в темноте нас никто не увидит и не услышит. Даже, когда включают свет, никто тебя не узнает.

«Это как посмотреть», — подумал, холодея, Македонский.

Критик сполз по креслу вниз и натянул маску на нос повыше. С этой минуты происходившее на экране его совершенно не интересовало. Нафига готовить любую, хоть самую гениальную, статью, если в любую секунду тебя могут узнать и пристрелить бандиты?

Между тем шепот за спиной Македонского не утихал.

— Слышь, Колян, а ты хоть знаешь, кто нам сделал заказ? Я имею в виду, в Москве?

— Знаю, но не скажу, — пробурчал гангстер. Однако по его голосу чувствовалось, что Колян хочет показать подельнику свою осведомленность. Немного помолчав, он продолжал:

— Чувачок от Пылесоса приходил.

— И чо?

— А то, что мы с тобой, Михась, конкретно в полной заднице.

— Чо так?

— А то, что Пылесос поручил нам у одной богатой телки бабло выбить. Ее мужик задолжал Пылесосу нехилые деньжата, а сам взял и помер. Пылесос конкретно в курсах, что все бабло тот жмурик оставил не законной вдове, а, не будь дурак, молодой любовнице. Короче, мы профукали заказ и бабло той телочки сделало Пылесосу ручкой. Мы лохи с тобой, Михась! Пылесос нас везде отыщет, он такой!

— Тогда объясни, нафига мы отчислились за бугор, а потом еще отвалили нехилые бабки за все эти куар-коды и ПЦР-тесты?

— Ты чо, совсем фишку не рубишь? Я же говорил, что один козел, которому поручили похитить и закрыть к нашему приходу эту телку в надежном месте, все тупо завалил. Московские менты каким-то макаром о ней разнюхали, тетку, тьфу, то есть, телку, освободили, а этого недоумка-труповоза арестовали. Короче, чтобы он не сдал нас и не вышел на заказчика, Пылесос велел срочно рвать когти за бугор и тут дожидаться этой телки.

— Чо-то слишком дорогой тур получается! Чай, не Молдова и не Бишкек... Блин, Франция, да еще Лазурка! Тут не только за бутер, за бутылку воды кучу денег надо отвалить. Нахрена? Не врубаюсь.

— Ты хоть иногда мозги включай, Михась. а то они у тебя отваяются за ненадобностью. Вот зачем мы с тобой у черных пацанов пушек закупили? А? Твоя версия?

— Понятия не имею. Ты начальник, ты и думай.

— А затем закупили, что у этой бабенки есть нехилый домик в этих краях. Пылесос

вычислил, что она скоро сюда притащится. Прикинь, чтобы тут от нас скрыться (три ха-ха!). А мы такие — бонжур, мадам!. Уж с ней-то и с ее охраной быстренько разберемся. Чай, не впервой. Пушки могут конкретно пригодиться. Сам знаешь, на пути крутых киллеров то и дело попадаются разные идиоты, типа тупой прислуги, слишком активных бодигардов, и так далее. Короче, она должна будет по-любому нам все бумаги от Пылесоса подписать. ну а потом... сам знаешь. Море все следы скроет.

— Ладно, хорош трепаться. Вон на нас уже французы оглядываются.

— А что мне в темноте еще делать?

— Сиди, кино смотри.

— Эту муть? Да ты что! Лучше придавлю минуток десять.

И Михась вновь с удовольствием захрапел.

Вскоре к его храпу добавился тоненькое посвистывание Коляна. Это немного успокоило Македонского, и тот наконец погрузился в неспешное течение сюжета. На титрах, не дожидаясь, когда в зале загорится свет, критик стал по ногам зрителей пробираться к выходу, то и дело шепча «пардон, мадам» или «пардон, месье».

Выйдя из Дворца Фестивалей, Македонский сощурился на яркое южное солнце, ослепившее его после темноты зала. Он буквально кожей чувствовал: надо срочно валить из этого приметного места. Стоял и раздумывал, в какую сторону податься — налево или направо. Но не успел Македонский сойти с крыльца, как обнаружил, что на его руке защелкнулся наручник. Критик поднял глаза и с изумлением увидел рядом с собой довольную физиономию «Пуаро».

— Ага. попался! — обрадовался жандарм и лихо подкрутил знаменитые усики. — А еще говорил, что не имеешь отношения к русским гангстерам!

— Так оно и есть! — ошарашенно пробормотал критик. — Я с ними вообще не знаком.

— Брехня! — «Пуаро» больно ударил критика локтем в бок. — Тогда зачем ты назначил этим придуркам встречу в кинозале? Наш агент, работающий под прикрытием во Дворце фестивалей, видел, как русские гангстеры заняли места прямо за тобой. Весь фильм они что-то бубнили, а ты записывал за ними в телефоне.

— Понятия не имею, что они бубнили! Я их не видел, а заметки в темноте делал для моего репортажа, — возмутился Македонский. Тут же он получил еще один ощутимый тычок в бок, и «Пуаро» предложил ему хорошенько подумать, а то присядет надолго вместе со своими «коллегами-критиками».

Македонский вспомнил про сумку с оружием, спрятанную «подельниками» на пляже, и почувствовал, как по спине вновь побежали мурашки. Блин, любое неосторожное слово может сейчас стоить свободы или даже жизни! Надо собрать волю в кулак и молчать, как бы этот идиот не колотил его локтем в бок.

Вскоре огромные жандармы из группы захвата приволокли к полицейской машине новых знакомых.

— О, Облезлый тоже здесь! — обрадовался Колян. — Я по нему прям соскучился! Будет весело!

Критик почувствовал, как горячая струйка пота побежала по спине.

— Где вы спрятали оружие? — заладил снова-здорово «Пуаро», когда их во второй раз доставили в участок.

Македонский в ответ пожал плечами:

— Это какое-то дежавю! — пробормотал он — Понятия не имею.

— У Облезлого спросите, — хохотнул Колян, — это его стволы.

— Вы чего? Месье, я никогда бы не смог даже поднять эту сумку! — жалобно пробормотал критик.

— Еще пусть скажет, что ничего тяжелее авторучки в жизни не поднимал! — презрительно сплюнул Михась.

— Ты, умник, отвечай на вопрос по-хорошему, или я заставлю тебя говорить по-плохому, — потребовал Поль от Михася через переводчика.

Внезапно в комнату вошел полицейский и что-то прошептал на ухо «Пуаро».

— Отлично! — потер «Пуаро» руки и заметно повеселел. — К вам, господа гангстеры, прибыл с официальным визитом хороший знакомый.

Македонский с изумлением заметил, что Колян внезапно побледнел, а лоб Михася покрылся мелкими капельками пота.

Дверь отворилась, и в комнате допросов появился чернокожий парень в сопровождении молодого полицейского.

— Ахмед Паша Мариньи, охранник городского пляжа, утверждает, что двое русских передали ему сумку с оружием на краткое хранение, — сказал полицейский.

Накачанный загорелый бичбой облизал пересохшие губы и с испугом зыркнул шоколадными глазами на бандитов, строивших ему свирепые рожи.

— Я долго ждал этих парней, а они все не шли. Каюсь, из любопытства заглянул в сумку и увидел ЭТО. В общем, я подумал и решил, что как гражданин Франции обязан отнести находку в полицию.

— Ты правильно поступил, сынок, — потрепал его по плечу «Пуаро».

Паренек старался не смотреть на бандитов, потому что те всем своим видом призывали его молчать.

— Короче, ты утверждаешь, что вот эти русские передали тебе сумку? — еще раз уточнил Поль у молодого араба, указав на Коляна и Михася.

— Да, господин полицейский, — совсем тихо прошептал парень.

— А третий месье был с ними? — указал «Пуаро» на Македонского.

— Нет, господин жандарм, его я не видел, — признался свидетель. — Только эти двое приходили.

— Уведите их, — приказал «Пуаро» охранникам.

Когда бандитов увели, шеф жандармов потрогал усики, с легким презрением взглянул на Македонского, крякнул и выписал ему пропуск на выход.

— Вуаля, месье Феллини! Проваливай, и больше не попадайся! — сказал он Македонскому. Не веря своему счастью, киношник вышел на остывавшую после летнего зноя набережную Канн. Ему не хотелось возвращаться во Дворец фестивалей. Какой смысл смотреть на выдумки сценаристов и режиссеров, если жизнь сочиняет сюжеты гораздо страшнее и интереснее?

Критик присел на скамейку, нашел в смартфоне сайт «Аэрофлота» и заказал на раннее утро билет Париж- Москва, к сожалению, с тремя пересадками.

Полковник забивает гол

— Я прослушал запись допроса того идиота, ну, то есть, санитара. Ничего интересного он не рассказал, — сказал Жолобов и наконец предложил капитану Пищику, топтавшемуся в дверях, садиться. Капитан отметил про себя, что шеф в этот день не ворвался в комнату следователей с криком болельщика, чья команда пропустила гол, а довольно-таки вежливо пригласил его зайти в кабинет. Как ни крути, это было неплохим признаком.

— Настоятель храма отец Фотий, по паспорту Иван Моисеевич Иванов, признал голос подозреваемого Окорочкова, — сообщил Леха полковнику и пояснил, — Священник лежал в палате и слышал, как санитар обсуждал с какой-то женщиной убийство очередного пациента.

— Так, и кто же эта таинственная женщина? — саркастически поинтересовался Жолобов и ловко скатал шарик из листа бумаги, лежавшего на столе.

— Полагаю, это врач-интерн Галина Муромцева, — ляпнул Алексей первое, что пришло в голову.

— На чем основано твое убеждение? — спросил полковник и неожиданно посерьезнел.

— На том, что двух других докторов отделения — Крымовой и Войцеховской — уже нет в живых. — сказал Леха. — Первоначальная версия состояла в том, что врачей убили антиваксеры, так как эти доктора вели активную просветительскую работу. Они пропагандировали прививки вакциной «Спутник» на портале Анжелы Карпенко и работали в ее фонде, поддерживавшем вакцинацию. Для разработки этой версии я как раз и отправил моего агента в храм на окраине Москвы, где собираются по воскресеньям убежденные противники прививок.

— Оказывается, ты, капитан, в людях совсем не разбираешься! — помолчав, вздохнул полковник.

— Это еще почему? — удивился Алексей.

— Версия была изначально тупиковая. Эти антиваксеры, конечно, те еще крикуны, но не более того. Сам посуди: люди боятся обычной прививки, а ты им убийство хочешь пришить. Против Муромцевой серьезных улик у тебя тоже нет. Об этой докторше поговорим позже. Доложи пока подробнее о санитаре. Короче, он раскололся?

— В смысле?

— Дал в итоге признательные показания? Рассказал, кто и с какой целью велел ему убить Калюжного, двух его докторш, а также захватить Анжелу Карпенко?

— Георгий Владимирович, вы же все слышали! Он конкретно струсил и попросил сутки на раздумье. Похоже, больше пожизненного этот урод боится каких-то серьезных ребяташек. Тех, кто поручил ему похитить Карпенко. В общем, пока он не заговорил.

— А ты? Принес ему горячее какао в постельку? Сказочку почитал? Попросил прощения за то, что он хотел тебя укокошить?

— Буду работать с подозреваемым более жестко, — сказал пристыженный капитан.

— Знаешь, что мне только что пришло в голову? — спросил полковник.

— Откуда же мне знать? — удивился Пищик.

— Мог бы догадаться, — проворчал Жолобов. — Калюжного убили, вдову его пытались похитить. Кому это выгодно?

— Вероятно, наследникам олигарха, — пробормотал Алексей.

- А кто у нас наследники? — полковник взглянул на капитана как учитель на безнадёжного двоечника.
- Анжела Карпенко, ее сын и ее будущий ребенок от Калюжного.
- А еще?
- А еще Елена Калюжная, официальная вдова и ее дети от брака с Калюжным.
- Вот! Наконец-то допер! — обрадовался полковник и метко пробил бумажным шариком одиннадцатиметровый в корзинку для мусора, стоявшую в дальнем углу комнаты.

Большую часть своей жизни Елена Калюжная прожила за границей. Однако она никогда не забывала родственников со стороны отца. Королевы, несмотря на «царскую» фамилию, с начала прошлого века проживали в уральском рабочем поселке. Семья помогла отцу Елены как самому упорному и способному к наукам получить высшее образование и встать на ноги. К высотам партийной карьеры он уже пробивался сам. Кстати сказать, происхождение у Королева для такой карьеры было идеальное — из рабочих. В советское время выходцев из пролетариата охотно принимали в вузы даже с тройками, а затем двигали по партийной линии как классово близких рабоче-крестьянской компартии. Что и говорить, социальные лифты в СССР работали исправно.

Став высоким партийным чиновником, отец Елены никогда не забывал, откуда он родом, не чурался простецкой родни, приглашал ее в гости и даже, к неудовольствию жены, распивал с дядьями и братьями на кухне «родимую» и беседовал «за жизнь». Отец называл такие встречи «не отрываться от корней» и «пообщаться с народом». Леночка иногда тихонько сидела на дальнем конце стола и прислушивалась к удивительным рассказам гостей, объявившихся в их квартире как будто из прошлого века или из романов Горького. Позже отец признавался дочери, что истории, услышанные от родни на кухне, не раз помогали ему в дискуссиях на предприятиях и в выступлениях на партийных конференциях и пленумах, где требовалось каждый раз демонстрировать знание жизни, а не только партийных документов.

Судьба многочисленных братьев и сестер Королевых сложилась по-разному. Кто-то спился, что в поселке было обычным делом, кто-то рано умер, отдав все силы вредному производству, кто-то погиб в армии. Одним словом, их житье-бытье изрядно отличалось от относительно гладкого восхождения отца Елены по номенклатурной лестнице. Елена понимала, что судьба избрала ее отца для успешной карьеры, и чувствовала себя в долгу перед другими Королевыми, которым не досталось подобных «пряников». В каждый свой приезд из-за границы Елена привозила кузинам и племянникам вожаденные джинсы, а племянницам нарядные платица. Восхищенные глаза детей были лучшей наградой. Приятно было чувствовать себя всемогущей доброй волшебницей.

Самой толковой из всех младших родственников Елене всегда казалась кузина. Ее мама была младшей сестрой отца, дочку родила поздно, так что кузина была ровесницей старших племянников. Девочка хорошо училась, и Елена сделала все, чтобы она поступила в медицинскую академию имени Сеченова, а потом попала по распределению в известную столичную клинику. Конечно, к тому времени партийная должность отца Елены давно была упразднена в связи с роспуском компартии, зато ее супруг Константин приобрел серьезные связи в самых разных сферах. В общем, в результате совместных усилий Калюжных двоюродную сестренку Елены приняли интерном в серьезную столичную клинику. С тех пор она считала себя по гроб жизни обязанной тете и ее всемогущему мужу...

Мышь что-то учуяла

— Знаешь, надо бы съездить к Анжеле, — сказала Рита. Они лежали рядом, держась за руки и думали друг о друге с нежностью. — Нам с тобой сейчас хорошо, а что у нее? Мужа отравили, прислуга обворовала, хоть потом и одумалась, да и саму Анжелу чуть не убили. Сыночек маленький, а она еще одного ждет, без отца растить собирается. Вот уж, правда, «не родись красивой...».

— Шеф не отпустит, — грустно сказал Леха, — мне поручено этого урода санитаря подробно допросить и еще кое-с-кем по работе встретиться.

— Секрет? — смешно сморщила носик Рита.

— Тайны следствия, — отозвался Леха с важностью.

— Ну и храни свои тайны, — слегка обиделась Марго, — тогда я сама к ней поеду.

— Как? Без машины? — Леха с удивлением взглянул на Риту.

— Да, без машины, — твердо сказала она, уловив в его голосе иронию. — Ничего страшного, подмосковные жители каждый день на работу и с работы на электричке добираются. Между прочим, в переполненных вагонах. И норм, до сих пор живы.

— Ладно, езжай, если хочешь, только аккуратнее там, — сказал Алексей и вдруг с чувством продекламировал:

«Ночевала тучка золотая

На груди утеса-великана.

Утром в путь она умчалась рано,

По лазури весело играя».

— До скорого, Старый Утес, — рассмеялась Рита и побежала в душ — обдумать под струями горячей воды предстоящую поездку...

Марго показалось, что она едет в пригородном поезде целую вечность. То ли дело путешествовать с любимым человеком в машине! В его присутствии время пролетает стремительно. Зато в электричке можно не думать о том, как ты выглядишь, не подбирать слова, а тихонько ехать и поглядывать по сторонам.

В тот будний день в электричке почти не было дачников. В лицах пассажиров не чувствовалось летней расслабленности, они в основном выражали мрачную сосредоточенность и недовольство тяжелой жизнью, которой, в отличие от обитателей коттеджных поселков, не очень-то и дорожили. Невеселое ковидное время тоже наложило на лица жителей Подмосковья свой отпечаток. Рита ехала и думала, что мадам Калюжная слишком далеко оторвалась от этих людей. Двум разно-полярным мирам уже не суждено ни сблизиться, ни понять друг друга. Обитатели шикарных особняков давно уже воспринимают народ лишь в качестве прислуги, а потом удивляются, когда этот самый народ выражает недовольство повышением пенсионного возраста и ростом цен в магазинах, выходит на митинги и требует пересмотра итогов приватизации.

Анжела встретила Риту без особой радости, однако не пустить в дом девушку, которая участвовала в ее освобождении из заточения, она не могла. Рите бросились в глаза двое «шкафов», дежурившие у входа.

— Я наняла охрану, — пояснила вдова в ответ на вопросительный взгляд Риты. Она внимательно взглянула на гостью и спросила — А где капитан Пищик?

— Думаю, ведет «светскую беседу» с вашим похитителем, — улынулась Марго. —

Только пока, увы, без особого успеха. Этот санитар гораздо больше тюремного срока боится людей, которые заказали ваше похищение. Как вы думаете, кто это был? Возможно, те же бандиты, что убили вашего мужа и двух его докторов?

Анжела не спешила отвечать на вопрос. Она снова взглянула на Риту, сделала глоток чаю, перевела взгляд на картину и только затем начала говорить:

— Вряд ли. Если бы меня хотели убить, проще было бы сделать это в машине. Снотворное, которое вкололи нам с Костиком, вполне могло бы быть ядом. Зачем-то я понадобилась им живой. Страшно подумать, что они со мной сделали бы, если бы вы с капитаном Пищиком не ворвались тогда в комнатушку и не освободили меня.

— Вы можете предположить, кому и зачем понадобилось вас похищать?

— Кто-то хотел потребовать у меня денег. Теряюсь в догадках, кто бы это мог быть? Если Константин остался кому-то должен, какой смысл было его убивать? Я не в курсе всех его финансовых дел и проектов, и вряд ли смогла бы им толково ответить, кому и сколько он остался должен.

— Ох, им и не надо было, чтобы вы отвечали толково. Думаю, они просто хотели заставить вас подписать чек на весьма круглую сумму. Кстати сказать, как выглядела доктор, что приехала за вами? Вы могли бы ее узнать?

— Вряд ли. Она была в защитном комбинезоне и в усиленной маске. Назвала имя доктора, у которого я наблюдаюсь в связи с беременностью, и это заставило меня ей поверить. К тому же, она приехала на машине «скорой помощи». Одним словом, никаких сомнений у меня в тот момент не возникло.

— А зачем она попросила вас взять с собой сына?

— Я тоже все время об этом думаю. Наверное, бандиты хотели меня им шантажировать. Они понимали, что в присутствии ребенка женщина подпишет все.

— А вот эта докторша вам знакома?

Анжела уставилась на фотографию Муромцевой, которую перед ней положила Рита.

— Постойте... Кажется, это... Нет, не верю. Нельзя же каждого встречного подозревать в убийстве!

— Подозревать можно, — улыбнулась Рита, — а вот доказать вину намного, намного труднее...

Возвращение Македонского

Полководец Македонский возвращался из походов с триумфом, на верном коне Буцефале. В город следом за ним въезжали боевые товарищи и лучшие воины, тоже на боевых конях и в полной парадной амуниции, следом шли боевые слоны, дальше, звеня доспехами, ступала пехота. Щиты и шлемы сверкали на солнце, лошади ржали, слоны трубили.

Критик Македонский вернулся из Канн в Москву тихо и незаметно. Состояние его было близким к шокотому. Еще бы: смотреть боевик и участвовать в боевике — совсем не одно и то же! Ни встреча с женой, ни распитие французского вина с главным редактором, похвалившим его за серию интересных репортажей, не успокоили недавнего арестанта. Побывать во французской тюрьме с отечественными мафиози — да такое ему ни в одном кошмаре не могло присниться!

Кстати сказать, кошмары не переставали мучить его. По ночам критик просыпался в холодном поту. Ему снились события недавних дней. Как бывает в страшных снах, ноги прилипали к полу, у спящего не было сил ни закричать, ни сбежать, между тем бандиты, глумливо усмехаясь, подходили все ближе, ближе... Самое обидное, что критик не мог никому рассказать о том, что пережил на берегу Средиземного моря. Из итальянских фильмов он знал: мафия болтунов не прощает, можно и языка лишиться. Однако впечатления переполняли недавнего командированного, ему было необходимо с кем-нибудь немедленно поделиться. Иными словами, как говорили раньше, «пустить кровь», чтобы не заработать какой-нибудь инфаркт-инсульт от переизбытка отрицательных эмоций.

После недолгого раздумья Македонский понял: единственный, с кем он может поделиться своими французскими приключениями, это отец Фотий. Мир стремительно меняется, однако тайну исповеди никто пока не отменял.

Отец Фотий выслушал исповедь Македонского очень внимательно и тихо сказал:

— Грехи ваши, батюшка, невелики, я их вам отпускаю. Что же касается вопросов, которые вас волнуют, то советую обратиться на Петровку, 38. Там есть толковый молодой следователь Алексей Пищик. Скажете, что это я вас прислал. Имеет смысл предварительное изложить все мысли на бумаге, чтобы ничего не забыть. Желательно в форме заявления.

Македонский уставился на священника в полном недоумении. Тот заметил его взгляд и улыбнулся, причем не надменно, как подобает пастырю, а по-дружески:

— Да, сын мой, порой приходится обращаться к властям земным, чтобы не позволить дьяволу вершить свои темные делишки. В борьбе со злом все средства хороши. Надеюсь, в вашем кино об этом говорят?

Критик побледнел:

— А если бандиты узнают, что я пошел к ментам? Мне тогда не жить.

— А если они убьют тьму невинных людей? Грехи ваши тогда зело велики станут, никогда их не отмолите. Благословляю вас, духовный сын мой, съездить на Петровку и все там рассказать. Отправляйтесь туда завтра же!

Сказав это, настоятель резко развернулся и ушел в алтарь.

Недостающее звено

В жизни следователя редко бывают незапланированные удачи. Начальник следственной группы ГУВД по Москве Алексей Пищик мог пересчитать такие случаи по пальцам одной руки. В то утро понедельника он сидел за столом в комнате их следственной группы и мрачно перебирал бумаги по делу об убийстве Калюжного, понимая, что опять уткнулся в тупик. Ничто, как говорится, не предвещало сюрприза. Однако подарок судьбы сам явился на Петровку, позвонил из бюро пропусков и потребовал его, начальника следственной группы Пищика, к телефону.

Теперь перед капитаном сидел мужчина возраста пятьдесят плюс и, дрожа и заикаясь, рассказывал о своих французских приключениях. Ну чисто Высокий блондин в черном ботинке! Если бы этот чудик не сослался на отца Фотия, капитан Пищик даже пропуск ему в отдел выписывать бы не стал, отправил с заявлением в приемную — и все дела. Однако посетитель был настойчив, и капитан в итоге принял Македонского в комнате, которую делил с коллегами-следователями.

Поначалу Алексей слушал взволнованного посетителя без особенного энтузиазма. В конце концов, мало ли мелких жуликов гастролирует на Средиземноморском побережье? Что, всех теперь там вылавливать и доставлять на Родину за казенный счет? Как говорит Жолобов, «не стоит забивать гол в свои ворота». Однако, чем дольше говорил Македонский, тем внимательнее капитан вслушивался в его сбивчивое бормотанье. В конце рассказа посетителя промелькнула любопытная деталь. Бандиты, по его словам, частенько упоминали «какую-то Анжелу», которую им заказал «серьезный человек», но заказ сорвался из-за «одного идиота». Чутье подсказало капитану: во французской тюрьме зависли те, кто могли бы пролить свет на кое-какие «висяки», которыми их отдел время от времени попрекает полковник. Чем черт не шутит? А вдруг что-то прояснится и с убийством Калюжного, и расследование наконец пойдет живее? Надо попросить Жолобова срочно связаться с Интерполом, подключить французов и вытащить этих голубчиков «за ушко да на солнышко», то бишь, на Петровку.

Капитан Пищик рисовал на бумаге кружки и стрелки к ним, однако пазл все равно не складывался, хоть ты тресни. Кому и зачем понадобилось убивать Анжелу, да еще с помощью киллеров? Алексей подписал странному дядьке пропуск и надолго задумался.

Многое проясняется

— Итак, Елена Ивановна, что вы скажете про эти цифры?

Они сидели друг напротив друга. Калюжная старалась казаться спокойной, однако крепко сцепленные пальцы и закушенная нижняя губа выдавали волнение. Начальник следственной группы Пищик вызвал вдову олигарха на допрос повесткой, чтобы играть, так сказать, на своей территории. Мол, хватит уже распивать чай по коттеджам с фигурантами уголовного дела. Капитан понимал: время работает против него. Пора раскрыть карты.

Пищик положил перед Калюжной листок, извлеченный у нее в доме из-за картины и весь исписанный карандашом.

— Понятия не имею, что за цифры, — пробормотала вдова. — Возможно, художник, написавший картину, оставил на бумажке какие-то свои расчеты и забыл листок за холстом?

— Нет, Елена Петровна, вам прекрасно известно, что эти цифры с шестью нулями — долги вашего мужа некоему банку. Полагаю, на вас уже выходил кто-то из его руководства?

— Допустим, выходил, — сказала Калюжная с вызовом. — И что с того? Я сразу расставила все точки над *i*. Сказала, что у меня денег Калюжного нет. Все свои доли в бизнесе Константин оформил на известную вам молодую аферистку Карпенко.

— На всякий случай, уточняю: вы имеете в виду Анжелу Тарасовну?

— Ее, ее, кого же еще! Банальная история, каких тысячи. Немолодой состоятельный мужчина загулял с разбитной девахой и забыл про семью, жену и детей, как будто нас и не было. У этой Анжелы Тарасовны теперь все его денежки — пусть она и отвечает за долги покойного дружка. По-моему, это справедливо.

— По-вашему, науськивать коллекторов и киллеров на беременную женщину тоже справедливо?

— О ее беременности мне ничего не было известно.

Калюжная взглянула на следователя в упор, расцепила руки и скрестила их на груди. Леха вспомнил: такая поза, по мнению психологов, верный признак того, что человек окончательно закрылся и не скажет правды. У Елены на лбу выступили капельки пота, в низком голосе появилась хрипотца и дрожащие нотки.

— Позвольте вам не поверить, — сказал Леха, не отводя взгляд от Елены. Она устало опустила глаза, а капитан продолжал:

— Доктор Войцеховская случайно узнала о беременности Анжелы и сообщила эту новость врачу-интерну Галине Муромцевой, которая является по совместительству вашей младшей кухней. Согласитесь, это было для вас очень неприятное известие. То, что у Карпенко появится еще один наследник, существенно уменьшало вашу долю наследства и долю ваших детей. В общем, вы решили избавиться разом и от соперницы, и от ее детей. Тем более, что отравить мужа и его врачей вам удалось на удивление легко, но к этому мы еще вернемся.

— Интересно, зачем мне понадобилось травить человека, который и так умирал от ковида? — поинтересовалась Калюжная.

Елена наконец справилась с волнением и перешла в наступление. Капитан Пищик по-прежнему невозмутимо взглянул на нее и продолжал:

— Во-первых, Константин Васильевич тогда уже шел на поправку, а, во-вторых, у вас был железный мотив убить бывшего мужа — из ревности и мести, а также чтобы получить

его деньги. Первой заподозрила, что ее пациент умер насильственной смертью, Надежда Петровна Крымова — и поплатилась за это жизнью. Заведующей отделением Ирине Львовне Войцеховской ее смерть как опытному клиницисту показалась подозрительной. В итоге вы убрали и ее. Возможность получить огромные деньги вскружила вам голову и лишила вас не только способности к состраданию, но и умения мыслить здраво. Осталось лишить жизни соперницу, а заодно двух ее детей — маленького мальчика и еще не рожденного ребенка, чтобы получить наследство Константина Калюжного в полном объеме. Видимо, Константин Васильевич в пылу ссоры рассказал вам о завещании, которое составил в пользу любимой женщины, и это стало последней каплей.

— Это чушь! — взвизгнула Калюжная, утратив самообладание. — Вы ответите за клевету!

— Минуточку, — сказал капитан. — Настало время уточнить кое-какие детали. Он поднял трубку служебного телефона и скомандовал:

— Введите!

Через несколько минут дверь открылась и в комнату вошла... Галина Муромцева.

— Галя? — тихо спросила Елена.

— Да, Елена Ивановна, — опустила глаза врач-интерн. — Я все рассказала капитану Пищiku. Надеюсь, мне это зачтется.

— Дура! — закричала Елена. Она резко вскочила с места и попыталась дотянуться до племянницы, чтобы отвесить ей полновесную оплеуху. Пищик успел перехватить руку Елены и силой усадил ее на привинченный к полу железный стул.

— Итак, кое-что мы с Галиной Михайловной прояснили, — невозмутимо продолжал капитан. — Галина привыкла безропотно выполнять распоряжения своей благодетельницы, по совместительству старшей кузины. Вот и в тот раз она не стала особенно возражать. Тем более, что двоюродная сестрица пообещала поделиться с ней наследством после смерти неверного мужа. Удравшего из семьи Калюжного Галина ненавидела почти так же сильно, как и вы, Елена Ивановна. Еще бы! Олигарх разрушил благополучную жизнь сестры и ее детей и передал все денежки ненавистной Анжеле. Вы уже не могли так же щедро, как раньше, помогать молодой кузине-доктору. Ну, а дальше все просто. Для врача, даже начинающего, вколоть удвоенную дозу лекарства, которое может вызвать остановку сердца, не представляет сложности. Когда Крымова заподозрила, что со смертью Калюжного не все так очевидно, она тут же последовала в лучший мир следом за пациентом, а вскоре к ней присоединилась и Войцеховская. Чтобы завладеть наследством Калюжного, вам с Муромцевой осталось убрать Анжелу и ее детей — маленького Костика и еще не родившегося ребенка. Галина узнала из записей Войцеховской, что Анжела беременна. Рождения еще одного наследника допустить было нельзя. Однако здесь вам, Елена Ивановна, впервые не повезло. Вы собирались поместить при помощи двоюродной сестры Анжелу в «Марфино», в одну палату с сыном, а потом тихо убрать их обоих. Но что-то пошло не так. В игру вмешалась третья сила. Эта сила давно следила за Анжелой и, улучив момент, наконец подобралась к ней совсем близко. Те самые коллекторы, которых вы Елена Ивановна, науськали на Анжелу, опередили вас. Они перехватили ее, прислав фальшивого врача, и при помощи санитаря из морга запихнули в патологоанатомическое отделение. Там бандиты собирались без свидетелей разобраться с держательницей активов Калюжного. То есть, заставить ее переписать все свои денежки на банкира, которому был должен ваш муж, а потом убрать ее и ребенка по-тихому и замести следы. Хорошо, что мы с журналисткой

Маргаритой Мышкиной вовремя подоспели, а то на вашей душе был бы еще один смертный грех — теперь еще и тройной.

— Скажите, капитан, сколько мы должны сидеть здесь и слушать ваши сказки? — голос Елены прозвучал насмешливо, почти издевательски. Она окончательно оправилась от первого шока и попыталась перехватить инициативу. — У вас нет никаких доказательств этих бредней. Допустим, избавиться от мужа у меня мотив был. Но зачем убивать его врачей? Просто глупость какая-то, нонсенс!

— Минуту терпения, доказательство явится сюда через пару минут.

Пищик опять повторил свое нарочито басовитое «Введите», дверь снова отворилась, и в этот миг лица обеих дам внезапно стали белее листа бумаги, лежавшего на столе.

В комнату в сопровождении конвоира вошел... главврач «Марфино» Куценко.

— Ну, вот и все, — сказал Пищик, — Кирилл Витальевич сейчас нам кое-что прояснит. Мне с самого начала было ясно, что без надежного прикрытия сверху совершить эти особо тяжкие преступления врач-интерн и санитар морга не могли.

— Кирилл... Но как они... Как они узнали?

Калюжная расцепила руки, прижала их к глазам и, уже не сдерживаясь, зарыдала. Дальше случилось то, чего так боялся капитан Пищик: пошла цепная реакция женских слез, и следом за Еленой принялась всхлипывать Муромцева. Внезапно Галина кинулась на Куценко. Если бы Пищик не схватил ее в охапку, докторша расцарапала бы ему лицо:

— Это вы, вы во всем виноваты! — визжала она. — Это вы все придумали!

Главврач мрачно молчал. Потом поднял тяжелый взгляд на капитана Пищика и сказал:

— Отказываюсь говорить без моего адвоката.

— Уведите, — устало приказал капитан.

Когда за главным врачом закрылась дверь, Пищик продолжил допрос.

— У вас ведь была связь с Куценко? — внимательно взглянул он на Елену.

— Откуда вам это известно? — с удивлением спросила Калюжная.

— Помните, Елена Ивановна, я приезжал к вам в последний раз? Так вот, от вас тогда выехала машина, которая показалась мне подозрительно знакомой. Я вспомнил, что дважды видел ее на стоянке служебных машин возле «Марфино». Ну, а дальше все просто: попросил дэпээсников пробить номер, и выяснил, что владелец «volvo» — Кирилл Витальевич Куценко. Разумеется, были еще кое-какие мелочи, свидетельствовавшие о вашей связи. Вы ведь, Елена Ивановна, наверное, слышали, что женщины более наблюдательны, чем мужчины? Так вот, Маргарита сразу догадалась, что такая женщина, как вы, может отпустить прислугу и сама готовить ужин только в одном случае: если она ждет мужчину. Ну, и разные другие мелочи. У вас на журнальном столике в холле лежала та же самая гелевая ручка «Марфино», что и в кабинете у Куценко. И еще: среди множества цифр, написанных на листке, который я нашел за вашей картиной, затерялся мобильный телефон Куценко, который вы, видимо, для надежности продублировали на бумажке.

— Вы не ошиблись, — сказала Елена, Кирилл Витальевич — очень близкий мне человек.

Леди Макбет «Царского села»

Вдова подняла на Пищика заплаканные глаза, сделала глубокий вдох и тихо заговорила:

— Кирилл был моей опорой и поддержкой все последние годы. Я познакомилась с ним давно, еще во время нашей с Костей первой командировки в Африку. Кирилл тоже там оказался — его направили спасти аборигенов от очередной эпидемии. Он охотно принял это предложение, поскольку мечтал заработать на кооперативную квартиру. Куценко еще не был женат и стал часто бывать у нас в доме.

— Как Печорин у княжны Мери, — проворчал Пищик.

— Что? — переспросила Елена.

— Да так, ничего, — опомнился капитан и попросил: — продолжайте, я вас внимательно слушаю.

— Ну, знаете, как бывает в далеких странах? Там общаешься с кем угодно, лишь бы хоть немного поболтать на родном языке — о России, о Москве, о новостях с Родины. Африка — это вам не Европа, в то время все русские в Тунисе были наперечет. Мой Костя в те годы постоянно пропадал на работе, я скучала дома с детьми, а у Куценко порой случались дневные перерывы в приеме больных, и он забегал к нам на обед. В тот период мы, признаться с ним крепко подружились... и не только. Когда Костя принялся ухлестывать за очередной юбкой, я решила ему отомстить. В общем, я начала регулярно встречаться с Куценко днем, когда муж был на работе, а дети в школе. Стала такой «дневной красавицей». Короче говоря, у нас начались, как теперь говорят, «отношения» ... К сожалению, любая, даже длительная, командировка рано или поздно заканчивается. В Москве мы с Кириллом надолго потеряли друг друга. У каждого из нас началась совсем другая жизнь... Я смирилась с тем, что «африканские страсти» навсегда остались приятными воспоминаниями юности. Однако у судьбы были на нас свои планы...

Несколько лет назад, когда эта тварь увела Костю, мне было очень горько, одиноко, и вот однажды... Короче, Куценко позвонил, чтобы поздравить меня по старой дружбе с наступающим Новым Годом. Я пожаловалась, что сижу дома одна. Он как опытный врач мгновенно уловил в моем голосе тоску и пригласил поужинать вместе. Я давно не видела Кирилла и здорово волновалась: как он воспримет меня, постаревшую на столько лет... Зря переживала, нормально воспринял! Кирилл же врач, понимает, что природу не обманешь никакой пластикой. Зато я сама, признаться, изумилась произошедшим в нем за минувшие годы переменам. Это уже был не прежний молодой и вечно голодный доктор, скупавший в дешевых магазинах шмотки, чтобы задорого продать их на родине, и не московский медицинский чиновник, намекавший пациентам на благодарность в конвертах. Нет, передо мной сидел дорого одетый, уверенный в себе мужчина. Я изумилась, насколько поменялись за прошедшие годы мой и его социальный статус. Кирилл теперь был состоятельным главврачом уважаемой клиники, а я — обычной домохозяйкой, брошенкой, хоть официально и оставалась женой крупного бизнесмена. Оказалось, Кирилл недавно развелся с женой, однако заводить новую семью не собирался, его вполне устраивали свободные отношения. Тем более, что незамужних докторш и медсестер, готовых на все, в клинике хватало. Мы тогда душевно посидели в ресторане, и я в ответ пригласила Кирилла в гости. Он стал частенько заезжать ко мне после работы. Я вскоре поняла, что ему от меня нужен не только и не столько секс, хотя близость у нас, признаться, случалась. Секса у него и без меня

хватало. Моему сердечному другу хотелось от меня чего-то большего, душевного отклика и понимания, ему были нужны теплые дружеские отношения, человек, который поддержит его во всем. Вскоре мой дом стал для него надежной гаванью, где его всегда выслушают, посочувствуют и никогда не предадут. Он понимал, что, в отличие от молодых стервочек, мне не нужны его деньги. Все же я официально оставалась женой олигарха и Калюжный кое-что переводил на мою карту каждый месяц. Мне, как и Кириллу, был нужен надежный друг, которому можно выплакаться и который поддержит, чтобы я ни сделала.

Когда Константин заболел ковидом, Куценко предложил положить его в свою клинику — в VIP-отделение. Как вы понимаете, вопрос денег перед нами не стоял. Я согласилась, тем более, что в «Марфино» работала моя двоюродная сестричка Галочка. Она очень старалась, выхаживала мужа, и вскоре Константин пошел на поправку. А потом... Вместо благодарности, представляете, что задумал мой, так сказать, муж?

— Догадываюсь, — сказал капитан Пищик.

— Вот именно! Калюжный объявил, что мы должны с ним немедленно официально развестись. Разумеется, затем, чтобы он тоже официально женился на этой аферистке. Понимаете, с его уходом я и так потеряла все: мужа, положение в обществе, деньги наконец. А теперь он еще решил отобрать у меня и у наших с ним детей оставшиеся крохи. Когда я в очередной раз рыдала на плече Кирилла, он сказал: «Хватит слез! Есть выход. Только обещай, что ты меня никогда не предашь и мы всегда будем вместе».

— Допустим, этот мотив — убить мужа любимой женщины и его любовницу с наследниками — я еще могу понять, — сказал Пищик. — Но зачем Куценко понадобилось травить еще двух ни в чем не повинных женщин-врачей, своих коллег? Какой ему был прок от их смерти?

— Ну, во-первых, и та, и другая стали кое-о-чем догадываться. Вроде бы, даже поделились друг с другом подозрениями. Куценко об этом донесли. Кто? Да какая разница! Наушниц среди медсестер у него всегда хватало. А, во-вторых, обе врачихи слишком активно пропагандировали «Спутник». Это делало невозможным применение в клинике «СуперВак короны», которую активно лоббировал Кирилл.

— И что, в итоге сугубо научный спор стал поводом для убийства? — спросил с недоверием Пищик. Внезапно Муромцева, о которой Леха успел подзабыть в ходе этого «увлекательного рассказа», подала голос:

— Да причем тут наука? Что за романтические бредни? Это чистый бизнес. На Куценко давили сверху, чтобы его клиника закупила «СуперВак», к изготовлению которого было причастно высокое медицинское начальство. В обмен ему обещали большие откаты. Как говорится, ничего личного. Эту сладкую парочку вообще волновали только деньги, — всхлипнула Муромцева, — а я-то, дура... Была лишь орудием в их руках. Ничем не лучше того идиота санитаря, которому пообещали нехилые комиссионные... Извините, можно вопрос?

— Пожалуйста, — сказал Пищик, хотя ему давно все было ясно, и новые откровения молодой докторши вряд ли что-нибудь добавили бы к этому делу.

Муромцева попросила воды, и капитан пододвинул ей стакан. Галина отхлебнула из него и тихо заговорила:

— Я понимаю, почему вы заподозрили, что Калюжного убили. Думаю, вас смутило, что Елена Петровна торопилась кремировать тело. Но смерть от сердечного приступа Крымовой и Войцеховской!.. Как вы догадались, что они умерли не своей смертью?

— В расследовании очень помог заведующий патологоанатомическим отделением Кашеев, — сказал Алексей. — Он сразу понаставил немало вопросов в своем заключении о причинах смерти коллег. Мне удалось выяснить, что Куценко подменил эти документы. Я вчера заглянул к Кашееву, и тот показал мне первоначальные варианты медицинских заключений и подробно рассказал о своих сомнениях. Нашим криминалистам удалось обнаружить яд в теле умерших докторов. Вот и вся разгадка.

Капитан Пищик промокнул салфеткой лоб и поднял телефонную трубку:

— Уведите.

Стрелка у ПамПуша

— Ты не забыла, что завтра митинг? — голос Емельяна в трубке прозвучал тревожно.

— И что с того? — удивилась Рита, а потом спохватилась. — Ой, и вправду! Совсем из головы вылетело! Спасибо, Емеля, напомнил. Значит, так, встречаемся завтра у ПамПуша ну, то есть, у памятника Пушкину. В воскресенье автостоянки в центре бесплатные. Возможно, я приеду не на метро, а на машине.

— Со своим спортивным хахалем?

— А если даже и с ним, тебе-то что? Впрочем, точно не скажу, у него бывают утренние тренировки. В общем, как получится.

— Ладно, давай, Мария, забьем стрелку у памятника Пушкину. — согласился Емельян. — Наши туда из метро подтянутся. Кстати, отец Фотий объявил, что форма одежды скромная — типа как в храм ходим. Никаких коротких шортов типа трусы и голых маечек типа лифак, как ты любишь. Короче, Мария, серьезное дело затеяли, значит, и выглядеть должны соответственно.

— Ладно, заметано. Ты, главное, плакаты не забудь, моралист пещерный! — сказала Марго.

Емельян обиделся и бросил трубку. Рита подумала, что работа под прикрытием окончена, значит, ехать на митинг ей нет никакого смысла. И все-таки... Разве может она предать людей, с которыми много говорила о жизни, о Боге, и даже кое-с- кем из них успела подружиться? Людей, которые отстаивают свои убеждения с риском для дальнейшей благополучной жизни и карьеры? Предать отца Фотия? Нет, этого она себе никогда не простит!

Рита и Емельян приехали на Пушку за полчаса до назначенного времени. В отдалении скромно стоял еще один человек. Это был капитан Пищик, одетый в штатское. Алексей приехал на митинг, чтобы посмотреть на «секту опасных антиваксеров», о которой Марго ему все уши прожужжала. Впрочем, это был лишь предлог. Лехе просто хотелось побыть в выходной вместе с любимой девушкой. Емельян недобро косился на капитана, но помалкивал, видимо, вспомнив Ритины рассказы о достижениях Алексея в единоборствах. Все трое радовались, что нет дождя и погода стоит самая подходящая — не жарко и по-утреннему свежо.

Вскоре из метро показалась необычная процессия, которую возглавлял отец Фотий. Священник шествовал к памятнику в полном облачении, в высокой камилавке и с большим наперстным крестом на груди. Признаться, вид он имел внушительный. Следом за ним громко топали Геша и Глаша, одетые, как по грибы, в маскировочные куртки цвета хаки. Правда, Глаша была не в штанах, а в длинной юбке и в бандане маскировочной расцветки. Процессию догоняли Валентина с Клавдией в нарядных летних платьях, за ними семенили еще человек пять прихожан. Необычное шествие снимал на любительскую видеокамеру критик Македонский, маячивший, как и капитан, в отдалении.

По взмаху руки отца Фотия его спутники достали из рюкзаков и сумок плакаты и баннеры и мгновенно развернули их. Как только пикетчики растянулись хороводом вокруг памятника Пушкину, отец Фотий сделал отмашку рукой, и прихожане закричали нестройным хором:

— Ковид — миф, вакцина — блеф!

За себя дерись, как лев!

— Если чипануться, можно не вернуться.

— Не вливайте в себя яд, попадете прямо в ад!

Вскоре Лина увидела медленно подъезжавший к площади автозак.

— Смотри, это за нами! — шепнула она Алексею.

— Так, вроде, единичные пикеты разрешены? — удивился капитан полиции. — Неужели закон уже поменяли?

— Сейчас увидишь, как у нас все разрешают! — сказала Рита. — Вон, полюбуйся на своих коллег по цеху!

Пара дюжих молодцов подхватили под руки Валентину и Клавдию и волоком потащили к машине. Женщины возмущенно заверещали, опасаясь не столько за себя, сколько за светлые нарядные платья, подметавшие подолами мостовую. Гешу и Глашу полицейские тащить не решились ввиду их солидных объемов. Они защелкнули на запястьях активистов наручники и, угрожая им дубинками, поволокли пешком к автозаку.

Молоденький полицейский тем временем с хрустом ломал палки, на которых держались плакаты, топтал длинный баннер и свирепо рвал ватманские листы с «шедеврами» Емельяна.

— Варварство! — прошептала Рита. — Кому помешали Емелины каракули? — По моему, они смешные, а не страшные.

— Бородатого хватайте, это их главарь! — закричал низкорослый полицейский и стал, задрав голову, наступать грудью на отца Фотия.

— Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят! — провозгласил священник поставленным голосом так, что его услышали в группе людей, собравшейся вокруг площади.

— Не трогайте батюшку! — выкрикнул кто-то из сердцевины толпы.

Утренние прохожие начали с интересом останавливаться, толпа разрасталась.

— Руки прочь от настоятеля храма! — подхватил интеллигентный голос с обочины.

— Даешь свободу слова! — закричал паренек, взобравшийся на парапет у выхода из метро, и замахал красной бейсболкой.

— Совсем полиция озверела, — прошептала старушка в платочке и перекрестилась.

— Отпустите пикетчиков! — взвизгнула девчонка в рваных по-модному шортах и в короткой маечке. Она и парнишка в черной футболке с принтом «Мама, я буду!» внезапно выскочили из толпы, перелезли через чугунные цепи и забрались на постамент памятника. С ноги у девчонки слетела красная босоножка, она схватила ее за ремешок и замахала обувкой над головой.

— Не чипируйтесь, православные! Побойтесь Бога! — громогласно проповедовал по дороге к автозаку отец Фотий.

Внезапно критика Македонского заметил кто-то из полицейских и приказал сослуживцам:

— Оператора берите!

— Ах ты ж, сука, он нас на видео снимает! Ты что, не слышал, что полицию снимать запрещено?! — прошипел низкорослый. Он заломил руку кинокритика, выхватил кинокамеру, достал оттуда флешку и сунул себе в карман.

Македонского затолкнули в автозак вслед за другими прихожанами. Он сразу понял, что сопротивляться полиции себе дороже и покорно полез туда сам.

— Знакомая дорожка! — проворчал критик. — Здравствуй, Каннский кинофестиваль!

Кажется, я становлюсь рецидивистом!

— Так, похоже, мне пора вмешаться, — сказал капитан Пищик и побежал к полицейской машине.

— Вы что творите! — заорал он на полицейских

— А вот сейчас мы тебя! — рывкнул здоровенный страж порядка и было занес над Алексеем дубинку, однако тот успел сунуть ему под нос служебные корочки.

— В чем дело, капитан? — недовольно поинтересовался главный. — Не мешайте работе коллег, идет операция по пресечению незаконного митинга.

— Вы что, хотите, чтобы эти антиваксеры стали народными героями? Чтобы нашу доблестную полицию проклинали в социальных сетях? Чтобы вас выгнали с работы, поскольку начальству скандалы на пустом месте без надобности? Совсем голову потеряли! С ними же известный проповедник отец Фотий! Я уверен: городским властям и кое-кому повыше не нужен новый христианский мученик, да и народ не потерпит грубого обращения с настоятелем храма. Священников у нас пока еще уважают. Короче, отпускайте батюшку и всех остальных по-быстрому, или я звоню вашему начальству!

— Ладно, перепишите у всех задержанных паспорта и отпустите, — неохотно отдал приказ невысокий.

Прихожане, потирая затекшие локти и запястья, а также синяки на руках и ногах, потянулись к метро. По пути они громко возмущались действиями полиции и шептались, что вырвались из автозака с Божьей помощью. Про помощь капитана Пищика в их освобождении никто и не вспомнил.

— И что, Марго, по-твоему эти несчастные, недалекие люди могли быть страшными убийцами и похитителями? Как тебе вообще могло такое прийти в голову? Как ты могла поверить, что они устроили серию убийств в больнице? — спросил Леха, когда они с Ритой уселись в его машину. Он снисходительно взглянул на девушку и продолжал: — Запомни, дорогая: в наше время убивают только за деньги. Короче говоря, твоя миссия агента под прикрытием закончена. Надеюсь, ты получила самую необходимую в нашей жизни прививку — от страха?

— Леш, мы еще увидимся? — вместо ответа спросила Рита, готовая разреветься. — Она вдруг ясно осознала, что все закончилось. Навсегда.

— Глупенькая! Завтра же пиши заявление об отпуске и думай, куда пристроить Ватсона на две недели, — сказал Леха. Он включил двигатель, повернулся к подруге и внезапно поцеловал Риту самым долгим поцелуем за все время их знакомства.

Больше книг на сайте - Knigoed.net